

ИПТАП в бою и на марше 4-я батарея

На заключительном этапе зимнего наступления 1943-го года 595-й ИПТАП РКК, в котором я проходил службу в должности командира 4-й батареи, поддерживал части 5-го гв. ТК — 4-ю гв. МСБр и 69-ю гв. ТБр{43}. В ночь на 21-е, 22-го и в течение всего дня 23.02 подразделения 4-й гв. МСБр, сопровождаемые огнем гаубичного дивизиона артиллерийского полка корпуса, бригадного дивизиона, 104-го гв. ОМД РС, а с вечера 22.02 2-й и 4-й батареями 595-го ИПТАП РКК и подразделений зенитного дивизиона корпуса, вели бой за Ахтырку{44} и вынудили противника оставить городок.

Утром на следующий день после ожесточенного налета пикирующих бомбардировщиков противник предпринял две контратаки с целью вернуть Ахтырку. 4-я батарея вместе с другими участвовала в отражении контратак прямой наводкой. Во второй половине дня после очередного налета «юнкерсов» последовала третья атака. [458]

С утра 24.02 наступление возобновилось{45}. 1-й танковый батальон 69-й гв. ТБр, имея в строю два танка — Т-70 и Т-34 — и приданные ему батареи бригадного дивизиона — 76-мм пушечная, 122-мм гаубичная и 4-я батарея 595-го ИПТАП РКК, — выступил из Ахтырки. Движение возглавляла ГПЗ{46} — танк Т-70, взвод управления пушечной батареи и 1-й огневой взвод 4-й батареи.

На подходе к реке Ворскле ГПЗ подверглась обстрелу и отошла обратно на опушку леса. Орудия 1-го огневого взвода стали отвечать противнику. Их поддержал подошедший к этому времени Т-34 и следовавшие за ним орудия.

Незадолго до полудня противник оставил позиции на берегу р. Ворсклы и отошел по дороге на Чернетчину. 1-й танковый батальон и приданные артиллерийские подразделения заняли оборону южнее подорванного моста на Ворскле. ГПЗ, усиленная 2-м огневым взводом и взводом управления 4-й батареи, двинулась вслед за арьергардом противника. Он состоял, судя по следам гусениц при выезде на дорогу, из четырех танков и семи-восьми бронетранспортеров.

Февраль 1943-го года выдался неустойчивым. Неделя-другая мороз трескучий, снегопады, затем потепление, туман, слякоть и опять снег и вьюга. Дорога на Чернетчину труднопроходима. За обочинами лежит снег — слой около метра, а на грейдере — канавы, оставленные немецкими танками, заполненные до краев водой. Видимость не более полутора километра. Арьергард скрылся в туманной дымке.

Взвод управления 4-й батареи двигался впереди, вел наблюдение. Орудия провели очередной обстрел прямой на-водкой дороги и разворачивались снова. Прошел танк Т-70. лейтенант, его командир, не вылезая из люка, протянул мне клочок бумаги. Радиограмма. Командир 1-го батальона ставил в известность о том, что он получил приказание продолжать преследование противника и к исходу дня занять Ландратовку в 20-ти километрах на северо-восток от Чернетчины и что в направлении Чернетчина — Ландратовка выступают остальные подразделения 69-й гв. ТБр, имеющие задачу овладеть г. Зеньков к исходу 23.02{47}. «Как? Сегодня двадцать четвертое». Т-70 тронулся. лейтенант не слышал, захлопнулся люк. [459]

В 15 часов после огневого налета с открытых позиций, в котором участвовали все три батареи и оба танка, немецкий арьергард оставил Чернетчину. Силы его увеличились, по данным лейтенанта Глотова. В составе арьергарда он насчитал 7 танков, 12 бронетранспортеров и столько же колесных автомобилей.

Небо сплошь затянули серые тучи. Вдруг — «мессершмитты»! Одна пара, другая, третья. 4-я батарея остановилась. Захлопали винтовочные выстрелы. Истребители обстреляли колонну на встречных курсах и скрылись среди туч.

Орудия едва ползут. Под колесами плещется грязь и виснет сосульками на бампере и крыльях.

В поле слева от дороги ложатся снаряды — два, три, четыре. Артиллерия противника обнаружила ГПЗ. Похоже, начинается пристрелка.

Уже на протяжении целого километра я слышу позади сигналы. Кому-то нужна обогнать мой автомобиль. Старший лейтенант Бажанов — помощник начальника штаба полка по связи, он же делегат связи. Срочное приказание. 4-я батарея возвращается в Ахтырку. 595-й ИПТАП по распоряжению командира 5-го гв. ТК направляется на поддержку 4-й гв. МСБр{48}.

«Боевое распоряжение 031. Штаб 5-го гв. ТК. Ахтырка.

Командир корпуса приказал: 4-й гв. МСБр и 595-му ИПТАП наступать в направлении: Ахтырка, Грунь, Куземин, Опошня, имея задачей к исходу 24.02.43 г. овладеть Опошной.

Начальник штаба корпуса... подпись».

* * *

Ахтырка, Грунь, Опошня. Я хорошо помнил эти места и людей... Андреев, Зотин, Медиков. В начале октября 1941 года мы шли в толпе голодных усталых окруженцев по ничейной земле. Питались плодами диких яблонь и груш да лесными орехами в прибрежных лесах по Ворскле.

Пришли в Грунь. Холодно, сыро, деревья роняют листья. На сельской площади пылает костер, рядом кабанья туша, разделанная наполовину. 10–12 небритых оборванцев хлопочут у огня. Наш брат — окруженцы. [460]

Мои спутники обрадовались. То-то обогреемся, и пища готова. Но поднялась женщина и указала на дорогу: «Проваливайте!». Не нашлось нам места у чужого костра. Меликов едва не плакал от обиды.

И вот снова Грунь, в снегу, зимняя. Сельская площадь не изменилась. На том же месте — два деревянных амбара с худой крышей, длинный забор, хаты.

4-я батарея остановилась. Люди прыгали на землю. Нужно рассредоточиться. «Мессершмитты» рыскают непрерывно, одна пара улетела, явилась другая. 1-е орудие вкатило во двор — тягач радиатором на выход, 2-е — под стеной амбара, там же 3-е и дальше — 4-е. Мой автомобиль остался на месте, под деревьями, в кронах еще держался утренний иней.

— Воздух!

«Юнкерсы»! Взревели двигатели, воют сирены. Землю сотрясают разрывы бомб.

В Груне — видно с бугра — машины штаба полка, 3-я, 5-я батареи, танк, какие-то повозки. Два десятка пикирующих бомбардировщиков и «мессершмитты» — их три пары — израсходовали бомбы, носятся над хатами и посылают одну очередь за другой бортовых пушек и пулеметов. Был ранен телефонист Слепцов, заряжающий 2-го орудия старший сержант Серебряков, переведенный из 5-й батареи{49}.

Я наблюдал за бомбежкой со своего сидения в «хорьхе». Костыренко, Измestьев, Плюхин и радист убежали по команде «В укрытие!». В автомобиле остался только водитель — рядовой Кулешов Д. С., чего прежде он не делал. Вдруг он заволновался: «Товарищ старший лейтенант, разрешите выйти?».

Кулешов дернул дверцу — и в сторону от «хорька». Дребезжат целлулоидные стекла, в кабину хлынула влага, пар. «Мессершмитт» стремительно падал, сверкала огненная струя. Кулешов будто присел, выпрямился и упал навзничь. Лед вокруг окрасился кровью. Погиб Кулешов{50}.

Кулешову было лет 30–35, водил «хорьх», великолепный шофер, в 4-ю батарею попал путем довольно необычным. Месяц назад, 24-го января неподалеку от Касторного, в колонне [461] пленных немцев — она двигалась навстречу 4-й батарее — мой ординарец ефрейтор Костыренко {51} заметил знакомое лицо.

Ну... не может быть, ему показалось, в замерзшем стекле... Костыренко открыл дверцу, выкрикнул фамилию. Я остановил батарею. Неужели это Буриков, ефрейтор, каптенармус 2-й батареи? Бурикову часто доставалось от непосредственного начальника, старшины Каплуна, за то, что выдавал сверх положенной нормы рюмку водки замполиту батареи Ивану Петровичу Пономаренко. Старшина безошибочно определял падение уровня жидкости в бидоне. Но ведь и замполит для каптенармуса начальник. Старшина Каплун не желал считаться с уставами, когда речь шла о продовольственных ресурсах.

Буриков подошел к машине. Разговорились. Лето прошлого года. Южнее г. Тим 28-го июня немцы прорвали оборону {52} на участке 160-й СД, 595-й ИПТАП РК, вместе с частями 6-й СД, в районе Старого Оскола попал в окружение. Непрерывные бомбежки, неразбериха, нехватка горючего. На рассвете 1-го июля в селе Казачьем 595-й ИПТАП, стоявший в колонне, внезапно атаковали танки, укрывшиеся еще с вечера во дворах.

Командир полка майор Купин И. В. в последнюю минуту приказал мне привести ближайшую 2-ю батарею «К бою» и прикрыть колонну. Подлинный героизм, проявленный личным составом огневых взводов, не мог предотвратить трагический исход нападения. Произвело три выстрела в упор только орудие старшего сержанта Семина Н. В. Погиб расчет под гусеницами танка, погибла 2-я батарея. Каптенармус, ефрейтор Буриков, в числе уцелевших, был взят в плен.

Ходили слухи, будто немцы в 1942-м году принуждали пленных артиллеристов к службе во вспомогательных и тыловых подразделениях. Буриков, спустя три недели после пленения, оказался на фронте, в зенитном дивизионе, который занял ОП в районе деревни Шилово, на западном берегу реки Воронеж в секторе 4-й батареи. В середине июля 1942 г. на участке Шилово наши части пытались форсировать реку Воронеж. Как только появлялись в воздухе ИЛы, зенитчики открывали огонь. Много раз 4-я батарея обстреливала их позиции. [462]

По словам Бурикова, он знал, что 595-й ИПТАП на противоположном берегу реки. Откуда? Ему сообщили пленные пехотинцы из 206-й СД, когда вели их мимо позиций зенитчиков. В одном из огневых налетов Буриков был ранен осколком снаряда. Мысль вернуться к своим пришлось отставить.

Возле автомобиля толпятся оружейные номера. Буриков сбросил шинель немецкого зенитчика, оделся в свою. Но прежде чем сесть в кузов тягача, он обратился с просьбой взять еще одного пленного — Кулешова, за которого он — Буриков — готов поручиться.

Прошел день, другой. Ко мне на НП явился уполномоченный контрразведки полка Юрий Иванович Ласейчук. Я изложил дело Бурикова и ситуацию, хорошо уполномоченному известную. Обещанный прорыв с севера на Касторное ударной группировки войск 38-й армии не состоялся. Немцы, отступающие из района Воронежа, завладели снова Горшечным. В результате этого части 4-го ТК и 595-го ИПТАП оказались в окружении. До проверок ли тут? В 4-й батарее в оружейных расчетах по четыре человека, пять трофейных автомобилей. Батарейный механик сержант Божок не знаком с немецкой техникой. В течение 2-х недель я вынужден водить автомобиль. На марше — куда ни шло, а в боевых порядках? Кулешов — специалист. А Буриков — свой, я не верю, что он изменник, у пленного нет собственного мнения. Уполномоченный должен согласиться с этим. Бурикова заставляли силой стрелять по своим.

«Да, свой, — подтвердил Юрий Иванович и оглядел стоявших поодаль Бурикова и Кулешова, — правильно, не отправляйте, пусть штаб не горячится. Выберемся из окружения, я скажу командиру полка, а вы напишите рапорт».

С Юрием Ивановичем Ласейчуком у меня сложились дружеские отношения с первых дней службы в полку. Он храбрый и мужественный человек, интересы службы всегда ставил выше всех других.

Впрочем, немаловажную роль сыграло и то, что Ласейчук узнал Бурикова, тот был в дни службы во 2-й батарее его негласным сотрудником.

Вскоре Ю. И. Ласейчук — я расскажу еще о нем — ушел на высшую должность. Его сменил новый уполномоченный. Приутихли сражения. Войска перешли к обороне.

В двадцатых числах марта 1943-го года пополненный 595-й ИПТАП занял ОП на Северском Донце на участке Печенеги — Мартовая{53}. Новый уполномоченный донимал [463] Бурикова допросами. Почему Буриков стрелял по своим? Не уклонялся и не агитировал других пленных? Под Воронежем кто именно, при каких обстоятельствах передавал Бурикову сведения о 595-м ИПТАП? И так далее.

Буриков жаловался. Я сообщил о Бурикове командиру 16-й ОИПТАБр полковнику Купину, он переговорил с начальником штаба артиллерии 40-й армии полковником Блохиным. Буриков был переведен в 1850-й ИПТАП 16-й ОИПТАБр РК.

Позже в должности заместителя командира 1850-го ИПТАП я осматривал как-то полковые тылы. Нашел там Бурикова в должности писаря автомобильной службы. Он выглядел больным. Подполковник Карманов, начальник службы, направил Бурикова в санчасть, оттуда он попал в госпиталь и скончался там от туберкулеза легких, как мне говорили, когда я после ранения вернулся в полк. Родом Буриков откуда-то с севера, чуть ли ни из Вологды.

* * *

Численность наших подразделений уменьшается с каждым днем. 454-й гв. МСБ 4-й гв. МСБр — 4-я батарея поддерживала его с вечера 22.02 и утром 23.02 в боях за Ахтырку — имел 76 человек. 27.02, сегодня, в его составе уже числилось 67 человек, три 45-мм орудия, три миномета. В то же время сопротивление противника возрастало, и действия немецких арьергардов напоминают больше маневр, чем вынужденное отступление. Например, к вечеру 22.02, когда две батареи 595-го ИПТАП вступили в бой, пехота 4-й гв. МСБр занимала лишь северную окраину Ахтырки и прилегающий лес. Не было никаких признаков того, что немцы оставят Ахтырку. Пехота готовилась с утра возобновить атаки. Обе батареи — 2-я и 4-я — заняли открытые ОП в центре городка, сменял боевые порядки 104-й ОМД РС. Но утром выяснилось, немцы ушли еще в полночь.

Та же закономерность наблюдалась на юг от Ахтырки. Немцы вцепились за Шеболдаев, и все усилия 4-й гв. МСБр и поддерживающих батарей вытеснить их с занимаемых позиций в течение двух суток ни к чему не привели. 26.02 в результате внезапной контратаки они окружили два мотострелковых батальона{54}. Разомкнуть кольцо окружения удалось лишь после того, когда 4-я гв. МСБр сосредоточила для [464] этого все свои силы. Немцы оставили Шеболдаев неожиданно{55}, как Ахтырку.

Становятся хроническими перебои в материальном обеспечении. Особенно ощутима нехватка горючего. Служба ГСМ полка после того, когда пришли к концу трофеи, вынуждена подвозить в условиях многоснежной зимы горючее с железнодорожной станции Давыдовка, на правом берегу Дона{56}. Пробег в один конец 600 км.

На рубеже Шеболдаев — Батки участие в боях с первого дня принимали 2-я и 5-я батареи, в последующем и 4-я. Все остальные батареи 595-го ИПТАП занимали ОП в с. Грунь, не имея средств переместиться ближе к полю боя{57}.

27.02 ночью ко мне на НП (бугор западнее Буды) прибыл делегат связи. «Отбой».

4-я батарея вернулась в Грунь. Капитан Крутов ознакомил меня с новой задачей. По приказанию командующего артиллерией 40-й армии 595-й ИПТАП РК уходит в район Харькова. Маршрут: Грунь — Ахтырка — Богодухов — Ольшаны — Пересенная. К 8.00 28.02 сосредоточиться в с. Гавриловка (западнее Харькова 8 км) и поступить в непосредственное подчинение полковника Журавлева, заместителя командующего артиллерией Воронежского фронта.

Оттепель закончилась. Дороги подмерзли. К 6.00 в Ахтырку вошли 2-я и 4-я батареи. Другие стояли по пути с пустыми баками.

4-я батарея заняла ОП на окраине Ахтырки для прикрытия дороги к разрушенному мосту через Ворсклу. Взвод управления, орудийные расчеты, исключая лиц, несших караульную службу, беспробудно спали до утра. В 20.00 28.02 возвратились машины службы ГСМ с горючим, отправленные из Груни в Богодухов {58}.

Полк продолжал движение. Дорога, содержавшаяся прежде в хорошем состоянии, стала труднопроходима. Нанесенные недавно снежные сугробы никто не расчищал. В лощинах на участке от Богодухова до Ольшани пробки, расчеты толкают буксующие тягачи, орудия. Богодухов бомбят «юнкеры».

Немецкая авиация заметно активизировала свою деятельность. Особенно в тыловой зоне. «Юнкеры» летят куда-то стаями, рыскают «мессершмитты», обстреливают колонну. [465]

1.03 около 6 часов 595-й ИПТАП вошел в Гавриловку {59}. Батареи приступили к занятию боевых порядков. ОП 4-й — северная окраина Гавриловки. Расчеты привели орудия «К бою» и — на отдых. Все близлежащие хаты заняты. Кому не нашлось места в тепле, тот довольствуется углом в сарае. Холод не страшен, в батарее помимо полушубков почти у каждого венгерский тулуп.

Отдых личного состава не был предусмотрен ни полковым начальством, ни заместителем командующего артиллерии, в распоряжение которого поступил полк. Нет горючего.

На подступах к Харькову царит беспокойство и тревога. Мы — командиры батареи, входившие в группу командира 595-го ИПТАП, которая рекогносцировала по приказанию полковника Журавлева западную окраину города, — могли убедиться в этом. Все твердят о немецком контрнаступлении. Многие готовятся к эвакуации. Дороги запружены. Какие-то полугражданские, полувоенные формирования. Похоже, строители или саперы, очень многочисленны. Передвигаются одни — в сторону Харькова, другие — навстречу, всеми способами: пешком, на повозках, тягой вместо лошадей служат коровы и первопроходческие сельскохозяйственные трактора на больших железных колесах.

Нашу рекогносцировку прервал делегат связи. Полковник Журавлев приказал полку двигаться на Чугуев. Командир полка озадачен. В баках горючего меньше четверти.

Что же происходило на фронте? В 20-х числах февраля немцы, завершив сосредоточение войск в районе Краснограда (180 км юго-западнее Харькова), перешли в наступление. Резервов в оперативной зоне не было. Ослабленная в длительных боях западная группировка войск Воронежского фронта (40-я, 21-я армии, 5-й ТК и другие) не могла отразить наличными силами удар противника. Попытка удержаться на занятых рубежах оказалась безуспешной.

За счет внутрифронтовых перетасовок частей противотанковой артиллерии РГК была создана противотанковая артиллерийская группа обороны города Харькова, в состав которой наряду с другими был включен и 595-й ИПТАП РГК. Командующий группой полковник Журавлев опасался, что немцы прорвут редкие боевые порядки наших отступающих частей и устремятся к мостам на Северском Донце.

Не имея горючего, 595-й ИПТАП не мог двинуться с места. [466]

Для прикрытия Чугуевского моста ушла только одна батарея {60}.

Если не учитывать предпринятые «юнкерами» на Гавриловку налеты, личный состав 4-й батареи отдыхал, занимался самообслуживанием. Штаб полка сообщил обстановку: противник продвигался в направлении на Змиев, неоднократные попытки завладеть д. Тарановка отражены {61}.

Ночью 3.03 поступило горючее. Командующий группой приказал занять новые боевые порядки. ОП 4-й батареи — Красная Поляна, у моста на северном берегу речки Уды. 1-й огневой взвод — справа, 2-й — слева обеспечивали прикрытие дороги на Змиев {62}.

В 14 часов 4-й батарее объявлен «Отбой». ОП — Васищево. Готовность к открытию огня 16 часов. И снова «Отбой». Марш на Красную Поляну. ОП прежняя. Готовность 20.00.

4.03 в 2 часа 30 минут капитан Крутов сообщил мне по телефону о новой задаче. Батареи снимаются с боевых порядков, как только поступит горючее {63}.

Поздно вечером 4-го марта 4-я батарея вошла в город Харьков. Улицы пустынные, город погружен в темноту. Где-то позади, кажется, на аэродроме, полыхает пламя, отсветы его ложатся тусклыми пятнами на стены домов.

Район ОП 4-й батареи в западной части города — она называется Липовая Роща {64}. Заснеженная улица сбегает по склону вниз. Справа темнел лесистый бугор. На другой стороне — одноэтажные дома и заборы, где кончался один, брал начало другой.

1-й огневой взвод разворачивался на перекрестке, 2-й — в саду. Орудия приведены в боевое положение. У каждого выгружено несколько ящиков со снарядами. Поставлена наскоро маскировка, назначены секторы стрельбы. Этим и ограничились работы на ОП.

Делать нечего. Орудийные номера в ожидании очередных команд занимают свои места. Не затихает лай собак, вызванный приездом батареи. В ближних домах сквозь зашторенные окна пробивается свет. Хозяева, хочешь не хочешь, открывай дверь. [467]

В городе во всем недостаток. Ни продовольствия, ни топлива. Жители добывают пропитание кто как может.

Подготовка к открытию огня закончена. Я отослал донесение в штаб полка и отправился на отдых. Дом, отведенный мне, стоял за перекрестком улиц в плоскости стрельбы орудий 1-го огневого взвода.

Во дворе лает собака. Когда я открыл дверь, мой ординарец ефрейтор Костыренко Ф. Н. выкладывал на стол хозяевам трофейные консервы.

Около 2-х часов ночи меня поднял посыльный. 4-й батарее объявлен «Отбой». Явиться в штаб, вызывает командир полка.

От вечерней оттепели не осталось никаких луж. Валит сухой мохнатый снег. Температура воздуха — 12 °С.

Перед домом у калитки караульный, еще кто-то — адъютант командира полка.

— ...сюда... по ступенькам... тут налево, — направлял адъютант, — у командира... гость... полковник Журавлев... командующий артиллерийской противотанковой группой обороны города Харькова.

Дверь отворилась. В комнате, освещенной двумя керосиновыми лампами, накрыт стол. Дым стоит коромыслом. За столом — командир полка майор Таран, полковник Журавлев, напротив две девушки. В углу на тумбочке патефон. Майор Таран поспешно поднял головку звукоснимателя, аргентинское танго оборвалось.

— ...снимайте полушубок, — приглашал командир полка, когда я доложил о прибытии, — садитесь перекусите, после поговорим, вот прибор.

— ...отказываетесь? — спросил полковник. — ...время ужина прошло, а завтракать вроде бы рано... и рюмка иптаповцу перед дорогой ни к чему.

Полковник притушил папиросу, поднялся, развернул под лампой карту. Девушки вышли из комнаты.

— Товарищ старший лейтенант, — начал полковник, когда дверь закрылась, — когда будет готова ваша батарея к движению?

— ...максимум через 10–15 минут.

— ...вы направляетесь в распоряжение командира двести пятьдесят третьей стрелковой бригады... его КП, предположительно, Старая Водолага{65}, северная окраина... на месте установите. Район ваших ОП хутор Федоровка... к исходу четвертого марта... по данным штаба группы... пехота должна [468] занять оборону на рубеже севернее Старой Водолаги... В следующую минуту я понял, почему полковник Журавлев — образованный командир — не упомянул, как требовали правила, о противнике, начал со своих войск.

— ...крупные силы немцев... около четырехсот танков... продвигаются в направлении Новая Водолага, Валки, Люботин. Час назад поступило сообщение... с утра фланговая группировка атакует оборонительный рубеж двести пятьдесят третьей стрелковой бригады... пехоте необходима... незамедлительно... поддержка... иначе... вы понимаете насколько серьезно положение? Я... не могу выделить более одной-двух батарей... вы выступаете первым... маршрут... Липовая Роща, Основа, Мерефа, хутор Карловка, Старая Водолага, хутор Федоровка... на марше соблюдать все меры обеспечения. По прибытии в Основу вышлите разведку пути на Мерефу... поддерживать связь. Не исключено, что вы встретите противника... разворачивайтесь на месте и немедленно уведомите командира полка. — Полковник Журавлев считает обстановку крайне опасной. К тому же немецкая авиация подвергала дорогу ожесточенной бомбежке. — В Старую Водолагу вы должны прибыть до рассвета... переносите на вашу карту обстановку. Товарищ майор, кажется все?

— Товарищ полковник, разрешите уточнить задачу командира четвертой батареи по существу. Где командир бригады? Пусть командир батареи установит связь с пехотой на рубеже обороны, подготовится к ведению огня и после этого ищет начальников.

— Вы правы, — согласился полковник. — Готовность к открытию огня четвертой батареи восемь ноль. К десяти часам придет еще одна батарея... вы старший... проведете для нее рекогносцировку района ОП, встретите. Вопросы, товарищ старший лейтенант?

Кто обеспечивает прикрытие ОП четвертой батареи?

— Подразделения бригады. Их численность, возможности?

— ...выясните на месте.

А если в районе ОП не окажется пехоты?

— ...маловероятно, — отвечал полковник. — Подразделения двести пятьдесят третьей стрелковой бригады должны занять назначенный им оборонительный рубеж.

— ...если не заняли? — повторил я вопрос.

— ...ведите непрерывно разведку... дальше Старой Водолаги пехота отойти не могла.

Эти утверждения мне казались сомнительными, но вдаваться в детали было бы невежливо и я спросил; «Как поступать, [469] если не найду пехоту в Федоровке и Старой Водолаге?»

— Занять ОП там, где встретите противника... ИПТАПовские командиры постигают рано или поздно тонкости фронтовой терминологии. Контрнаступление ширилось, противник продвигался на север и северо-восток, отбрасывая наши малочисленные части. Инициатива в его руках. С какой стороны ждать очередной удар? Тактика пассивного выжидания неприемлема. Наши старшие начальники, стремясь сохранить возможно дольше собственные резервы, часто прибегали к полумерам, как в данном случае. Батарея — 4 орудия — и перед ней поставлена задача глобального масштаба. Расчет прост. Количество немецких танков с каждым пройденным километром не возрастает, а уменьшается. Сегодня их не может быть столько, сколько было вчера.

Разумеется, ни командующий группой обороны района Харькова, ни командир полка не ожидают, что 4-я батарея остановит танковую армаду, но как тот, так и другой исключали всякую мысль о том,

что она уступит свои позиции без боя. Короче говоря, мои начальники рассматривали 4-ю батарею как заслон, участь которого предрешена. И толковать тут не о чем. Нужно же кому-то первому выступить навстречу танкам.

Вот почему я в нарушение такта задал еще один вопрос. Какова численность 253-й СБр, если командующий группой полагает, что без 4-й батареи она не способна удержать свой оборонительный рубеж?

— ...двести пятьдесят третья стрелковая бригада укомплектована до полного штата. Численность ее приблизительно две с половиной тысячи штыков.

«Должно быть, свежая, недавно прибыла на фронт», — подумал я и спросил разрешения приступить к выполнению задачи.

— Нет, — отозвался майор Таран. — Вы не хотите есть... но от чая, надеюсь, вы не откажетесь?

Вошли девушки. Чай подан. Я выпил свой стакан и обратился за разрешением выйти.

— Товарищ старший лейтенант... в путь, — сказал полковник, — желаю удачи. — Они оба поднялись, вышли из-за стола.

В открытую дверь ворвался морозный воздух. В ночном небе сверкают звезды. Хрустел под сапогами выпавший вчера снег.

— Стой, кто идет? — встретил меня на перекрестке караульный. [470]

Он в валенках, огромном венгерском тулупе, на груди автомат. Нужно не меньше минуты, чтобы изготавиться к стрельбе.

Явился старший лейтенант Никитин — старший на батарее.

— Товарищ старший лейтенант, — доложил Никитин, — взвод управления, огневые взводы, хозяйственное отделение построены в колонну. Обеспечение... боеприпасы — полтора БК, горючее — полторы заправки, продовольствия — пять суточак... ..четвертая батарея готова к маршу... разрешите подать команду «По местам»?

* * *

4-я батарея... вот ее штатно-должностное расписание на 25-е декабря 1942 года{66}:

1. Командир батареи — старший лейтенант Петров В. С.
2. Заместитель командира батареи — младший лейтенант Ростовцев В. М.
3. Заместитель командира батареи по политической части — политрук Кокорин А. Г.

Взвод управления

4. Командир взвода управления — лейтенант Глотов В. Н.

Отделение разведки

5. Помощник командира взвода управления — старший сержант Ибадов Кахраман.
6. Шофер — красноармеец Смирнов И. В.
7. Старший разведчик — ефрейтор Костыренко И. Н.
8. Разведчик — красноармеец Измestьев М. С.

9. Разведчик — красноармеец Воробьев И. И.

10. Разведчик — красноармеец Медведь Н. М. И. Разведчик — красноармеец Плюхин Ф. Е.

12. Разведчик.

Отделение телефонной связи

13. Командир отделения телефонной связи — сержант Берзняков Ф. А.

14. Старший телефонист — ефрейтор Зубар И. П.

15. Старший телефонист — ефрейтор Бузин Н. Г. [471]

16. Телефонист — красноармеец Жданов Н. Я.

17. Телефонист — красноармеец Артемов Н. Д.

18. Телефонист — красноармеец Желудков М. И.

19. Телефонист — красноармеец Андреянов М. И.

20. Телефонист — красноармеец Кудрев И. А.

21. Телефонист.

Отделение радиосвязи

22. Командир отделения радиосвязи — младший сержант Пасека В. И.

23. Старший радист — старший сержант Пискунов Д. М.

24. Радиотелеграфист — красноармеец Слепцов М. И.

25. Радиотелеграфист.

26. Радиотелеграфист.

1-й огневой взвод

27. Командир огневого взвода — младший лейтенант Серебряков М. П.

1-й орудийный расчет

28. Командир орудия — сержант Агуреев Г. Д.

29. Заместитель командира орудия — наводчик — сержант Тимершин У. М.

30. Заместитель наводчика — младший сержант Гончаров А. А.

31. Орудийный номер — ефрейтор Шестаков П. И.

32. Орудийный номер — красноармеец Балко А. К.

33. Орудийный номер — красноармеец Кондратьев С. Ф.

34. Орудийный номер — красноармеец Аманов Н.

2-й орудийный расчет

35. Командир орудия — старший сержант Климентьев Н. Я.
36. Заместитель командира орудия — наводчик — сержант Сергеев И. М.
37. Заместитель наводчика — младший сержант Артеменко М. И.
38. Орудийный номер — красноармеец Нос А. И.
39. Орудийный номер — красноармеец Брюхно Е. А.
40. Орудийный номер — красноармеец Ишаков Б.
41. Орудийный номер — красноармеец Раимов Р. [472]

2-й огневой взвод

42. Командир огневого взвода — лейтенант Панин В. И.

3-й орудийный расчет

43. Командир орудия — старший сержант Викторов А. В.
44. Заместитель командира орудия — наводчик — сержант Проскурин А. И.
45. Заместитель наводчика — старший сержант Серебряков.
46. Орудийный номер — красноармеец Перваков Ф. Ф.
47. Орудийный номер — красноармеец Есагальдыев К.
48. Орудийный номер — красноармеец Арудов А. В.
49. Орудийный номер.

4-й орудийный расчет

50. Командир орудия — младший сержант Шамшура С. П.
51. Заместитель командира орудия — наводчик — младший сержант Тарычев М. М.
52. Заместитель наводчика.
53. Орудийный номер — красноармеец Извеков З.
54. Орудийный номер — красноармеец Оспанов Д.
55. Орудийный номер — красноармеец Аразалиев А.
56. Орудийный номер — красноармеец Каримов К.

Отделение тяги

57. Командир отделения тяги — старший сержант Божок И. М.
58. Механик-шофер — старший сержант Уколов Г. Н.

59. Механик-шофер — старший сержант Сидельников Т. Е.

60. Механик-шофер — красноармеец Нарышкин П. И.

61. Шофер — ефрейтор Дорошенко Н. Ф.

62. Шофер — красноармеец Подволоцкий Н. В.

63. Шофер — красноармеец Костюк А. К.

64. Шофер — красноармеец Плючко П. М.

65. Шофер — красноармеец Ткачук И. П.

Хозяйственное отделение

66. Старшина батареи — старшина Кузнецов К. И.

67. Инструктор санитарный — старший сержант Луковников А. П. [473]

68. Инструктор химический.

69. Мастер орудийный — сержант Еганов А. Н.

70. Шофер — младший сержант Рудой В. Ф.

71. Пулеметчик — красноармеец Сапелин И. В.

72. Кантенармус — ефрейтор Зеленый М. И.

73. Повар старший — ефрейтор Смирнов.

74. Повар — рядовой Казанкин.

Я помещаю этот сугубо штабной документ с мыслью о моих сослуживцах в дни минувшей войны. Невесть какой грамотей, я учил их уму-разуму, учил службе, как меня учили мои командиры, и нисколько не сомневаюсь в том, что всякий, кому попадут на глаза эти строки, вспомнит науку и отзовется.

Сколько нареканий и обид высказывали орудийные номера и люди взвода управления? Всегда 4-я! В болото под Отрожками — 4-я, в Чижовку — 4-я, в Урыв — 4-я, в Солдатское... Касторное... А в окружении на дороге восточнее Быково? Три тысячи немецких пехотинцев, а на ОП всего по пять снарядов на орудие!!!

Эти обиды искренне чувствовал замполит Кокорин — мой друг и товарищ. «Почему вы не возражаете?» — оглядевшись, спрашивал он где-нибудь в снежной нише. Кокорин дорожил репутацией замполита и не хотел, чтобы кто-то слышал, будто замполит поддерживает нездоровые настроения.

Отрожки, предположим, но относительно Чижовки обиженные неправы. У командира полка были все основания послать именно 4-ю батарею. Еще в начале боев я был недоволен работой ПНП и обратился с просьбой к командиру полка разрешить мне перенести НП в Чижовку. Кого бы послал Кокорин, если не человека, который знает местность? И потом должен же кто-то...

— Да, конечно, — возмущенно восклицал Кокорин, — вы выслуживаетесь перед начальством, а расплачиваются орудийные номера! В Отрожках оставили трех, в Чижовке... шесть...

Кокорин говорил так сгоряча. Я не обижался. Выслуживаются сотрудники тыловых учреждений, возможно, еще где-то в других частях. Действительно, во фронтовой жизни встречаются изворотливые люди, умеющие вместо себя подставить другого. Командиры-иптаповцы далеки от этого, они несут бремя несравненно больше своих подчиненных, а во всех прочих случаях делят с ними поровну труды и невзгоды войны.

Да, на досуге люди судачили между собой. Но все обиды [474] забываются, когда подана команда «По местам!». Разведчики, орудийные номера, связисты действовали как повелевала совесть и обязанности воина. 4-я батарея решала задачи, непосильные для других, и по меньшей мере четырежды спасала полк от гибели. Но об этом речь впереди.

* * *

4-я батарея... я принял ее 6-го июля 1942 года {67} в 500 км от Липовой Роши в Рождественской Хаве близ м. Анна в восточной части Воронежской области, куда 595-й ИПТАП РГК был отведен на доукомплектование после того, когда вырвался из окружения в районе г. Тим — Ефросиновка — Старый Оскол {68}, потеряв в тяжелых боях более половины личного состава, три четверти орудий и столько же автомобилей и тягачей. Среди погибших и пропавших без вести числился и старший лейтенант Кипенко, прежде командовавший 4-й батареей, я выполнял обязанности старшего на батарее до того дня, когда вторично был переведен на должность помощника начальника штаба полка.

14-го июля в Рождественской Хаве полк встречал командующего артиллерией 40-й армии генерал-майора артиллерии Баренцева С. С. Он осмотрел позиции и хаты, в которых жили орудийные расчеты. Подразделения еще не были укомплектованы, не получены шесть орудий, приборы, средства связи, отсутствовали семьдесят человек, но командующий артиллерией нашел, что полк вполне вернул боеспособность.

Командир 595-го ИПТАП РГК майор Купив И. В. построил на деревенской улице командный состав. За чертой, которую обозначили линейные с примкнутыми, как на параде, штыками, толпились местные жители. Генерал Баренцев перед строем изложил обстановку в районе Воронежа, назвал меры, предпринимаемые командованием 40-й армии с целью стабилизировать положение, и приказал немедленно выступить на фронт {69}.

595-й ИПТАП, совершив пятидесятикилометровый марш, в тот же день занял боевые порядки в полосе обороны частей 206-й СД, которая подошла из тыла. ОП 4-й батареи — на берегу безымянного озера, 800 м южнее деревни Масловка, [475] НП — голый песчаный бугор, в ряду других, которые тянутся грядой вниз по течению, к деревне Таврово по восточному берегу реки Воронеж. Район целей — деревня Шилово на высоком крутом западном берегу реки.

3 августа 595-й ИПТАП РГК сменил боевые порядки {70}. ОП 4-й батареи (она называлась сводной потому, что в ее состав включены 2 орудия 1-й батареи) — на берегу речки Усманки на окраине деревни Гололобово (в 9-ти км восточнее Воронежа). НП — на пятом этаже жилого дома в Придаче по улице, которая отделяла ограду 18-го авиазавода от прибрежных болот восточного берега реки Воронеж. Основной сектор стрельбы: граница справа — еврейское кладбище (включительно), слева — угловой дом (правый угол) в переулке В. Фигнер (включительно). Дополнительный — справа здание розариума Зелентреста (включительно), слева — красная казарма (исключительно) на территории Воронежского военного училища связи.

4-я батарея вместе с другими поддержала огнем с закрытых ОП усилия пехоты частей 100-й СД, 6-й СД, 111-й ОСБр, в последующем — танков 14-й ТБр и других в боях по овладению Чижовкой (южная окраина Воронежа), а затем тщетные попытки этих соединений выйти в тыл Воронежской группировки немецких войск {71}.

Ночью с 26-го на 27-е октября с ПНП 4-й батареи поступило сообщение: в частях 100-й СД на Чижовском плацдарме поднялась тревога. В районе ориентира 6 — красная казарма военного училища связи — слышен гул двигателей. По мнению пехоты, немцы концентрируют танки с намерением ликвидировать плацдарм. Пехота не полагается на минные поля, так же как на собственные противотанковые средства — 45-мм батальонные, 76-мм полковые орудия и подразделения ПТ ружей — и требует немедленно выдвинуть ИПТАПовские орудия в ее боевые порядки.

27-го октября утром 4-я батарея оставила свои позиции в Гололобово и на виду всех НП противника форсировала реку Воронеж южнее подорванных ферм моста Варейкиса {72}. 4-я батарея опровергла утверждения скептиков в собственных рядах и в рядах командного состава полка, что подобное [476] предприятие днем неосуществимо и показала пехоте, что ИПТАП во всякое время готов прийти ей на помощь.

Расчеты более полутора километра катили орудия на руках, до укрытий у подножия чижовского холма. Всякий пехотинец, попавший по пути, привлекался на помощь. С наступлением темноты 4-я батарея заняла открытую ОП среди развалин между второй и третьей траншеей на участке 1-го батальона 472-го СП. НП — позади, бугор, нагромождение битых кирпичей за церковью. Командиры взводов, старший на батарее находились «по местам» безотлучно. Я большую часть времени проводил на НП и у орудий. Ежедневно встречался с командиром 472-го СП подполковником Семиженом, командиром батальона, командирами батарей, которые поддерживали пехоту с закрытых ОП, говорил с командирами рот и взводов.

Данные наблюдения, которые собирали взвод управления, орудийные расчеты, пехота и артиллеристы, давали некоторые основания для выводов. Едва ли немцы помышляют о танковой атаке. Да, на территории училища связи и южнее в лесу замечены танки, 6–7 единиц. Выходят из укрытий и после четырех-пяти выстрелов возвращаются обратно. Если немцы решатся двинуть танки в атаку — вероятность этого весьма мала, — то только в качестве оружия непосредственного сопротивления пехоты. Они будут немедленно подавлены батареями с закрытых ОП.

Пехота и орудийные расчеты каждую ночь слышали гул моторов. Немцы, по-видимому, заняты подготовкой к зиме, подвозят материалы и имущество. Ожидать серьезных атак, мне казалось, нет причин. Я доложил об этом капитану Крутову В. И. — начальнику штаба полка — и просил разрешения занять один из двух пустующих блиндажей в тылу НП, поскольку все люди брошены на оборудование позиции и жилья для рядового состава. Спустя некоторое время телефонист позвал меня к телефону. Говорил майор Физин — командир полка {73}. Он готов согласиться с тем, что на чижовском участке наступило затишье, и доложит старшим начальникам. Задача 4-й батареи прежняя — продолжать наблюдение, закончить строительство блиндажей, изготовить и установить печки. Майор Физин не возражал против занятия блиндажа при условии, если я договорюсь с теми, кому он принадлежит. «Выясните!» — закончил он. [477]

Политрук Кокорин собрал необходимые сведения. Блиндажи подготовлены для Военного совета 40-й армии, и в настоящее время не имеют хозяина, закрыты и опломбированы. Ответственность за содержание их возложена на команду нескольких саперов, из числа тех, кто строил.

Блиндажи Военного совета? У меня отпала всякая охота повторно обращаться к майору Физину. Но Кокорин настаивал. Он до конца войны не простит себе, если 4-я батарея упустит столь необычный шанс.

Разговор происходил на НП поздно ночью 30-го октября. Кокорин настоял, чтобы я встретился с саперами. Старший саперный начальник в тот час инспектировал охрану. Кокорин представил меня и обратился к саперу с просьбой открыть дверь. «Обогреться и только... не более часа».

Сапер уступил с явным нежеланием. «Обогрев» затянулся до утра. Наступил вечер и новое утро. Охрана с помощью разных уловок хотела выкурить «постояльцев», придумывала слухи, будто Военный совет вот-вот переселится на плацдарм. Но дни шли один за другим. Так и остался блиндаж за 4-й батареей. Замполит, я, ординарцы, дежурная смена телефонистов, обслуживавшая линию до промежуточного узла связи, имели возможность ежедневно спать по несколько часов в теплом безопасном месте.

Блиндажи Военного совета — прочные защитные сооружения, построенные армейской саперной бригадой на склонах оврага, который тянется от развалин нижней чижовской улицы к болоту. Командиру ИПТАПовской батареи и во сне не могло привидеться ничего подобного. Перекрытие — пять накатов из рельс и бревен. Толщина его 8 метров. Два отсека. Тамбур, стены, потолок обшиты вагонкой, печки для обогрева, двойные двери, вентиляция.

Вполне комфортабельная гостиница под землей, в стиле линии Мажино. Кокорин не однажды выражал согласие жить там до окончания века. Он готов смириться с огневыми налетами 105-мм орудий и минометов и с тем, что пища доставляется только два раза — поздно вечером и ранним утром с расчетом на то, чтобы повар ефрейтор Смирнов вернулся до рассвета на тот берег.

Да, вот неудобство. Район церкви и овраг с обоими блиндажами Военного совета систематически обстреливала дальнобойная 210-мм пушечная батарея БМ из-за Дона. Дрожат стены блиндажа, будто в землетрясении, скрипит вагонка и дым из печки возвращается обратно, даже когда очередь перелетная и все четыре снаряда ложатся на болоте.

3-го или 4-го ноября в блиндаже напротив поселился [478] оперативный отдел штаба 100-й СД. Жизнь в овраге переменялась, стоят два поста. На починку линии бегают телефонисты, и с наступлением темноты один за другим идут какие-то люди.

В день праздника, 7-го ноября, 210-мм батарея, как обычно, начала обстрел. Одна очередь, другая и... удар, наружная дверь в моем блиндаже сорвалась с петель, двери в отсеках — настезь. Хлынул холодный воздух. Я выглянул, из блиндажа напротив валит дым. Куча выброшенного грунта. Прямое попадание!

Тревога! Прибыли только свои — 4 человека. Обстрел закончился. Приступили к спасательным работам. Собралось 10, потом 15, 20 человек.

Увы, хваленые накаты не более, чем видимость. Ни грунт, ни рельсы, ни бревна не могли сдержать мощный удар снаряда. Огромная коническая яма, дым курится, торчат обломки. Внизу подо всем этим 12 человек. Удручающая картина.

В последующие дни немецкая артиллерия продолжала обстрел. Грохотали разрывы. Штабные телефонисты сматывали кабель. Овраг опустел. Осталось только три нитки 4-й батареи, две прямые — на НП и ОП и третья в тыл к промежуточному узлу связи у волноломов. Линия тянулась дальше через реку на КП полка в Репном.

13 ноября в 0 часов 47 минут я получил по телефону приказание снять орудия с ОП в Чижовке{74} и к 9.00 прибыть на хутор Никольский (в 15 км на восточном берегу), где сосредоточиваются подразделения 595-го ИПТАП РК, прежде чем приступить к выполнению новой задачи.

4-я батарея форсировала реку Воронеж в октябре. Я переправлял орудия по дну. Расчеты тащили их волоком на буксирных канатах. Глубина реки у моста Варейкиса на южной стороне дамбы достигала 8-ми метров, ширина — 90.

С начала ноября наступило похолодание, температура падала. На реке начался ледостав. 9-го ноября ртутный столбик батарейного термометра опустился до отметки — 16 °С.

Чижовский плацдарм к тому времени удерживали части 100-й СД со всеми своими минометными и саперными подразделениями, батальонной и полковой артиллерией, а также отдельные группы пехоты других соединений, из-за огромных потерь в августовских, сентябрьских, октябрьских [479] боях сменявшие друг друга. В Чижовке занимали наблюдательные пункты большая часть батарей многочисленных артиллерийских полков, которые окаймляли плацдарм огнем по всему периметру, подавляли ОП немецких батарей в черте города и в глубине между реками Дон и Воронеж. Общая численность личного состава на плацдарме составляла примерно 2,5–3 тысячи человек.

Пути снабжения всей этой массы людей сходились на участке шириной в 150 метров у разрушенных ферм моста Варейкиса. Поток грузов шел дальше по осыпи вдоль дамбы — полтора километра — к подножию чижовских бугров.

Мост Варейкиса... Никто не знал почему он так называется. Варейкис — литовская фамилия, но кто носил ее Инженер, строивший мост, слесарь-стахановец или историческое лицо воронежских летописей?

На подступах к мосту Варейкиса смерть настигла многих людей и число их продолжало увеличиваться. Днем мало кто появлялся на берегу у моста Варейкиса. Но с наступлением ночи здесь становилосьлюдно. По вызову начальников спешили в Чижевку интенданты, повара с пищей в ведрах, артснабженцы тащили ящики с патронами, врачи, почтальоны. Навстречу им брели раненые, группами и в одиночку, кто не потерял способность двигаться.

Немецкая артиллерия вела методический обстрел моста Варейкиса. Каждую ночь, когда стрелки часов сходились на цифре 12, посылала в накладку три очереди — 12 снарядов — упомянутая выше 210-мм батарея БМ. Жидкая грязь поднимается на стометровую высоту, дымят воронки, будто на дне тлеет костер, и те, кто лежал поблизости, уткнувшись в землю, долго слышали, как плещется и булькает в глубине воронки вода.

Болото вдоль дамбы на обоих берегах реки и все пространство, включая прилегавшие к ВоГРЭС {75} кварталы домов Придачи, обстреливали с бугров южнее Чижевки косоприцельными цветными очередями малокалиберные зенитные автоматические пушки и пулеметы.

В дни форсирования реки «юнкерсы» ожесточенно бомбили исходный рубеж в Придаче: ВоГРЭС, завод СК-2, 16-й и 18-й авиационные заводы и участок берега у моста Варейкиса {76}, единственный пригодный в практическом отношении для переправы на всем протяжении реки от железнодорожных [480] мостов близ станции Отрожка до впадения в Дон.

С того времени у моста Варейкиса осталась на ОП 37-мм зенитная батарея. На одном берегу два орудия и на другом — два, врытые глубоко в насыпь волноломов, которые защищали мостовые опоры от льдин в весенние паводки. Там же в насыпи оборудовали себе блиндаж саперы из поста, учрежденного для обеспечения комендантских нужд переправы.

10-го ноября командир полка майор Физин собирал командиров батарей в штабе в с. Репное. Ко мне приказание поступило в 14 часов 10 минут, совещание начиналось в 16 часов. От 18-го авиазавода, где в развалинах главного сборочного корпуса укрывались средства тяги 4-й батареи, до Репного 18 километров. Я не опоздал только потому, что шофер — сержант Божок — гнал автомобиль с бешеной скоростью, в Монастырщине едва не раздавил обозную повозку.

После совещания майор Физин угощал всех ужином. Я возвращался в Чижевку в полночь — на автомобиле до пятиэтажного дома, прежнего моего НП, дальше — пешком порядком к мосту Варейкиса. На берегу меня настиг огневой налет. Уже на середине реки я думал: «Как хорошо — течение сковал лед, переправляйся, никого не надо ждать. Даже в сапогах сухо». Какая толщина льда? Командир полка упомянул вскользь, что он намерен один огневой взвод 4-й батареи, возможно, к середине или в конце месяца, если не случится ничего необычного, отвести из Чижевки на закрытые ОП. Зима к тому времени войдет в свои права и укроет белым снегом жухлую болотную растительность, трупы под дамбой и воронки. Скует болота, откроется на плацдарме сто дорог и тогда уже не будет скапливаться ночная публика тут, у моста Варейкиса.

Костыренко вызвал начальника саперного поста, вместе мы вернулись на лед к воронке, которую пять минут назад оставил снаряд ближе к середине реки напротив неподвижного парома. По краям — вода. Сапер сунул мерную линейку, осветил фонариком. Толщина льда 70 миллиметров.

И вот прошло три дня. Снова я у моста Варейкиса. Время 1 час 10 минут. В отсветах ракет под берегом темнеет платформа парома, скованного льдом. Стелятся над болотом и улетают к ВоГРЭС трассирующие очереди. Глухо потрескивал лед.

Явился сапер. Закончил замеры. Толщина льда не изменилась. За трое суток? Не может быть. В ответ сапер подсветил насечку. 70–75 миллиметров. Вес 76-мм пушки [481] образца 1939-го года — 1750 кг. Удельное давление под колесом... нет, лед не выдержит. Что делать? Очищать проход для парома? Сколько уйдет времени? Я не успею до утра. Бегом обратно в блиндаж к телефону. Командир полка отжал переговорный клапан.

— ...что? Лед не выдержит... семьдесят миллиметров?.. Вес орудия около двух тонн.

— ... согласен... но... я не в силах увеличить толщину льда, — ответил командир полка майор Физин.

Я попытаюсь очистить фарватер и переправить орудия на пароме.

— ...Дело ваше.

Необходимо отодвинуть сроки прибытия 4-й батареи в район сосредоточения.

— ...исключается... срок назначен командующим артиллерии.

При сложившихся обстоятельствах я не находил возможности выполнить своевременно приказ.

— И пытаетесь склонить к невыполнению меня?..

Я докладываю обстановку моему непосредственному начальнику и прошу учесть реальные факторы...

— Я принял к сведению... потрудитесь и вы сделать то же самое.

Но...

— Роль советника в вопросе переправы вашей батареи мне не подходит...

Разговор затягивался. Что делать?.. Долбить лед, не остается ничего другого.

— ...дело ваше, — повторил фразу командир полка и после некоторого молчания продолжал: — Комиссар и начальник штаба говорили мне о вас, — майор Физин пересказал, что именно. — ...Кажется, они преувеличивают ваши способности... на плацдарм переправился... а обратно как будто дорогу забыл, — и с разочарованием закончил: — Действуйте, все! — трубка телефонного аппарата в Репном умолкла.

И вот последний день, точнее, ночь на плацдарме. Даже не верится... Прощай, Чижовка!

Ожидавшие конца переговоров в отсеке блиндажа лейтенант Глотов, младший лейтенант Серебряков, политрук Кокорин поднялись. Глотов возвращался на НП, Серебряков — на ОП. Всем сосредоточить людей и орудия под дамбой, у развилки дорог. Времени 20 минут.

В 2 часа 50 минут я вернулся на переправу. Пришел сапер. Что делать? Очищать фарватер? [482]

— ...чем? — вопросом на вопрос ответил сапер. — У меня нет тола.

В таком случае расчеты расчистят ломиками.

— До утра не успеете, — сапер взглянул на часы. — Я возражаю... расковыряете лед... а другим как переправляться?.. Ставьте орудия на лыжи.

Лыжи? Они не выходили из моей головы во время разговора с командиром полка. В ИПТАПе орудийных лыж нет, они предусмотрены только для конной артиллерии. Я не представляю как бы выглядело орудие на лыжах, буксируемое тягачом. Посмотрю-ка еще раз лунку. Я ступил на лед. Скользко. Орудийных лыж в 4-й батарее нет, но ведь... тягачи — ЗИСы в полутора километрах... бортовые... три сборных щита на каждом. Надоумил, молодец сапер... Костыренко! В отделение тяги. Пусть старший сержант Божок снимает с кузова борты, 6 штук, доставить на берег через 20 минут.

* * *

Все это всплыло в памяти, когда я осматривал вытянутую вдоль улицы колонну. Свет зажженных фар будто сгущает темноту. Тишина. Липовая Роща спит.

Колонна 4-й батареи насчитывает 9 автомобилей. В голове — «хорьх», его водит после гибели Кулешова старший сержант Божок, затем ГАЗ-2А и «опель» взвода управления, дальше — два тягача 1-го огневого взвода, тоже «опели», во 2-м — два ЗИСа и в хвосте колонны два автомобиля хозяйственного отделения — ГАЗ-2А и «ситроен», запасной тягач, он же буксирует кухню.

«Хорьх» — автомобиль высокой проходимости. Оба моста ведущие, с независимой подвеской всех четырех колес. В грязи и снегу одинаково незаменим, толкает перед собой гору, снег выше облицовки, уже на капоте, вот-вот закроет лобовое стекло. Но этот автомобиль не останавливается, ползет, как бульдозер.

«Хорьх» — командирский автомобиль, на нем установлено радиооборудование. Я осмотрел его вместе с начальником связи полка старшим лейтенантом Баженовым. Включить в сеть РБМ{77} невозможно, разные диапазоны частот, Бажанов утверждает, якобы это УКВ.

«Опели» — оба моста ведущие, повышенной проходимости, третий — как и «ситроен» — в этом отношении не отличаются [483] от ЗИСов. С «опелей» до сих пор не сняты немецкие номерные знаки, на «ситроене» таковых нет.

Трофейные автомобили включены в состав 4-й батареи ввиду того, что она потеряла в боях свои отечественные. «Хорьх» — поступил в д. Терновая 14 января, на второй день после начала наступления, один «опель» — в районе Синие Лепяги, два других и «ситроен» — совершенно новые — были сняты с железнодорожной платформы в Касторной заодно с новогодними подарками для немецких солдат.

...Части 4-го ТК, поддерживаемые зенитно-артиллерийский полком РГК и 595-м ИПТАП РГК{78}, были введены в прорыв с рубежа Горшечного, имея задачу завершить окружение основных сил 2-й немецкой армии в районе Воронежа. Авангард корпуса — 4-я МСБр, после занятия Быково повернула в северо-восточном направлении на Гологузовку, Бычек, Красную Долину.

Глубокий немецкий тыл. Ночь. Мороз за — 30 °С. Дорога расчищена от снега, по сторонам стена высотой более 2-х м, оборудованы разъезды. На каждом перекрестке указатели. Жители в деревнях отказываются верить собственным глазам и на обогрев требуют справку от старосты.

4-я батарея поддерживает 455-й МСБ{79}. Я договорился с командиром батальона встретиться на окраине Гологузовки — крайняя хата. И не нашел его там.

Что делать? 4-я батарея двинулась на Бычек. Население шарахается. Никого нет, ни своих, ни немцев. По-видимому, пехота ушла дальше, по дороге на ст. Касторная.

Автомобили легко катятся с притушенными фарами в снежном тоннеле. Дистанции увеличены. В случае нападения только два орудия могут вести огонь, 1-е — в голове, если мой автомобиль уйдет в сторону, и замыкающее — назад.

До Касторной 20 км... 10... 5. 4-я батарея остановилась. Рассвет. Мой автомобиль и автомобиль взвода управления двинулись вперед. Поворот дороги, слева двух — или трехэтажное здание, дальше — водонапорная башня.

Густой иней украсил провода постоянки, телеграфные столбы, деревья, длинный ряд заборов справа от дороги.

Своим прибытием в Касторную 4-я батарея привела в [484] изумление персонал немецкого госпиталя и комендатуру. На железнодорожной станции все пути забиты эшелонами с разным имуществом и вооружением для немецких войск в районе Воронежа. И ни одного выстрела ни с той, ни с другой стороны. Железнодорожники разбежалась. Где пехота?

* * *

Автомобили и орудия 4-й батареи окрашены зимней маскировочной краской, в лишаях и пятнах, как саламандра, под цвет окружающего ландшафта Липовой Роши. Содержание камуфляжа в должном

порядке требует постоянных усилий. Краска израсходована, а известь растворяется в снегу и дорожной грязи. После выстрела нужно красить заново.

Колонна тронулась. Старший сержант Божок часто бросал педаль сцепления, дорога на спуске обледенела. В «хорьхе» еще четыре-пять мест. Их занимают: ефрейтор Костыренко, разведчики красноармейцы Плюхин и Измestьев, они спят на своих сиденьях. Радист Пасека проверил связь и умолк.

Позади светятся притушенные фары. Восемь пар. Я включил внутреннее освещение, развернул карту. Внутрительно выглядят элементы обстановки, начертанные красным карандашом полковника. Цифры как на плакате. 253-я СБр... флажок НП ... кажется, я встречал эту СБр, да, конечно, на Дону ... так ... значит она в таком же состоянии, как и все другие... первого эшелона войск 40-й армии. Неужели полковник Журавлев не знает? Откуда в 253-й СБр такая уйма людей?

«Опель-блиц» взвода управления обогнал колонну и скрылся за бугром. Разведка пути. Ее задача — своевременное оповещение колонны в случае обнаружения противника.

Мороз. Все больше розовеет снег, великолепная видимость. Автомобили набирали скорость. Мелькают за обочинами укрытые инеем шишковатые липы.

Впереди маячат хаты. Мерефа. Чуть ли ни на каждом шагу остов сгоревшей машины, присыпанный снегом. Памятник 1941-му году.

— Воздух!

Наблюдатели обнаружили опасность. Три десятка бомбардировщиков. Шасси не убраны, скверно, пикирующие.

Бомбежка длилась 15 минут. Выкорчеванная разрывом липа прикрыла кроной 2-е орудие, борт «опеля». На снегу [485] курятся, чернеют воронки. В хвосте колонны дым, кажется, «ситроен», его тушат. «Доложить!»

7 автомобилей... «ситроен» потушили, перед ним был ГАЗ-2А хозяйственного отделения. Где он? На месте ГАЗ-2А — яма {80}. Колесо с полуюсью повисло на дереве, рядом смятая кабина.

Старшина Кузнецов, потрясенный происшедшим, принялся собирать разбросанные вокруг консервные банки, ему помогал ефрейтор Зеленый {81} — капитанармус — он совсем потерял дар речи. По мнению старшины, урон, нанесенный бомбежкой 4-й батарее, не восполним. ГАЗ-2А был загружен на хуторе Скупом с немецких складов самыми лучшими консервами, которые он возил без малого два месяца.

Этот налет «юнкеров» имел для 4-й батареи далеко идущие последствия. Во-первых, командный состав автоматически переключался на довольствие во взвод управления, а ИПТАПовские взводы управления, как известно, это государство в государстве. Взвод управления имеет собственные запасы патронов, продовольствия, обуви, одежды и прочего, что необходимо всякому мало-мальски уважающему себя противотанкисту. Во-вторых, назревал вопрос инвентаризации, которую командир взвода, разведчики, телефонисты, радисты, включая обоих шоферов, всегда рассматривали как посягательство на все их права и привелегии.

8 общем, пока происходил осмотр колонны, сержант Пасека успел передать лейтенанту Глотову — своему непосредственному начальнику — сведения о результатах бомбежки и получил инструкции как действовать вплоть до возвращения разведки пути в колонну.

4-я батарея двинулась дальше. Вошла в Мерефу. Центральная часть городка разрушена «юнкерами» до основания. Во многих местах поднимается дым. Хаты уцелели в основном на южной окраине ближе к опушке леса.

Связь с разъездом пути прекратилась. Колонна повернула в лес и уже укрылась под деревьями, когда начался очередной налет. На снегу — воронки, копоть. Много людей. [486]

Автофургоны, два-три поврежденных танка. В лесу располагался ремонтно-восстановительный батальон какого-то корпуса.

«Юнкерсы» бомбили центр Мерефы. Орудийные номера стреляют из карабинов, автоматов. Посылает очереди одну за другой пулемет из танка. «Юнкерс» качнулся, потерял управление... он падает и исчезает в дыму и пламени.

Бомбежка закончилась. Возле 2-го орудия спор. Кто произвел меткий выстрел? Пулеметчик-танкист или орудийный номер?

Я не вмешивался в спор, а политрук Кокорин объявил, что орудийным номерам сегодня такая возможность еще представится, а танкисты как-никак остаются в тылу.

* * *

Во второй половине дня Старая Водолага была потеряна {82}. 253-я СБр поспешно отходила на север в направлении Мокрая [487] Ракита. 4-я батарея повзводно трижды сменила ОП и к 17 часам отошла на восточную окраину Старой Водолаги. Вскоре прибыла 2-я батарея. С наступлением темноты последние два орудия отошли в Карловку, лесной хуторок по дороге на Мерефу, куда к тому времени прибыл штаб и остальные батареи 595-го ИПТАП РГК {83}.

Глубокой ночью Карловку внезапно атаковали автоматчики. Началась паника. В свете ракет мечутся люди, конная упряжка волочит опрокинутую повозку, и хаты оцепенело [488] взирали на все это черными квадратами окон {84}. Батареи 595-го ИПТАП, стоявшие в доходном положении, разворачивались и, обгоняя буксующие реактивные установки, спешили уйти из хутора. Ободренные успехом, автоматчики чувствовали себя хозяевами положения и, продвинувшись к перекрестку, атаковали позиции 4-й батареи {85}. Но тут же были рассеяны огнем ее орудий.

Встреча у Соколове

С утра следующего дня противник возобновил наступление. 111-я СБр, 595-й ИПТАП РГК, 104-й гв. ОМД РС, а также подразделения других частей продолжали отходить дальше.

В лесу, по пути в Мерефу, 595-й ИПТАП РГК передавался в подчинение командующего артиллерией 62-й гв. СД. Батареи распределились по стрелковым частям. 1-я и 4-я вступали в поддержку 182-го гв. СП с момента, когда пехота закончит отход на рубеж речки Мжи.

Установить связь с пехотой до конца дня не удалось, 4-я батарея развернулась на окраине Мерефы и прикрыла дорогу на Старую Водолагу.

К утру 7-го марта взвод управления 4-й батареи собрал сведения, из которых явствовало, что боевые порядки 182-го гв. СП расчленены на две части: большая отошла в лес за дорогу Карловка — Мерефа, в полосу соседнего 184-го гв. СП, меньшая — в противоположную сторону к хутору Тимченков. В образовавшемся промежутке находились подразделения из частей 6-го гвардейского кавалерийского корпуса.

Около девяти часов в 4-ю батарею прибыл майор Таран. Пока он продолжал осмотр позиций, собрались вызванные командиры остальных батарей.

Майор Таран обрисовал обстановку на рубеже Мерефы:

— ... вторая, третья, пятая батареи направляются для поддержки сто восемьдесят четвертого гв. СП, который занимает оборону... — командир полка указал рубеж, очередность выдвижения батарей, сроки готовности и обратился ко мне: — ... четвертая батарея занимает открытые позиции на [489] западной окраине хутора Миргород, задача... воспрепятствовать танкам противника форсировать речку Мжу в секторе... справа... перекресток дорог южнее хутора Тимченков полтора километра, слева... лес на южном берегу речки.

1-я батарея получила аналогичные указания. Позиции ее в хуторе Артюховка на северном берегу речки Мжи. Возглавлял обе батареи капитан Громов — заместитель командира полка по строевой части.

Майор Таран извлек из планшетки записную книжку и продолжал:

— ...в соответствии с приказанием полковника Журавлева, командующего противотанковой группой обороны Харькова, командирам обеих батарей установить связь непосредственно либо же через старшего ... решить на месте ... с подразделениями отдельной иностранной воинской части, которая занимает оборону по северному берегу речки Мжи {86}... .. Личный состав батарей, соприкасающийся с нашими иностранными союзниками, обязан обращаться корректно и соблюдать правила, указанные командующим группой. — Командир полка коснулся взаимоотношений: — ... просьбы и пожелания иностранцев, связанные с взаимодействием в бою, так же, как и все другие, должны выполняться неукоснительно. В случае затруднений, доносить немедленно старшим. Полковник Журавлев особо подчеркивал то обстоятельство, что иностранцы не имеют фронтового опыта, и наш долг обеспечить союзникам всестороннюю помощь и содействие... И не только долг, но и дело нашего воинского престижа. Инструкцию с описанием одежды, знаков различия и обычаев службы иностранцев я перешлю вам немедленно, как только она будет получена, — закончил командир полка {87}.

В 10 часов утра 4-я батарея покинула позиции в Мереве и двинулась на юго-запад. Было пасмурно и сыро. За обочинами дороги высятся заиндевевшие сосны. Вокруг преобладают зимние тона — белеют стволы деревьев, белеет земля, укрытая полуметровым слоем подтаявшего снега. Тишина. Не слышно ни гула «юнкерсов», ни грохота стрельбы.

Мой автомобиль легко шел, ломая в лужах лед. У хутора [490] Кривцово раздался сигнал: «Внимание!» Наблюдатель, сидевший позади, указал в сторону хутора Колесники на противоположный берег речки Мжи. Двенадцать танков и бронетранспортеров двигались к одиночным строениям у подножия бугра.

Лед на речке — я знал об этом — был еще достаточно крепок. По-видимому, танки намеревались выйти к берегу. Но, чтобы связать этот эпизод с тем, что произошло дальше, необходимо остановиться и напомнить положение на западных подступах к Харькову в те дни.

В ходе наступления, которое продолжалось весь февраль, одна из группировок войск Воронежского фронта вышла в район Полтавы. Боеспособность ее ослабла. Некомплект людей, не хватало горючего, боеприпасов и прочих ресурсов. На многие сотни километров коммуникации растянулись. Все более ощутимы становились недочеты во взаимодействии и связи на поле боя.

Полевые военкоматы призывали на службу лиц, проживающих на освобожденных территориях. Но попытка использовать этот контингент для пополнения подразделений на переднем крае не дала должных результатов. В описываемый период соединения по своей численности приравнивались к частям, основу которых составляли сводные подразделения и группы со всем тем, что свойственно всякой наспех созданной, импровизированной организации.

Войска, преодолевая возраставшее сопротивление немецких арьергардов, продвигались на запад и юго-запад. В это время немецкое командование, закончив сосредоточение крупной танковой группировки в районе Краснограда, бросило ее в наступление. Действовавшие на отдельных операционных направлениях наши соединения и части не могли в короткие сроки перестроить свои боевые порядки. Завязались встречные бои. Давление противника повсеместно усиливалось. Танки и мотопехота обтекали открытые фланги, прорывались в глубь построений наших войск.

В сложившихся условиях не было шансов удержать занятые рубежи. Наши войска начали отходить к Северскому Донцу.

Одна колонна немецких танков 4-го марта заняла Новую Водолагу и двинулась на Валки и Люботин. Другая наступала в сторону Тарановки и Меревы. Противник рассчитывал в районе Харькова сомкнуть свои ударные группировки и окружить наши войска.

Обстановка носила в высшей степени неустойчивый характер. В глубине боевых порядков наших войск то и дело [491] появлялись разведывательные подразделения танковых дивизий противника. Так, 6 марта одно из них (5 танков, 8 бронетранспортеров и колесных машин) заняло Мерефу. Наши колонны, отходившие со стороны Карловки, остановились. Немцы удерживали Мерефу в течение шести часов, пока не подошли наши батареи. Кто-то из старших командиров приказал открыть огонь. Оставив две подбитые колесные машины и одного пленного, немцы ушли на юго-запад по дороге, которой теперь двигалась 4-я батарея.

И вот они снова. У крайних домов хутора Кривцово огневые взводы 4-й батареи развернулись и с расстояния 4000 метров открыли огонь. Стали стрелять орудия кавалерийской части, занимавшей хутор. Один танк загорелся. Было подожжено два бронетранспортера {88}.

Танки укрылись за строениями, начали ответную стрельбу. 4-я батарея двинулась дальше. Лесная дорога то удалялась, то подворачивала вновь к речке.

В полдень 4-я батарея прибыла в назначенный район и приступила к занятию позиций.

Мой НП — на чердаке сарая, в двухстах шагах от орудий. Командир взвода управления и часть разведчиков готовились в путь, нужно собрать сведения о противнике и своих частях. Все остальные оборудовали боевые порядки.

Приехал капитан Громов. Мы поднялись на НП к приборам, осмотрели местность. Заместитель командира полка ввел меня в курс обстановки на рубеже южнее Мерефы, уточнил боевую задачу и секторы стрельбы 4-й батареи — основной и дополнительный. Были назначены ориентиры и произведена кодировка местности.

— На участке иностранцев вы знакомитесь только с передним краем, — объявил Громов, — связь с ними приказано поддерживать мне... В сто восемьдесят второй гв. СП сообщите, что я занят левым соседом и раньше завтрашнего дня с командиром полка встретиться не сумею. Для организации моего НП выделите разведчика, двух телефонистов, кабель, аппараты... Остальных людей я возьму в первой батарее. Вашим... через сорок минут явиться, — он указал хату в южной части хутора и направился вниз по приставной лестнице. — Все. Поеду в штаб к иностранцам.

Я проводил заместителя командира полка, вернулся на НП. Работы по оборудованию боевых порядков продолжались.

По сведениям, которые сообщил капитан Громов, линия [492] фронта на тот день имела довольно сложную конфигурацию. В южном направлении бои шли в 15–20 километрах на рубеже Тарановки. Наши войска оставили районы, лежащие на западе. Только отдельные подразделения 6-го гв. КК {89}, 350-й СД и другие части, попавшие 4-го и 5-го марта под удар западной немецкой колонны, выходили мелкими группами к речке Мже, в полосе от Мерефы до Соколово. Севернее Мерефы противник после занятия города Валки, продолжая наступление, начал поворачивать в северо-восточном направлении.

Пользуясь стереотрубой, я знакомился с прилегающим ландшафтом. Доносились орудийные выстрелы, приглушенные и редкие — с северо-востока, гораздо отчетливей — с юга. Где-то грохочут разрывы бомб. «Юнкерсы» наносят удары по боевым порядкам наших войск и объектам в ближних тылах.

Люди взвода управления, закончив маскировку, заняли места у приборов и приступили к выполнению своих обязанностей. Шли к концу работы у орудий. Старший лейтенант Никитин — старший на батарее — доложил о готовности к открытию огня.

Спустя немного времени, на позиции 4-й батареи пришли чехословацкие командиры в сопровождении капитана Громова. Мне, как, впрочем, и всем людям 4-й батареи, еще не доводилось встречаться с иностранцами. У чехов заметно приподнятое настроение. Они были одеты в обмундирование английского образца.

— Внимание... по местам! — подал команду старший лейтенант Никитин.

Орудийные номера, поочередно поднимаясь, представлялись. После осмотра позиций чехословацкие воины и люди расчетов собрались в ближайшем дворе. Стали знакомиться. Один из пришедших, указав в направлении стрельбы, стал говорить, подбирая русские слова.

— ... Там... далеко ... за снежными холмами ... лежит Чехословакия... наша поработанная Родина...

Лица чехословаков посуровели и, обратив взгляды на запад, они умолкли. Политрук Кокорин коснулся плеча поручика, высокого и стройного, нарушил молчание:

— Вы сегодня ближе к родному дому, нежели ваши земляки в других концах света... Русские и чехословаки связаны родством с древних незапамятных времен. Мы... славяне. Конечно, пути наши шли врозь, на то... воля судьбы. [493]

Но братские чувства всегда жили в наших сердцах. Нам, русским, близок мужественный и талантливый чехословацкий народ, веками боровшийся с чуждыми ему влияниями, сумевший сохранить национальную самобытность, свой язык и культуру. Красная Армия в тридцать восьмом году была готова прийти на помощь братской стране... но сейчас не время вспоминать о том, что прошло... В тяжелые времена для наших народов мы... вместе. Красная Армия обладает мощью, чтобы отбросить врага за границы своей страны, и мы, солдаты Советского государства, слышим зов народов, стонущих под игом фашизма. Наш долг вернуть им свободу... И этот час не за горами... Мы вместе придем в Злату Прагу. Да, я знаю приметку... народ, родивший таких молодцев, как вы, не станет влачить цепи рабства. Воины четвертой батареи с радостью приветствуют вас, братьев... чехословацких воинов на переднем крае и готовы принять в круг фронтовиков... Откуда вы, пан поручик, родом?

Поручик назвал небольшой городок близ Праги и с помощью других стал говорить о своем далеком доме.

- Чье у вас, в чехословацкой части, вооружение? Есть ли семидесятишестимиллиметровые пушки? — спросил старший лейтенант Никитин.

- Автоматы и другое стрелковое оружие... советское... свои у нас только пистолеты марки «Шкода». Есть и ТТ. Артиллерия состоит из двух сорокапятимиллиметровых противотанковых пушек, прибывших к вам на марше. Семидесятишестимиллиметровых орудий не имеем. А раньше... в армии нашей республики винтовки были отечественные. Артиллерия тоже... отечественная, только других калибров...

В словах, порою непонятных, и на лицах наших гостей было столько искренности и простодушия, что речь незнакомую понимали все из 4-й батареи: кубанский казак старший сержант Агуреев, украинец ефрейтор Костыренко, чеченец старший сержант Ибадов, татарин сержант Тимершин.

Сержант Виктор — командир 2-го орудия — открыл блокнот и передал фотографию своей невесты, ленинградской девушки, чехословацкому четаржу. Унтер-офицер вздохнул:

- У меня нет фотографии... Ни у кого нет в еднотке{90} нашей... это запрещено...

- А удостоверение личности? [494]

— Нет, — ответил четарж.

— ... почему? — удивился кто-то.

— ... взамен всех документов воинам чехословацкого батальона выдаются жетоны с личным номером. Командование позаботилось о том, чтобы избавить наших близких от преследования на родине, если кто-то из нас попадет в руки нацистов...

— ...мертвый, разумеется, — уточнил сосед четаржа, — он будет нем... и нацисты не найдут никаких следов личности погибшего...

Старший из чехословацких воинов напомнил своим товарищам о времени. Простившись, они ушли. Пора возвращаться «по местам» и людям 4-й батареи. Но они толпились вокруг замполита, спрашивали: велика ли страна Чехословакия? Откуда пришел чехословацкий батальон?

Старший лейтенант Никитин вернул людей на позиции.

Командир взвода управления лейтенант Глотов с группой разведчиков отправлялся за речку Мжу. Он найдет пехоту 182-го гв. СП, ознакомится с задачей, выяснит детали обстановки, поставит в известность о прибытии батареи и договорится о времени и месте встречи с командирами-пехотинцами.

Заняв место у стереотрубы, я продолжал изучение местности. В стороне лесного массива — видимая часть его именуется лес «Волчий» — внезапно возникла перестрелка. Вдали, где-то на юге, гул разрывов то усиливался, то затихал. Мереху бомбят «юнкеры».

В 16 часов прилетел корректировщик. Трижды «хеншель» прошел вниз по течению реки. Чехословацкие воины каждый раз встречали его дружной стрельбой.

Лейтенант Глотов вернулся позже назначенного срока. В указанном районе пехоты не было. Кавалеристы из боевого охранения, выдвинутого северо-западнее хутора Тимченков, сообщили, что подразделения 182-го гв. СП вместе с отдельными группами разных частей отошли на берег речки Мжи. Там Глотов встретился с подполковником Антоновым — командиром 182-го гв. СП. Его КП — на северной окраине хутора Тимченков. Подполковник просил представителя 595-го ИПТАП РГК прибыть к 8-ми часам для встречи. Левofланговый батальон 182-го гв. СП насчитывал около 30 человек.

Добытые сведения я доложил по телефону капитану Громову. В ответ он сказал, что из штаба получены указания: 4-й батарее занять ОП в хуторе Тимченков. Отбой! [495]

Орудия снимались. Телефонисты начали сматывать кабель. Тут — новое приказание. 4-я батарея остается на прежних позициях.

Спустя четверть часа я говорил с капитаном Громовым.

— ...получил одно приказание, потом другое, — сказал Громов. — Четвертой батарее поддерживать пехоту в своих секторах, независимо от принадлежности, а если ее не окажется... действовать самостоятельно. Особое внимание... чехословакам. Старшие начальники полагают, что противник не устоит перед искушением нанести удар та нашим необстрелянным союзникам. Посылайте разведчиков... выяснить, как обстоят дела в подразделениях сто восемьдесят второго гв. СП, за правым флангом третьей чехословацкой роты на участке берега... до Тимченкова и за речкой в направлении леса «Волчий». Пехоте сообщите указания, полученные относительно чехословаков.

Громов звонил снова.

— Поступили разъяснения... батареи пятьсот девяносто пятого ИПТАП решают самостоятельную задачу... Но вопрос о поддержке сто восемьдесят второго гв. СП остается открытым... До двадцати часов приказано согласовать все детали взаимодействия с чехословаками. Приходите, нанесем ответный визит. Поглядим, как живут западнославянские воины на своих позициях.

В месте сбора я встретил старшего лейтенанта Романова — командира 1-й батареи. Он улыбался, поправлял ушанку.

— У вас были чехословаки? Я смотрел их позиции южнее Артюховки. Огневые точки оборудованы как напоказ, в траншеях чистота, порядок, чувствуется воинский дух...

Появился Громов. Он молча шагает по скользкой узкой тропке, протоптанной в снегу вдоль забора. Улица ведет вниз к реке. В одном из домов левого ряда — командный пункт чехословацкого батальона. Во дворе, у наспех поставленной коновязи — подседланные лошади. Караульный в шинели табачного цвета отсалютовал автоматом, и мы вошли в помещение.

Рослый чехословацкий командир шагнул навстречу. В ответ на представления вытянутых в струнку людей он неторопливо пожимал каждому руку, сдержанно улыбаясь. Полковник Свобода... спокойное выразительное лицо, гладко зачесанные русые волосы, в светлых глазах — дружеское тепло. Казалось, вы уже где-то встречались с этим добрым и учтивым человеком. [496]

В комнате, кроме чешских офицеров и двух женщин-военнослужащих, находились артиллеристы и политработник, кажется, из штаба 62-й гв. СД. Полковник Свобода приветливо оглядел собравшихся и начал говорить, употребляя непривычные для слуха, принятые в чехословацкой армии выражения.

— ...немцы не могли преодолеть оборону частей двадцать пятой гвардейской стрелковой дивизии на рубеже Тарановки... бои продолжаются... Но перевес в силах подавляющий, и есть признаки того, что фашисты обратятся в сторону флангов, нанесут удар на Борки и дальше... на Соколово... Я вижу немецкие танки на широком фронте, устремившиеся к переднему краю... Мои соотечественники готовы встретить врага. В лице гвардейской пехоты Красной Армии чехословацкие воины имеют достойный пример и не уступят рубежа, указанного командующим войсками Воронежского фронта... Подразделения первого отдельного чехословацкого батальона занимают оборону... первая рота на южном берегу речки Мжи сосредоточила свои усилия на удержании деревни Соколово... третья рота обороняется по окраине хутора Миргород... в Артюховке... вторая рота. Усиливает огневую систему обороны пулеметная рота, — полковник обратился к карте, разложенной на столе, указал районы огневых позиций, поддерживающих и приданных артиллерийских подразделений, участки минирования. — Наша цель состоит в том, чтобы не пропустить нацистов через речку. До восемнадцати часов прошу командиров батарей согласовать с командирами рот вопросы взаимодействия исходя из принятого решения: огонь, в случае массированного нападения, открывать на дальних подступах к переднему краю.

Полковник Свобода, наклонив голову, умолк. Присутствующие стали выходить. Во дворе меня окликнул Громов.

— ...идем на рекогносцировку, чехословаки хотят показать свою оборону. Представители сейчас освободятся... я догоню... идите с ним...

Из Миргорода в Соколово через пойму речки Мжи вела заснеженная дорога со следами саней и повозок. Тут низменность, в другую пору — болото, а сейчас — скованная ледяным панцирем равнина шириной от 800 до 1000 шагов.

Зима окутала в белые одеяния берега и островок, образованный посередине своеволием вешних вод. Скрылась под снегом дорога, мостик. Лишь заросли осоки да камыши, поникшие в морозы и вьюги, торчат там и сям и колышутся под напором ветра. [497]

Чехословацкий командир шагнул, оживленно разговаривая с политработником. Мы двигались следом. Старший лейтенант Романов на ходу ориентировал свою карту.

— Скажите, что означают колья... вот там, справа за кустами? — спросил он капитана-артиллериста.

— Э-э-э... я сижу здесь уже третий день и успел осмотреться... могу судить о расстояниях по карте и на местности, — ответил тот. — Это... мостик через речку Мжу. А кочки на снегу... мины, саперы поставили вчера.

Артиллеристы, с момента занятия наблюдательных пунктов и до оставления их, непрерывно заняты изучением местности. В этой части, казалось, я достаточно сведущ. Панорама снежных бугров и все то, что лежит у подножия и дальше, до самого горизонта, запечатлелись в моих глазах и памяти. Я знаю, что течение Мжи делало крутой поворот. Ближе к Соколову есть заводь, по-видимому, следы прежнего

русла. Но только сейчас, взглянув на карту, понял, что именно здесь самый выгодный участок для форсирования речки.

Чехословацкий штабной командир повернул на тропу, которая вела в рощу, севернее Соколове. С моего НП она представлялась рыжевато-серой и густой. Капитан Громов окрестил этот десяток гектаров леса словом «Кабан».

Стая ворон, напуганная людьми, закружилась с шумом и карканьем. Мы вышли на опушку. Деревья тихо покачивали голыми ветвями. На снегу — отпечатки лап и копыт лесных обитателей. Но кабаны в роще, кажется, не водились.

Справа на поляне стояла заброшенная лесная избушка с пустыми окнами и белой крышей. Поворот тропы ко двору отсутствующего лесника чех счел точкой, удобной для обозрения обороны 3-й роты, и начал пояснять ее боевые порядки.

Двинулись дальше. Проторенная тропа терялась на склоне сугроба в россыпи глубоких следов, оставленных соколовскими жителями, таскавшими в недавние дни хворост. С возвышенности были видны деревенские хаты.

Со стороны Соколове навстречу шел офицер, одетый так же, как все командиры чехословацкого батальона — шапка-ушанка, шинель, снаряжение с наплечными ремнями. На груди — бинокль, фотоаппарат. В нескольких шагах офицер остановился, в приветствии поднес руку к головному убору. Штабной офицер представил встречного — надпоручик Отокар Ярош — командир 1-й роты. После рукопожатия [498] Ярош стал знакомить нас со своим оборонительным участком.

Подразделения 1-го чехословацкого батальона проделали большую работу по оборудованию своих боевых порядков. Взводные позиции имели траншеи. Пулеметные и стрелковые окопы связаны ходами сообщений в опорные пункты, умело расположенные и замаскированные.

Оборонительный узел, созданный чехословацким батальоном в Соколове, занимал ключевое положение в боевых построениях наших частей, в полосе между Мерефой и Змиевым. На пути к Харькову, если бы немцы оставили Тарановку (ее удерживают малочисленные части 25 гв. СД совместно со 179 ТБр), весьма серьезным препятствием служила речка Мжа. Район села Соколово рассматривался, как плацдарм для удара во фланг. В то же время этот участок более пригоден, нежели другие для форсирования речки Мжа.

Но до тех пор, пока рота надпоручика Яроша обороняла свои позиции, к берегу не подойдет ни один танк. По мнению полковника Свободы, 1-я рота обладает необходимой боеспособностью — дисциплиной людей и силой оружия — и выполнит свою задачу.

В этом был убежден и командир 1-й роты. Спокойно и неторопливо, не опуская деталей, излагал Ярош тактическую схему действий взводов и отделений, предугаданную так же, как это делают бывалые фронтовики.

О, надпоручик Ярош внушал доверие! Среди своих соотечественников, людей в большинстве своем рослых, командир 1-й роты отличался не только внешним видом. В твердом пристальном взгляде серьезных, даже сумрачных глаз, как и в чертах лица чехословацкого надпоручика, проглядывала натура воина уязвимого, может быть, плотью, но духом — нет!

Командир 1-й роты прервал объяснения, и рекогносцировочная группа направилась к деревенской церкви. Стрелковый окоп, оборудованный под массивными стенами здания, занимала группа пехотинцев. Пришел командир взвода, кажется, унтер-офицер. Следом за ним еще несколько чехословаков. Скоро их собралось человек семнадцать.

— Пан надпоручик, — обратился политрук к представителю штаба, — ваши люди только пришли на фронт. Как им показалось? Позвольте мне, политработнику, побеседовать с вашими соотечественниками... запросто... я не займу много времени... [499]

Получив согласие, политрук оправил снаряжение и повернулся к чехословакам.

— Воины, как вы себя чувствуете? Вы отдыхали прошлую ночь? — спрашивал он, обращаясь к одному и к другому. — Где находится медпункт? Сводку Совинформбюро вы слышали? Фашисты хотят расквитаться с Красной Армией за Сталинград. Это им не удастся! Наши войска сдерживают врага и сражаются, не щадя жизни, за каждый рубеж. Вы, — политрук взглянул на чеха, который лучше других говорил по-русски, — назовите ваших соседей... части Красной Армии, которые обороняются рядом с чехословацким батальоном?

— Двадцать пятая гвардейская стрелковая дивизия.

— А фашисты? Куда нацеливают удары? Состав войск? Почти на все вопросы чехословаки отвечали верно. Но представления о наших войсках и противнике у отдельных лиц были неполными.

Политрук стал читать листовку с текстом обращения Военного совета Воронежского фронта к войскам, приводил примеры успешных действий наших подразделений в оборонительных боях последних дней.

— ...от имени бойцов, командиров и политработников частей Красной Армии по-братски желаю воинам первого отдельного чехословацкого батальона удачи и успехов во фронтовой службе. Наздар! — закончил политрук.

— Наздар! — с энтузиазмом ответили чехословаки.

На лице надпоручика Яроша появилась улыбка. Он крепко пожал руку политработнику и продолжал объяснения.

Основу обороны 1-й роты составлял опорный пункт, в центре ротного участка, оборудованный у церкви. Рассказывая о расположении огневых средств во второй и первой траншеях, командир роты обращался с вопросами к унтер-офицеру и рядовым. Представитель штаба приходил на помощь, когда в ответах встречались непонятные слова.

Было что-то непривычно-занимательное и новое во взаимоотношениях наших боевых товарищей — переплетение воинской дисциплины, дружеских чувств и необыкновенной доброжелательности друг к другу, которая проступала на лицах, в поступках и речи. Никто не тянулся, вытаращив глаза, не суетился, и при этом строго и неукоснительно соблюдались нормы воинской субординации всеми без исключения — командирами и рядовыми, И никаких признаков фамильярности.

Надпоручик Ярош обратился к унтер-офицеру по-чешски, опустил руки по швам, четко повернулся к представителю [500] штаба, тот промолвил в ответ несколько слов. Ярош сделал шаг в сторону, пропуская старшего.

Мы двинулись к позициям взвода противотанковых ружей.

Из-за дома выбежал посыльный со знаком противотанкиста на рукаве. Старшему лейтенанту Романову и мне приказано вернуться в свои подразделения.

Простившись с чехословаками и нашими командирами, мы поспешили к берегу. Старший лейтенант Романов направился в Артюховку, я — в противоположную сторону.

В районе позиций 4-й батареи гудели двигатели. Тягачи, ЗИСы и «опели» рулят к орудиям. Навстречу бежал старший лейтенант Никитин.

— Товарищ старший лейтенант, объявлен «отбой» по приказанию капитана Громова... не знаю, что дальше... обещал приехать, — доложил старший на батарее.

Заместитель командира полка не заставил себя ждать.

— ... я вышел из штаба чехословаков... во дворе... делегат связи с приказанием сняться, — начал Громов. — Вернулся на НП... послал за вами... жду... является начальник штаба полка. Командующий противотанковой группой оставил обе батареи на участке обороны чехословаков... Подайте команду «К бою!». Задача прежняя, готовность к открытию огня... пятнадцать минут!

Итак, обе батареи 595-го ИПТАП РГК, номинально состоявшие в распоряжении командующего артиллерией 62-й пз. СД, продолжали занимать позиции за разграничительной линией 182-го гв. СП, флангового полка дивизии и действовали в интересах чехословацкой воинской части{91}. [501]

Капитан Громов, направляясь к машине, напомнил:

— ...третья рота чехословаков патрулирует берег за своим флангом. Остальная часть вашего сектора... открыта.

Я знал об этом, знал и командир взвода управления 4-й батареи. После того, когда отошло боевое охранение 182-го гв. СП, участок берега почти до Тимченкова по существу остался без охраны. 4-я батарея могла выслать дозорных на удаление прямого выстрела, то есть на 600–800 метров от позиций.

— Да... Сейчас на берегу пусто, — невесело подтвердил лейтенант Глотов, — ...сторожить... кем? Оставим это дело на самотек... Вражеские разведчики отлично знают, что в такую погоду за секретами нужно идти в населенные пункты... Что им на берегу? [502]

На землю опускались сумерки. Подмораживало. Чуть подтаявший снег хрустел под ногами. У горизонта одиноко повис молодой месяц. Где-то за речкой работал двигатель. Слышался лай хуторских собак.

После осмотра позиции я вернулся к наблюдательному пункту. Поднялся на чердак, просмотрел записи в журнале наблюдения. По словам лейтенанта Глотова, в секторах 4-й батареи противник не появлялся. Отделение разведки патрулировало берег.

Есть возможность поспать. Ординарец проводил меня в хату. Дверь открылась. Пахло теплом. Хозяева приглашали к ужину. И вдруг — вой недалеких снарядов. Артиллерия противника начала обстрел хутора.

Огонь вела 105-ти миллиметровая батарея. Разрывы снарядов [503] громыхали, освещая крыши хат то в одном, то в другом месте. Потом наступала пауза. И снова вой и грохот.

Я поднялся на чердак НП к приборам. Звонил капитан Громов.

— ...вы видите вспышки орудийных выстрелов... на горизонте, левее леса «Волчьего»? Три очереди разорвалось в районе штаба чехословаков... Полковник Свобода просил подавить стреляющую батарею. Расход снарядов на ваше усмотрение...

Командиру-артиллеристу, прежде чем подать команду на открытие огня, необходимо рассчитать исходные данные, по крайней мере две величины: направление на цель и дальность. Найти первую из величин не составляло труда — наблюдатель уже успел снять буссолью около десяти отсчетов по вспышкам выстрелов. Но дальность стреляющий определяет только с помощью хронометра. У меня был трофейный, Громов, кажется, еще не знал, что хронометр сломан. Я не могу приняться за выполнение задачи, не имея возможности с достаточной плотностью обстрелять район цели, дальность до которой должен определять на глаз.

— ...что же делать? Дивизион, поддерживающий чехов, засек немецкие позиции. Расстояние... около тринадцати километров... Гаубичная батарея не достанет... За речкой есть пушечные, но они на открытых позициях... Я обещал чехословакам... неловко... — вслух делился своими мыслями Громов.

Я вернул трубку телефонисту. Лейтенант Глотов закончил расчет угловых величин, снятых по вспышкам выстрелов.

105-ти миллиметровая батарея продолжала методический обстрел хутора. По мнению командира взвода управления, позиции ее относительно 4-й батареи находились километрах в десяти.

Капитан Громов снова зовет к телефону. Не успел я вернуться к своему месту, послышался окрик караульного. Прибыл посыльный, с ним два чеха. Они доставили новый хронометр. Лейтенант Готов включил его, снял несколько отсчетов и начал готовить данные.

Расчеты перекатали два орудия, и огневые взводы построились в линию, как полагается для стрельбы с закрытых позиций. Наводчики включили освещение приборе». Построен веер. Выкрики затихли. Старший на батарее доложил о готовности к открытию огня.

Обстрелу подвергалась площадь: 300 метров по фронту и 800 — в глубину — район вероятного расположения цели. [504]

Если бы 4-я батарея имела в необходимом количестве снаряды, через три-четыре минуты 105-ти миллиметровые орудия перестали бы существовать. Но на позиции выложено только 300 снарядов. Треть — бронебойные, две трети — осколочные. Часть из этого количества — резерв командира полка. Расходовать эти снаряды без его ведома никто не имеет права.

Правда, в 4-й батарее имеются неучтенные снаряды, подобранные в лесу на окраине Карловки. Там их было около четырех тысяч. Снаряды пролежали в деревянной укупорке под открытым небом с 1941 года. Орудия стреляли ими позапрошлой ночью при отражении атаки автоматчиков.

4-я батарея вела огонь полторы минуты. В десяти километрах, там, где была цель, разорвалась последняя очередь из назначенных 96-ти снарядов. Телефонист передал капитану Громову доклад о прекращении огня. И над Миргородом установилась тишина.

Однако в 3 часа ночи противник возобновил обстрел хутора. Я вернулся к приборам. На чердаке гулял пронизывающий ветер. С огневых позиций сообщили: температура воздуха — минус 17 градусов {92}. Лейтенант Готов спросонья ежился у буссоли.

— ...неужели ожила? — спрашивал он, ни к кому не обращаясь. — Нет, кажется, это не та, другая батарея... а может быть, и вечерняя, с новых позиций... передвинулась влево... Сейчас скажу на сколько, — подсвечивая фонарем угломерный круг буссоли, рассуждал вслух лейтенант. — Постой... в очереди вроде три снаряда... а у той было по четыре...

— Так точно! — подтвердил наблюдатель. — Во всех батарейных очередях три разрыва!

Готов щелкал секундомером, торопливо записывал отсчеты времени между вспышкой и моментом, когда звук выстрела 105-мм орудий достигал его ушей. Телефонист подал мне трубку.

— ...она начала снова... похоже, сменила позицию... — слышался в трубке голос Громова. — «Валет-четыре», у вас дальности хватит?

Начертанные командиром взвода управления на бланке цифры позволяли утвердительно ответить на вопрос. Позиции стреляющей батареи противника находились на удалении 9200–9600 метров. 105-ти миллиметровые орудия вели огонь почти на пределе своей досягаемости. [505]

— ...хорошо, действуйте... готовность... десять минут! — закончил Громов.

Время истекло, и орудия 4-й батареи загрохотали снова.

— Стой! Записать! Цель номер два... — доносились из темноты последние команды старшего на батарее.

Стрельба закончилась. Все, кто не нес охрану, вернулись в хаты.

* * *

Наступило утро 8 марта. Жидкие прозрачные облака клубились на востоке, отбрасывая розоватые тени. Небесная мгла, пронизанная лучами, становилась все светлее. Выходило солнце.

Вокруг — тишина. Слышалось пение петухов, мычала корова во дворе. Из хаты вышел хозяин и направился к сараю. Ночной лед потрескивает под ногами.

4-я батарея закончила завтрак. Люди, постукивая котелками, возвращались по своим местам: разведчики и связисты на НП, расчеты — к орудиям.

1-е — занимало позицию посреди улицы. Для маскировки орудия перенесена часть забора. Ближний двор сделался шире. Немецкие наблюдатели, глядели бы они с воздуха или с земли, едва ли заметят плетеные щиты, выдвинутые к тому месту, где «жители» начали расчистку сугроба. 2-е орудие — во дворе, приткнулось стволом к стогу сена. В действительности он стоит ближе к хате. Тут лишь макет — подобие стога — несколько охапок сена, сложенные в а шести. При надобности они будут отброшены прочь вместе с сеном.

Но кто обращает внимание на подобные мелочи? Разве дотошный немецкий дешифровщик, когда станет сличать аэрофотоснимки, сделанные «хеншелем» в разное время? Войсковые штабы получают сведения об этом не скоро, во всяком случае — не сегодня и не завтра,

От двух других орудий — тех, что перекатывались для ночной стрельбы, — тоже не осталось заметных следов. Колесная колея выровнена и подметена. Подобные занятия, казалось бы, далекие от стрельбы, отнимают много сил и времени. Но противотанкисты не считаются ни с тем, ни с другим, когда речь идет о маскировке открытых позиций.

Перед стволами орудий 4-й батареи за рекой простираются однообразные бугры, покрытые осевшим в оттепель снегом. У левой границы сектора темнеет лес «Волчий». В батарейной схеме ориентиров южная опушка леса значится [506] под номером 4. Ближе и левее овраг — глубокая и длинная расщелина, будто след меча, рассекший склон наискось с северо-запада на юго-восток. В кодовой таблице овраг называется «Шрам». Левее и дальше — черная рытвина на снегу, дальний конец ее — ориентир номер 5. Вправо от оврага «Шрам» — ориентир номер 6 — труба кирпичного завода в створе с хатой на северной окраине Соколове. Еще ближе к берегу речки Мжи — лес «Кабан». А вдали, у самой черты горизонта, поднимались в небо дымы. В одном и другом месте. Там хутора: Боречек, левее — Гонтарь и Глубокий. Если подняться на чердак к стереотрубе, на склоне за оврагом «Шрам» можно увидеть ряд темных кочек — след полевой дороги, замеченной недавней вьюгой.

В девятом часу неожиданно нахлынул туман, сырой и морозный, обратив солнце в плоский диск, прикрытый зыбкой колышущейся темнотой. Утренние краски сразу потускнели. Прошло еще полчаса, и мгла постепенно затянула небо сплошными тучами. Но видимость у земли нисколько не изменилась. Только снег на склоне приобрел сероватый оттенок. За оврагом «Шрам» резче обозначились проталины, да лес «Волчий» будто отодвинулся назад, к горизонту.

На юге и юго-западе слышались орудийные выстрелы. Доносится откуда-то глухой угрожающий рокот.

К десяти часам стрельба переместилась к северу в район хуторов. Отчетливо слышны пулеметные очереди. Громыкнуло орудие — раз, другой. В поле зрения появились сигнальные ракеты. Стрельба за чертой горизонта то усиливается, то затихает. Ракеты стали взлетать ближе к лесу «Волчий».

И вдруг — нарастающий гул двигателей. С востока летят «ИЛы». Их пять. Штурмовики прошли южнее хутора Миргород и стали удаляться. Спустя несколько минут, в стороне леса «Волчий» послышались глухие разрывы бомб и выстрелы иловских эрэсов.

Около двенадцати часов вернулся лейтенант Глотов. Он прошагал со своими спутниками много километров по хрупкому насту. Разведчики, двигая оружием, застегивали на ходу короткие ватные куртки. Одежда в крови. Что случилось?

Глотов уже у забора. Толкнув калитку, вошел во двор, вытер мальчишеское лицо и начал:

— Товарищ старший лейтенант... наша пехота занимает позиции на берегу... по окраине Тимченкова. Оттуда я повернул, как было приказано, к ориентиру номер четыре, обнаружил гусеничную колею... немецкие танки, их не менее [507] десяти, шли след в след к хутору Глубокий... Продвинулся к хатам... ни одной живой души. Звали, стучали... Из погреба вылез хозяин... говорит, приходили перед рассветом немцы, танки, бронетранспортеры. Ушли. Куда? Сколько? Неизвестно. Я закончил опрос и вперед. За оврагом на снегу... побитые лошади, полковая пушка, оставленная на позиции... перебрался на другую сторону... слышу гул. К хутору катят три «опеля» под белыми тентами. Перед сугробом первый начал сбавлять скорость... стал. Не знаю, напугали немцев туши лошадиные или пушка. Они стали вылезать... десять, пятнадцать человек. Постояли возле машины и — к хатам... Я подал команду разведчикам... немцы стали отстреливаться, заработал МГ {93}. Я к орудию, зарядил... не закрою затвор, что ни делал... А три «опеля» разворачиваются... проклятье. Потом заметил... под рукояткой, в гнезде стопора, лед... успел сделать только три выстрела вдогонку. Среди убитых нашли раненого... едва ворочал языком. Километра два его несли, скончался.

Командир взвода управления подал знак своему помощнику — старшему сержанту Ибадову. Тот вынул из полевой сумки и передал лейтенанту немецкие солдатские книжки. Одну из них Глотов протянул политруку Кокорину и продолжал:

— ...вот документы пленного... а тут — других... все из штабной роты шестой танковой дивизии. Потерь взвод управления не имеет... Все!

Политрук Кокорин, оглядев разведчиков, стоявших поодаль, спросил:

— ...а ваши люди... еще двое... где? Измestьев, Воробьев?

— ...один повредил ногу, обувь неисправная... Я не стал ждать, оставил обоих перед речкой... Разрешите заняться... туалетом? — учтиво закончил лейтенант Глотов и принялся расстегивать воротник.

В свете задач, которые решала 4-я батарея, данные, добытые командиром взвода управления, не представляли особой ценности. 6-я танковая дивизия, штабная рота... Как попали принадлежавшие ей машины и люди на ничейную территорию? А части дивизии? Где они? Неизвестно... Пленный мог рассказать об этом, а солдатские книжки — без языка.

Но капитан Громов, когда услышал о результатах разведки, встревожился:

— ...шестая танковая дивизия? Так ведь она действовала [508] гораздо западнее, в районе Борков! У чехословаков есть сведения... Значит, передвинулись... Пришлите лейтенанта Глотова и немецкие документы ко мне, — трубка щелкнула и умолкла.

Содержание приведенного выше разговора, как и всех последующих, объяснялось не только служебными отношениями, которые связывают на поле боя командиров — старшего с младшим. Были и другие, частные причины.

Дело в том, что подразделения противотанковых артиллерийских частей РГК (если они не решали самостоятельных задач) либо придают, либо поддерживают пехоту и танки, — тех, кто находился непосредственно в соприкосновении с противником. Как в первом, так и во втором случае противотанкисты устанавливают связь с ними через посыльных, по радио или телефону.

Но в арьергардных боях, которые вели наши части, в условиях поспешного отхода многие уставные правила носили непостоянный характер и довольно часто не соблюдались. Так, в соответствии с первоначальными приказами, обе батареи 595-го ИПТАП РГК предназначались для поддержки 182-го гв. СП. Но со второй половины 7 марта они решали по существу самостоятельную задачу и в ее пределах взаимодействовали с чехословаками. Этим объяснялись и некоторые другие особенности положения, в частности, то, что 4-я батарея, если не принимать во внимание деятельность разведчиков взвода управления, поддерживала телефонную связь только с «Колодой» — так именовался НП заместителя командира полка.

В 13 часов оттуда поступил запрос: вижу ли я немецкие танки, которые шли на Соколове? Не закончив передачу ответа, телефонист протянул мне трубку.

— ...кажется, немцы намерены атаковать чехословацкую оборону за речкой, — сообщил Громов. — Что вы скажете?

В южном направлении я наблюдал только ориентир номер 7 — крест и часть купола соколовской церкви. Естественно, не видел того, что происходило за гребнем укрытия.

Над Соколове рвались бризантные снаряды. Немецкие батареи с закрытых позиций обстреливали чехословацкую оборону. Огонь усилился. У ориентира номер 7 взметнулось облако, и купол церкви исчез в дыму.

Вдруг выстрелы с открытых позиций. Часто, один за одним. Семь, восемь, десять. Из леса открыла огонь гаубичная батарея.

Прошло немного времени. Телефонист позвал к телефону. [509]

— ...около полутора десятка танков и бронетранспортеры подошли к переднему краю... Чехословаки подбили три танка. Фрицы поворачивают обратно... Наскок какой-то, не похоже на правду. А у вас как? — закончил вопросом Громов.

В секторах 4-й батареи уже в течение получаса взлетали ракеты сериями и в одиночку и гасли за снежным гребнем. В лесу «Волчий» и левее, где утром в небо тянулись дымы, отмечается оживление. Ползают танки, машины. Дальность шесть-семь километров. Немцы что-то замыслили.

— Да, чехословаки также обратили внимание, — подтвердил Громов. — В направлении «Волчьего» я мало что вижу... только синяя полоска... Глотова задержу ненадолго. Все.

И снова к телефону...

— Говорил с начальником штаба чехословацкого батальона, — начал Громов, — отбитая атака подняла настроение наших друзей. Думаю, это... пробный выпад. Немцы явились, чтобы ознакомиться с обороной... Нужно ждать серьезной атаки... По сведениям, поступающим к чехам, противник обошел Тарановку. Один полк шестой танковой дивизии после занятия Борок и хутора Первомайского выдвинулся к железной дороге... Обнаружены части сорок четвертой пехотной дивизии. — Спустя минуту Громов дополнил сообщение. — Данные о шестой танковой дивизии... переброшена с запада... в обычных штатах, три полка и дивизионные части... насчитывается около двухсот танков и штурмовых орудий... Немцы получили в Тарановке первые уроки и, кажется, кое-чему научились... Ясно, машины штабной роты заехали в хутор Глубокий не случайно, даже если предположить, что заблудились... Что нового у вас?

Телефонист, поддерживающий связь с заместителем командира полка, обращался ко мне с этим вопросом через каждые десять минут. Продолжалось так довольно долго. И вот...

— Ориентир номер пять, влево десять... выше шесть... машина! — нарушил неожиданно тишину наблюдатель. — Отставить... танк!... Три, четыре, — он громко называл цифры.

Оставив стереотрубу, я взглянул, танков уже было 12, затем 17, 23... 28... 32... Они выскакивали из-за гребня и мчались по склону, оставляя позади облака снежной пыли.

— Огневые взводы... Внимание!.. Ориентир номер четыре, лес «Волчий»... танки! Телефонист!

Но телефонная линия, проложенная по обледенелой улице напрямик через дворы и огороды, может оборваться в самый неподходящий момент. Действовавшая доселе [510] бесперебойно, связь прекратилась. «Колода» не отвечала.

А танки мчались, не сбавляя скорости. Фронт ширился. Снежное облако начало отставать и возвращалось к лесу «Волчий».

Дальность сокращалась. Гул уже слышался на позиции, и эхо вторило ему в ближнем лесу.

Я не собирался оттягивать момент открытия огня, оговоренный вчера при встрече с чехословаками. В первом эшелоне танки... Второй — смешанный, преимущественно бронетранспортеры... Массированная атака... Тот же стиль, что у Старой Водолаги. Нет, медлить больше не следует.

— ...дальность... три тысячи восемьсот. Наводить по головным... на подходе к рубежу ориентира номер пять... Огонь!

Грянули выстрелы. Сарай качнулся, сверху посыпалась солома, пыль. Сверкнув над рекой красными молниями, трассирующие снаряды унеслись вдаль, провожаемые напряженными взглядами наводчиков и командиров орудий. Слева начали стрельбу еще чьи-то орудия, с тыла — эрэсы. Пакеты хвостатых реактивных мин, с воем и скрежетом поднимаясь, исчезали в пасмурном небе.

На улице, во дворе полыхают вспышки, слышны обрывки команд. Серый дым со снегом и паром стелется понизу, окутывал сарай.

— Связь есть! — привскочил на своем месте телефонист. — К телефону!

— ...началась атака... Удар направлен на чехословаков... вижу, ваши орудия ведут огонь, — торопливо говорил Громов. — Темп хорош... не сбавлять. Все!

Относительно позиций 4-й батареи танки шли облически {94} с открытым левым бортом и максимально вытянутым силуэтом. Интенсивность огня не слабела, трассирующие снаряды летели по два, три и четыре в ряд. Наводка производилась наскоро. Нельзя терять ни секунды!

В секторе стрельбы 4-й батареи уже отмечено три прямых попадания. Один танк дымил, корму другого тоже лизало пламя, третий завалился на борт.

А лавина неудержимо катилась вниз к «Шраму». Фланги все больше отставали. Выпирал дугой центр. Овраг должен разделить этот бронированный поток... И вот одна часть атакующих стала принимать влево, другая — двадцать шесть танков — поворачивала к ориентиру номер 6. Второй [511] эшелон опередил дымный шлейф и, повторив маневр, начал прижиматься к танкам. Дистанции сокращались до двух делений прицела.

Впереди и позади этой массы рвались фугасные гаубичные гранаты и эрэсовские мины второго залпа. Среди черных воронок застыли неподвижно два-три танка. А над оврагом «Шрам» скрещиваются в снежной мгле и разлетаются в стороны рикошетирующие снаряды ИПТАПовских орудий.

Дальность — 2800 метров. Выскользнув из ствола, красная трасса ударила в снег, другая, вспыхнув, вонзилась в борт танка {95}. Но что это? Силуэты стали уменьшаться... танки будто ныряли куда-то, и башня погружалась в снег.

— Карту!

Вот он, ориентир номер 6... Левее и ближе — бугор, обратные склоны...

Первая волна атакующих скрылась в углублении и для орудий 4-й батареи стала недостижима. Следовавшие за ней бронетранспортеры явно прибавляли скорость. Один из отставших, настигнутый снарядом, круто взял в сторону и, взвихрив пыль, перевернулся вверх колесами {96}.

В следующую минуту все, что двигалось, исчезло с глаз. За бугром взмыла ракета, и гирлянды разноцветных огней озарили серое небо. Да... Это сигнал. Сближение завершено — начиналась решающая фаза атаки.

А тут беда! Не только от орудий, но и отсюда, с трехметровой высоты НП, где установлены приборы, кроме дымной тучи и следов, оставленных гусеницами на снегу, я ничего не видел. Нужно принимать меры. Телефонист! Передать на «Колоду».

— ...они атакуют Соколове. Но может последовать еще один удар в вашем секторе... после... по боевым порядкам сто восемьдесят второго гв. СП и через Тимченков на Мерёфу. Я меняю НП... перехожу на крышу дома... Тут сто метров, — в ответ телефонист повторил слова Громова.

— Стой!

Неужели я должен прекратить огонь? Бездействовать в праздном ожидании в то время, когда там, в мертвом пространстве, полсотни танков, изрыгая огонь из своих длинноствольных пушек, обрушились на чехословаков?!

Над Соколове сгустился дым, гул и грохот стоял непрерывный. Звонко били танковые орудия, захлебываясь, стучали [512] пулеметы, и слышался зловеющий скрежет рикошетов.

Огневой налет, начатый немецкими батареями по Миргороду, усиливался. Снаряды рвались посреди улицы, между орудиями, во дворах и на опушке леса, где стояли «катюши».

Телефонист нажимал кнопку зуммера, взволнованно взывал к «Колоде», но она не отвечала.

Что происходит в Секолово? Это будоражило души всех, кто был на чердаке и у орудий. Наши братья, только пришедшие на фронт... и вот первый страшный удар! За речкой десять орудий и три-четыре сотни пехотинцев один на один с бронированной армадой, превосходящей эти силы в десять раз. Огонь и гусеницы танков обрушились на полевые укрепления, круша и сметая все перед собой...

Я не узнавал своих людей. Никто, казалось, не слышал разрывы снарядов. В безмолвии, обратив горящие взоры на юг, они, подобно язычникам, будто взывали к старым славянским богам не оставить чехословаков в их тяжкий час.

Что же с «Колодой»? Связи не было. Телефонист скатился по лестнице и пропал в дыму.

— Ориентир номер два... ближе четыре... черный дым... частые разрывы снарядов, — доложил наблюдатель.

Примерно на середине расстояния между лесом «Волчий» и хутором Тимченков лежит небольшая роща — «Эвкалипт». Перед нею — брошенная кем-то колонна: семь машин, занесенные снегом. Одна — в черном полукруге копоти — стояла отдельно и внесена в схему ориентиром под номером 2. А ниже — стрелковые ячейки боевого охранения 182-го гв. СП, оставленные вчера во второй половине дня. Те, кто занимал их, отошли на южный берег Мжи к зарослям, которые тянулись полосой от рощи «Эвкалипт» через пойму речки к хутору.

Мины и снаряды, о которых сообщил разведчик, ложились среди ячеек. Дым, смещаясь к «Эвкалипту», затягивал луг и крайние хаты хутора Тимченков.

Вслед за этим на опушке леса «Волчий» появились девять самоходных орудий и, ведя огонь, двинулись развернутым фронтом вперед. За ними шли двенадцать бронетранспортеров. Самоходки останавливались, делали один-два выстрела и ползли дальше!

По ним начала пристрелку батарея, стоявшая в лесу за хутором Тимченков. Снаряды отклонялись. Стреляющий, кажется, не сумел вывести разрывы на линию наблюдения и перешел на батарейные очереди. Но они беспорядочно ложились в стороне. [513]

В районе ориентира номер 2 атакующие перегруппировались. Четыре самоходных орудия, заняв позиции среди сожженных машин, начали обстреливать рощу «Эвкалипт». А остальные...

— Внимание... четвертая батарея... ориентир номер два... сожженная машина отдельно от других... самоходные орудия и бронетранспортеры... дальность четыре тысячи четыреста...

Когда противник войдет в зону воронок, чернеющих на снегу, орудия 4-й батареи откроют огонь.

Пять самоходок и бронетранспортеры продолжали движение. Заняв вчерашние позиции охранения, они остановились в ложбинке, углубленной снежными наметами, и рассредоточились.

В Соколове бой тем временем достиг высшего напряжения. Грохот орудий, стук пулеметов не затихали ни на мгновение. В густых облаках серо-белого дыма взлетали ракеты. Выглянул ненадолго купол церкви, справа несколько крыш.

— «Валет-четыре» слушает! — выкрикнул телефонист и торопливо протянул мне трубку. Говорил Громов:

— ...они ворвались в Соколово... Единоборство чехословацкой пехоты и немецкой брони длится больше получаса. Все орудия за речкой выведены из строя... Вояки полковника Свободы сражаются с яростью, унаследованной от вендов — своих древних предков... Недаром они носят эмблему льва. Немцы овладели первой траншеей лишь после того, когда погиб последний ее защитник... Да, сражаться, имея гранаты и ружья... трудно... Но чехословаки не уступают. Борьба за церковь продолжается...

Оставаясь под впечатлением чувств, которые владели моими людьми, я спросил Громова: есть ли связь с командиром чехословацкого батальона?

— ...он перенес свой командный пункт в Артюховку. Не могу никак дозвониться, снаряды сыплются со всех сторон. На НП мы только вдвоем... разведчик и я. Весь остальной персонал... телефонисты, ординарцы, Готов, санинструктор Люся... на линии, не успевают вязать узлы...

Что же все-таки происходит на участке Соколово?

— ...большая часть деревни... — отвечал Громов, — потеряна... Но господствующая позиция у церкви и дома вокруг... в руках чехословаков...

Почему к ним не направляется подкрепление? Что можем сделать мы? Чем занят «Валет-1»? [514]

— Свяжусь... узнаю, — отвечал Громов, — пока нужно оставаться на месте... Первая батарея в Артютовке с той же задачей, что и у вас... обеспечивает левый фланг чехословацкой обороны.

Ночью со стороны хутора Гонтарь отошли наши танки. Где они? Готов говорил: на северном берегу их больше двух десятков.

— ...да, танки тут... почему не переправляются? Не знаю... Наверное, есть причины... А у вас как?

Из леса «Волчьего» самоходные орудия и бронетранспортеры ведут атаку в направлении рощи «Эвкалипт». Продвижение вроде приостановлено. Не знаю, надолго ли...

— В Соколове немцы, кажется, застрянут... но не исключено, что попытаются вырваться из объятий чехословаков и тогда на Мерефу... Далеко ли от «Эвкалипта» самоходки? — интересовался Громов.

— Ориентир номер два... — начал наблюдатель. Вернувшись к своему месту, я оглядел бугор. Самоходки оставили укрытия и приближались к «Эвкалипту». Немецкая пехота двигалась россыпью позади. Артиллерии сопровождала атаку плотным огненным валом. Разрывы все больше опережали самоходки. Дым заволок уже рощу и прибрежные заросли. У ориентира номер 2, среди сожженных машин, сверкают языки пламени. Самоходки перешли на непрерывную стрельбу.

Командир батареи с позиций за Тимченковым, не славивший в первую пристрелку со своими огневыми взводами, снова открыл огонь. Снаряды падают в самых случайных местах. Только два легли более или менее удачно, наставив залечь немецких пехотинцев.

Послышались выстрелы справа позади. Судя по звуку, полковые орудия. Разрывы стали ложиться в районе цели. Немецкая пехота залегла и дальше двигалась перебежками, оставляя позади убитых.

На пути самоходок вздыбила снег очередь гаубичной батареи. Одна, другая, третья. Кто-то ставил НЗО. Самоходки начали маневрировать, все больше принимая вправо, пехота перешла на беглый шаг. С береговых зарослей строчат пулеметы 182-го гв. СП.

Противник вышел на опушку рощи «Эвкалипт». Самоходные орудия, поддерживавшие атаку с места, двинулись вперед. За ними последовали и выжидавшие в укрытии бронетранспортеры. Уклоняясь от гаубичных снарядов, те и другие срезали угол. Вот-вот выйдут на рубеж открытия огня 4-й батареи. [515]

Орудийные расчеты ждали этого момента. Людей не отвлекали немецкие снаряды, прилетающие с запада. Кружа раскиданную — солому, разрывы грохочут то в одном, то в другом месте.

Время близилось к вечеру. Я не знал того, что произойдет дальше, и не хотел привлекать к стрельбе все свои орудия. Девять самоходок и батальон пехоты... Едва ли противник решится форсировать речку на участке хутора Тимченков. Но как знать? Самоходные орудия, оставив пехоту, могли повернуть на юг, и тогда они пройдут под стволами 4-й батареи.

Только третье орудие послало шесть снарядов. Пять срикошетировали — часть на недолетах, другая — перелетела. Шестой: снаряд попал в цель — прошитый бронетранспортер замедлил ход и загорелся {97}.

Открыли огонь прямой наводкой чьи-то орудия из Тимченкова. На опушке рощи «Эвкалипт» они подбили самоходку.

Начинало темнеть. Немецкая артиллерия прекратила обстрел хутора Миргород. Не слышно орудийного грохота в Соколове, но пулеметная стрельба не затихает. Очереди трассирующих пуль веером рассеивались в вечернем небе.

Расчеты 4-й батареи получили возможность отойти от орудий. Те, кто провел все эти часы на НН, прыгали вниз, в проемы между стропил оголенной крыши сарая.

С момента последнего разговора с «Колодой» связи, исключая три коротких периода, не было. Я отошел от сарая. Зазуммерил телефон.

— «Валет-четыре» слушает, — отвечал телефонист, — есть позвать командира батареи-.

Нужно возвращаться обратно на чердак. В трубке — голос капитана Громова.

— Полковник Свобода отдал приказание первой роте оставить Соколово и отойти на северный берег речки Мжи. Надпоручик Ярош... — Громов помолчал и закончил фразу, — погиб... потери тяжелые... А в вашем секторе?

За речкой в направлении «Шрам» спокойно, вроде бы противник прекратил обстрел района позиции.

— Как дела у правого соседа?

Боевое охранение 182-го гв. СП отошло к хатам Тимченкова. Самоходки заняли рощу «Эвкалипт». Пехота продвинулась в заросли и там остановлена. [516]

Каково положение на участке Соколове в данный момент?

— ...происходит эвакуация раненых... Похоже, немцев не слишком радует успех. Часть танков ушла на Змиев... посмотрим, что' дальше будет... лейтенант Глотов свободен... отправляю к вам. Вы обедали? Пришлите пять-шесть порций ко мне.

На чердак поднялся политрук Кокорин.

— Пора поесть. Пойдемте... тут двести шагов. Ибадов позовет, если будет нужда, — предложил замполит.

Обед приготовлен в хате, где я спал прошлую ночь. Едва каптенармус расставил котелки, вошел лейтенант Глотов. Весельчак, поэт и неистощимый оптимист был мрачен. Доложив о прибытии, он обвел взглядом комнату и остановился у порога.

— Товарищ лейтенант, садитесь к столу, — пригласил его Кокорин.

Глотов молча подошел и опустился на скамейку.

— Товарищ политрук, — вздохнув, проговорил Глотов, — жаль чехов... По-братски говорю... когда начался огневой налет...

— О чем речь? — прервал Глотова старший лейтенант Никитин. — Наши союзники первоклассные воины, и с этого дня настоящие фронтовики...

— Солдат судит своих братьев по внешнему виду... Встречают, как говорится, по одежде... — отвечал Глотов. — Воинские достоинства чехословаков я знал еще вчера... Да жаль... военная судьба сурово обошлась с достойными людьми...

— ...он и в самом деле подавлен, — приподняв над столом лампу, сказал Никитин. — Эй, парень, уж не понравилась ли вам красивая чешская телефонистка? Костыренко уверяет, что не видел ничего подобного... а ведь он человек женатый.

— Оставьте шутки, Никитин! — потребовал замполит. — Лейтенант Глотов! Первый отдельный чехословацкий батальон оборонял вверенный ему небольшой участок на огромном советско-германском фронте. Люди этой иностранной воинской части показали, что они способны сражаться рядом с нами... При том соотношении сил, которое сложилось сегодня, чешские воины добились выдающегося успеха...

— Да, разумеется... Я говорю о человеческих чувствах... Жаль потерянных жизней, — продолжал, грустно оглядывая стол, Глотов. [517]

— Гм... понимаю, — замполит поднялся и, опустив на плечо лейтенанту руку, продолжал. — бы... русский, и поэтому встретили чехословаков, как гостей... Желание хозяина приветствовать иностранцев, родственных по крови, свойственно нашему народу... Не надо огорчаться. Врагу не удалось унижить наших чехословацких союзников. Я горжусь доблестью их духа!

За столом наступила тишина.

— ...когда нагрянули танки... — заговорил снова Глотов, — я прокладывал в тот момент линию в Артюховку... Орудия на южном берегу стреляли метко, особенно... батарея из тысяча двести сорок пятого ИПТАП... четыре танка задымили сразу... другие остановились и начали бить с места. Новая волна подкатила к хатам, потом броневики, автоматчики... заработали пулеметы чехов... Танки расстреливали пулеметные точки... чехословаки отбивались автоматами да гранатами. Несколько танков с огнеметами поджигали дома, потом окружили церковь, а позади в траншеях бой не затихал... Стрельба на окраинах Соколове не прекращалась и тогда, когда я сматывал кабель. Капитан Громов говорил мне, что связь с 1-й ротой была потеряна еще до того, когда полковник Свобода отдал приказание оставить Соколове. По-видимому, те, кто не знает об этом, продолжают удерживать свои позиции.

— Да, они сражались не на жизнь, а на смерть, — согласился политрук. — Воины полковника Свободы преодолели много препятствий на своем пути, пришли сюда, чтобы бороться вместе с нами за свободу поработанной Чехословакии... Их поддерживает... — замполит умолк, привлеченный шагами за окном.

Раздался стук в дверь. На порог вошел старший сержант Ибадов.

— Товарищ старший лейтенант, разрешите доложить? К «Эвкалипту» прошли восемь танков или самоходок... на берегу началась стрельба... — доложил помкомвзвода.

Я вернулся на чердак. Полудугой охватив Мерефу, лес «Волчий», Соколове и холмы на юге, взлетали ракеты. Багровыми факелами светятся в темноте самоходка перед «Эвкалиптом», бронетранспортер и, отмечая путь массивной атаки, пять из одиннадцати подбитых на склоне танков и бронетранспортеров. Но где же те, что вызвали тревогу?

— ...сейчас только укрылись среди деревьев... вот... вот... пламя выхлопной трубы, — наблюдатель указал рукой в направлении, куда развернут объектив буссоли.

На фоне вечернего неба в отсветах горевшей самоходки [518] темнела роща. Порывы северо-западного ветра доносили глухое урчание двигателей.

Откуда явились эти восемь танков... или самоходок?

Наблюдатель ефрейтор Плюхин утверждает, что колонна, насчитывающая восемь единиц, пришла со стороны очагов свечения в районе оврага «Шрам». Ефрейтор Ранмов, дежуривший у стереотрубы, показывал, что танки пришли из леса «Волчий».

Противник подбрасывает подкрепления для подразделений, действовавших в направлении хутора Тимченков, за счет вторых эшелонов, или же он использовал резерв, который высвободился после захвата Соколове?

Этот вопрос для командира батареи в моем положении далеко не риторический. Желание установить истину привело меня на позиции. За полем боя помимо разведчиков следят также командиры дежурных орудий и наводчики. Я опрашивал их, когда прибежал телефонист.

— ...вызывает «Колода», срочно, — запыхавшись, доложил он.

Возле лестницы меня встретил хозяин двора, бормоча сожаления по поводу разрушений, причиненных сараю. Постройка, действительно, пострадала и не годилась для своей цели. Но... есть ли смысл на ночь глядя менять НП? Однако оставаться с голыми стропилами над головой связано с неудобством. Отсутствует маскировка. Пронизывающий ветер гулял у приборов. Разведчики пытались укрыться от стужи, натянули плащ-палатку, но брезент совсем не то, что слой соломы. Углы хлопают под ветром в темноте, дует со всех сторон...

Высунувшись из-под трофейного венгерского тулупа, дежурный телефонист подал мне трубку.

— Полковник Свобода выражает признательность за поддержку. Мы уходим. «Валет-четыре», для вас... отбой! — быстро говорил Громов. — Подавайте команды, я подожду. — И продолжал через минуту: — Старший лейтенант Баженов доставил приказание... что-то там произошло... наш полк срочно перебрасывается в Харьков {98}. Приготовьте карту... «Валет-четыре»! Ваш маршрут движения... Миргород, Мерефа, хутор Высокий, Филиппов, Липовая Роща, дальше западная окраина города, называется Холодная Гора, Богодуховское шоссе и дальше хутор Залютино, вы видите? [519]

Южнее пустырь, за ним в стороне от шоссе отдельный дом, — Громов продул микрофон, — для вас, «Валет-четыре», район открытых позиция на юг от Залютино... отдельный дом, следите по карте... там, где сблизилась горизонтали, есть? Ваша задача... обеспечить прикрытие шоссе со стороны хуторов Минутка и Подворки. Готовность к открытию огня... ровно к часу девятого марта. После занятия позиций немедленно выслать разведку и выяснить положение на рубеже Подворки... Песочек.

Инженерное оборудование на ваше усмотрение... Готовность маскировочных работ... к рассвету. По прибытии установите связь с другими подразделениями в районе Залютино и Залвмсин Яр, если их обнаружите. Остальные указания... на месте. Сейчас... сверяю время... двадцать один час двадцать семь минут. Движение начать через десять минут.

Заместитель командира полка нетерпеливо отжимал клапан телефонной трубки, слушая о дозорных, патрулировавших берег. У меня в кармане чехословацкий хронометр. Как быть? До Артюховки не менее пяти километров.

— Хронометр?.. Я уже попрощался с чехословаками, — с досадой проговорил Громов. — Что же делать? Подождите... Здесь рядом был промежуточный узел связи, может, удастся вызвать.

Прошло не менее пяти минут, прежде чем раздался сигнал зуммера.

— «Валет-четыре», полковник Свобода оставляет хронометр в нашем полку на память противотанкистам за участие в церемонии боевого крещения чехословацкого батальона, — объявил Громов несколько торжественно. — Вы когда выступите? Все, кажется... Связь прекращаю, — раздался щелчок, и шорох в трубке исчез.

На чердаке помимо двух телефонистов, ждавших, окончания разговора, и лейтенанта Глотова никого не осталось. Вернув трубку, я спрыгнул вниз на землю.

В темноте слышались нриглушенные голоса. Расчеты приводили орудия а походное положение. Скрипел катушкой сматывавший кабель телефонист. У ворот шла погрузка имущества взвода управления на машины.

В немецкой колонне

В 21 чае 40 минут 4-я батарея снялась со своих позиций в Миргороде. Меня, как и людей, сидевших по местам в автомобилях, занимала мысль о наших боевых друзьях на берегу речки Мжи. [520]

Фронтовики не строили себе иллюзий относительно обстановки в районе Харькова. Конечно, успех, достигнутый чехословацкими воинами в позиционном бою, не нуждался в комментариях. Но для ведения маневренной обороны, наряду со стойкостью духа, необходимы еще много других предпосылок. Были ли они в тот момент? В условиях отступления чехословацкий батальон, как и всякую иную пехотную часть, когда она имеет дело с танками, ожидают тяжелые испытания, и никто из нас не думал, что встреча у Соколове не последняя.

Общее положение продолжало обостряться. Противник, пользуясь численным превосходством и выгодами оперативного построения, теснил наши войска, настойчиво стремясь к своей цели. Харьковский участок фронта на какое-то время стал главным театром войны. Ожесточенные бои не затихали ни днем, ни ночью. Наши измотанные полки, батальоны и дивизионы отражали непрерывные атаки с фронта, с флангов и тыла, сражались в перевернутых боевых порядках, отрезанные от соседей, в разного рода окружениях и полуокружениях.

11 марта около пятнадцати часов танки противника ворвались по Белгородскому шоссе в Харьков. Оборонявшиеся там батальоны 17-й бригады НКВД начали поспешно отходить {99}, запрудили Сумскую и прилегающие к ней улицы. Несколько танков и два бронетранспортера противника выскочили на площадь Дзержинского и открыли огонь.

595-й ИПТАП РГК был спешно снят с позиции на Богодуховском шоссе по личному распоряжению командующего артиллерией Воронежского фронта генерал-лейтенанта артиллерии Баренцева, руководившего обороной, и направлен навстречу противнику {100}. Выдвинувшись к памятнику Шевченко, орудия 4-й батареи открыли огонь по Госпрому и близлежащим зданиям. После того, когда фашистские танки отошли, лейтенант Гловов выбил и автоматчиков {101}, 4-я батарея удерживала центр города, площадь Дзержинского до [521] полудня 15-го марта {102}. К тому времени Харьков был окружен со всех сторон.

Поставленный перед свершившимся фактом командир 595-го ИПТАП РГК майор Таран приказал оставить площадь Дзержинского и всем батареям сосредоточиться на юго-западной окраине города в районе пивзавода.

Восемнадцать часов тридцать минут. В служебном помещении, заставленном рядами стульев, собрались командиры батареи {103}. Капитан Громов подал команду для встречи. Командир полка выпрямился, отодвинул лежавшую перед ним карту, вышел из-за стола.

— Вольно... садитесь. Товарищи командиры и политработники... — начал майор Таран своим хрипловатым, необычно глухим голосом. — Фронтальная дисциплина не различает ни лиц, ни рангов... Всякого, кто поступает против интересов службы по слабости духа или неразумию, ждет суровое наказание... пятьсот девяносто пятый ИПТАП РГК во всех обстоятельствах неукоснительно повиновался законам фронтальной дисциплины. Ни одна батарея, ни одно орудие не покинуло поле боя без ведома старших... Так было все годы войны, так будет и впредь. Командующий артиллерией фронта приказал мне удерживать центральную часть Харькова и не отходить без его разрешения... Но, тщательно взвесив мотивы требований командующего, я пришел к выводу, что старший из командиров, а таковым со вчерашнего дня являюсь я, руководящий обороной Харькова, не имеет права не считаться с реальными факторами в данной конкретной обстановке... По состоянию на двадцать четыре часа пятнадцатого марта помимо пятьсот девяносто пятого ИПТАП РГК в городе никого не осталось... Штаб артиллерийской группы обороны района Харькова отошел за Северский Донец, и радиосвязь с ним со вчерашнего дня из-за помех прервана. Последняя дорога, по которой поддерживалось сообщение, перерезана. Противник занял рубеж поселок Южный... Рогань... — Излагая детали обстановки, командир полка отметил, что части противника, блокирующие город, по видимому, в ближайшие часы уйдут со своих позиций, поскольку сопротивление прекратилось. Затем он охарактеризовал состояние подразделений полка и начал ставить задачи. Управлять полком в прежнем организационном составе майор Таран не находил возможным. Полк расчленяется и должен действовать побатарейно. Командирам батарей [522] предоставлялось право толковать обстановку и принимать решения, исходя из своего понимания воинского долга и присяги. Коснувшись дальнейших задач, командир полка сказал, что внешний фронт окружения отодвинулся, по его мнению, на восток, возможно даже к Северскому Донцу.

Командир полка вполне отдавал себе отчет в том, что говорил, и, глубоко потрясенный случившимся, тем не менее не утратил надежды. Всем, кому удастся выйти из вражеского кольца, он указал сборный пункт — город Купянск {104}.

— ...может быть, не увидимся... — продолжал майор Таран. — Я хочу воздать должное мужеству командиров и рядовых пятьсот девяносто пятого ИПТАП РГК... Благодарю вас за службу! Присущий вам дух является залогом того, что личный состав полка в этой чрезвычайной обстановке исполнит свой долг до конца.

Майор Таран умолк, ж в полупустом помещении наступила тяжелая гнетущая тишина. В узкие высокие окна падали лучи заходящего солнца. Командир полка хранил молчание, как будто страшился последствий принятого решения. Молчали и все присутствующие. Снаружи доносились выстрелы танковых орудий. Назойливо дребезжало оконное стекло.

Потом кто-то встал (кто именно — не помню) и обратился к командиру полка, спросив разрешения выйти. Стулья задвигались. Все, кто был в помещении, прощались друг с другом.

Я вышел из калитки. Напротив, под кирпичной стеной пивзавода, стояла в колонне моя батарея — два орудия {105} на крюке у ЗИСов, окрашенных в белый зимний цвет, и два автомобиля — оба трофейные, принадлежавшие взводу управления. Люди понуро сидели по местам, прислушиваясь к выстрелам, которые раздавались все ближе и ближе.

Лейтенант Глотов, нарушив запрет, обрадованно вышел навстречу. Кончились невыносимые десять минут бездействия. Сейчас колонна двинется дальше! [523]

Куда? Я не имел об этом ни малейшего представления, садясь в кабину. За домами громыхнул выстрел один, другой. Немецкие танки приближались со стороны центра города, где совсем недавно занимала ОП 4-я батарея.

Я не мог сосредоточиться и подать команду «Марш!». В юго-западном направлении, куда вела улица, батарею ждало то же, что и позади.

Оба мои орудия не пригодны к стрельбе. Жидкость из противооткатных устройств, продырявленных пулями, под бешеным давлением вытеснена при последних выстрелах в переулке Гиршмана. Ствол второго орудия не накатился и залег на полпути, поравнявшись дульным срезом с торцом люльки. Ручных гранат — ни противотанковых, ни противопехотных — в 4-й батарее не водилось: я не верил в это оружие и во избежание ЧП запретил получать гранаты со складов. В колонне — два ручных пулемета, карабины, автоматы. В баках автомобилей горючего — не более чем на 50 километров.

Водитель старший сержант Божок ерзал на сидении, поворачивая ключ зажигания. Красная лампа кнопки стартера в нижней части щитка приборов вспыхивала и гасла. Над нею за стеклом — шкалы, стрелки, надписи: вассер, оиль, ампер... 4-я батарея пойдет на юг, прямо по улице в сторону деревни Жихорь... Стрельбы там не слышно.

Пролетевшая с шумом и фырканием болванка положила конец колебаниям. Я сошел на тротуар и передал по колонне решение, принятое командиром полка, назвал сборный пункт и порядок дальнейших действий для 4-й батареи, меры на случай встречи с противником.

Второй трофейный автомобиль занял место в хвосте, и колонна тронулась. Подмораживало.

Не знаю, что заставило меня вылезть в приоткрытую дверцу и оглянуться, но убежден, что это избавило 4-ю батарею и других от неприятностей, а может быть, и гибели. За автомобилем Глотова — он шел замыкающим — ползли полтора десятка тягачей и орудий.

Остановить... немедленно! Я вернулся в хвост колонны и сказал старшему лейтенанту Романову (1-я батарея шла вплотную за автомобилем Глотова), что требую соблюдать дистанцию, либо оставить колонну 4-й батареи: неровен час, выскочит танк, а тут — этакая орава...

Романов не стал спорить. Вышел из машины, спросил о моем намерении. Я избрал юго-западное направление в расчете на беспечность встречных немецких колонн и темноту. [524]

Удивленный Романов некоторое время шел молча за мной, потом попрощался и побрел назад к своим орудиям.

Над пустынными улицами опускались сумерки. Мой автомобиль свернул в переулок, потом в следующий. Новый поворот вывел меня на улицу, посреди которой на удалении прямого выстрела стояли немецкие танки со стволами, развернутыми навстречу. Люди из экипажей сновали вокруг.

Водитель вывернул руль. Автомобиль пересек улицу, миновал угол дома. Подошло одно, потом другое орудие и замыкающий автомобиль.

Первая встреча с противником на пути из окруженного города явилась для людей 4-й батареи как бы предупреждающей и закончилась без стрельбы.

Но здесь, на страницах, посвященных чехословацкому батальону, я не стану рассказывать о приключениях 4-й батареи в ночь после оставления Харькова. Напомню только обстоятельства, предшествовавшие эпизоду, который связан со встречей у Соколове и отражает характер отношений между советскими и чехословацкими воинами.

* * *

...Стрелки показывали два часа ночи. 4-я батарея оставила русло речки и тащится с потушенными фарами по полю, в объезд Безлюдовки. Моя колонна увеличилась за счет орудия 3-й батареи, которое я вынужден был принять, когда обнаружил его в хвосте перед деревней Жихорь.

Люди в кузовах укрылись трофейным имуществом — немецкими плащ-палатками, огромными венгерскими тулупами и одеялами. Орудийные щиты завешены белым тряпьем и вместе со стволами завернуты рваной трофейной маск-сетью. Хотелось придать 76-миллиметровым пушкам хоть какое-то сходство со 105-миллиметровыми немецкими гаубицами.

Вынуты магазины из автоматов. Приняты и другие меры, которые должны исключить всякую возможность произвольной очереди. Люди 4-й батареи достаточно опытные и умеют, в случае необходимости, быстро изготовить к стрельбе свое оружие.

Автомобили ползут по полю вдоль железнодорожной насыпи. Команда из трех человек — уже в который раз — возвращается с одним и тем же известием: насыпь для автомобилей недоступна.

И вот новое сообщение: железнодорожный переезд, на который я возлагал надежды, занимает противник. 4-я батарея, продолжая следовать в восточном направлении, [525] вышла на грейдер. Дорожное полотно подмерзло. Я намеревался продвинуться дальше и после поворота продолжить путь. Автомобиль поднялся на бугор. Внизу — огни... красные, целый ряд. Немецкая колонна! Съехать с дороги!? По сторонам — широкие заснеженные канавы... Повернуть обратно? Водитель притормозил.

— «Валет-сорок один»... Позади свет фар. За нами идут машины... Много, — передал по РБМ лейтенант Глотов из замыкающего автомобиля. — Как понял? Я «Валет-сорок три»... прием.

Водитель волновался и дергал руль, будто хотел замедлить то, что должно произойти. Красные огни впереди вдруг закачались, стали перемещаться. Вспыхнули фары, осветив орудия, тягачи, машины. Немецкая колонна пришла в движение, и 4-я батарея оказалась посередине между дивизионом 105-миллиметровых гаубиц и двумя десятками машин, которые заливали светом бугор позади.

На всех немецких тягачах горели габаритные огни. Время от времени они включали фары, освещая обочины, орудия, машины, окрашенные в белый цвет. В кузове с открытой полостью тента из-под одеял торчали солдатские головы в шапках.

— Товарищ старший лейтенант, немцы тоже ездят на трофеях, — полушепотом произнес сидевший позади ефрейтор Костыренко. — Глядите... перед стопятидесяти миллиметровой наши ЗИСы...

В хвосте 105-миллиметровое орудие шло без чехла, с оголенным дульным тормозом. Дежурное. Перед ним — две машины без тентов. Костыренко не ошибся. Кабина с прямыми углами, заднее стекло и длинный кузов выдавали нашу марку.

Приоткрыв дверцу, я оглядел шедшие следом мои орудия. Их освещали фары немецких машин, спускавшихся по грейдеру в ложину.

Никто не верил в спасительную силу маскировки. Катастрофа могла разразиться внезапно, при первой же остановке немецкой колонны. 4-й батарее грозила неминуемая гибель.

Как избавиться от наших враждебных попутчиков? Оставить место в чужой колонне, однако, оказалось намного труднее, чем занять его. Как только мой автомобиль сбавлял скорость, разрыв впереди увеличивался, и свет немецких фар в хвосте колонны делался опасно ярким.

4-я батарея миновала один перекресток, потом — еще один. Колонна немецких гаубиц замигала огнями и начала [526] сбавлять ход. Вдоль обочин стояли толстые приземистые ветлы, за ними — черная пустота. Справа — неглубокий кювет, в ряду ветел — разрыв. Шедшее впереди 105-миллиметровое орудие приостановилось, рядом с тягачом появился немец, сверкнул луч фонарика, и орудие двинулось, освободив съезд.

Старший сержант Божок резко переложил руль, задние колеса заскользили. Мой автомобиль, едва не коснувшись 105-миллиметрового орудия, описал поворот и стал удаляться в темноту.

Немецкому командиру полагалось остановиться и подождать, пока пройдет мимо вверенное ему подразделение. Но возбужденный водитель только после третьего напоминания нашел в себе силы нажать тормоз. Я следил в приоткрытую дверцу за движением. Автомобиль Глотова сделал поворот и проследовал мимо, освещенный фарами немецких машин, заполнявших промежутки, оставленный 4-й батареей. Я захлопнул дверцу. Меня более не интересовала немецкая колонна. Прибавив скорость, мой автомобиль вышел вперед. В наушниках послышался шорох, потом — голос лейтенанта Глотова:

— «Валет-сорок четыре»! Что делать? Хочу выразить признательность. У нас не имеется с немцами общих сигналов. Это будет мучить мою воинскую совесть... Я «Валет-сорок три», прием...

Микрофонно-телефонная гарнитура висела у меня снаружи под воротником полушубка на шее. Телефоны глушили на близком расстоянии, я их отворачивал. Услышав, о чем речь, Костыренко недовольно пробормотал:

— И всегда он, лейтенант Глотов, со своими шутками... дойдет и до рукопожатий, когда не переправимся к утру через Донец... плутаем в этой проклятой темноте...

Мой ординарец подсвечивал карту, и по тому, как я обращался с ней, понял, что дело принимает скверный оборот. Я не мог сориентироваться и знал только то, что нахожусь севернее железнодорожной линии. Но этих сведений совершенно недостаточно для подразделения, ускользнувшего из-под вражеского конвоя, которому нужно во что бы то ни стало пересечь железную дорогу и двигаться еще неведомо сколько по территории, занятой немецкими войсками.

Наблюдая за звездами, я определил направление на восток. Движение продолжалось. 4-я батарея вскоре вышла на проселочную дорогу, которая привела к железнодорожному переезду. [527]

Мерцавший в будке стрелочника огонек заставил остановиться. Но я пребывал в неведении не более пяти минут. Посланный к будке Костыренко нашел там своих. Пехотинцы, летчики, артиллеристы у раскаленной печки сушили валенки. По их словам, в селах — названий никто не знал — немцы. Только летчики отвечали определенно — Роганьский аэродром немецкие танкисты захватили вчера утром. Весть о прибытии колонны вызвала в будке радость и замешательство... Люди бросились к автомобилям. Но чем могла помочь им 4-я батарея?

Кузова перегружены. Младший лейтенант Серебряков вчера на выезд из Харькова принял шесть раненых. В поле за Березовкой подобрали еще четырех...

С размещением удалось покончить. Двенадцать человек заняли места на орудийных лафетах. Но у 4-й батареи были заботы важнее этой. Я не мог определить свое местонахождение и после раздумья решил не оставлять дорогу и двигаться дальше на юг.

Прошло еще четверть часа мучительной езды наугад. Водитель испуганно крикнул и затормозил. На обочине маячил силуэт машины. Колонна остановилась.

— ...наша зенитка и два «студебеккера», — сообщил Костыренко. — Никого нет... брошены.

37-миллиметровая зенитная пушка и тягач — «студебеккер» перегородили дорогу. Рядом еще машина. Вокруг разбросаны ящики со снарядами, имущество. В металлическом кузове «студебеккера» — след попадания болванки. В баках — горючее!

Пока водители перекачивали горючее из баков «студебеккера» в тягачи, лейтенант Глотов, уехавший вперед, передал радиogramму:

— «Валет-сорок четыре». Нахожусь на окраине населенного пункта. Жители говорят: немцы прошли вчера. Положение на другом конце села неизвестно... Я «Валет-сорок три», прием!

Автомобиль увеличивал скорость. Я знаю, куда ехать. Деревня называется Терновья. Человек, с которым беседовал Глотов, показал, что вчера, пополудни, на дороге со стороны Безлюдовки началась

стрельба. В село вошли немецкие танки и машины, пятнадцать или двадцать. Часть их повернула к мосту через речку Уда, а часть ушла на восток.

Терновая... вот на карте. До Чугуева осталось километров двадцать. Но кто занимает это пространство? Нужно спешить. Чем раньше 4-я батарея придет на берег Северского [528] Донца, тем больше шансов переправиться. А если противник уже вышел к Северскому Донцу? Зенитчиков, несомненно, настигли танки...

Люди подправляют одетые для маскировки трофейные палатки, готовились встретить наступление дня. Я сел в кабину.

— ...вчера, когда стемнело, — продолжал словоохотливый житель, — баба услышала голос... за воротами... на чужом языке. Я позвал соседа... чтобы помочь человеку, а он лопочет что-то, грозит оружием... не подходи, мол... напугал до смерти...

— На чужом языке... значит, немец? — спросил Готов.

— ...кто его знает... В темноте не разглядеть... может, немец... или, как их называют, мадьяр...

— Любопытно, где же он... ушел?

— Куда ему идти... там и лежит... должно, помер уже... упокой господь его душу.

Посланный для осмотра старший сержант Ибадов вернулся и подтвердил сообщение жителя. Неизвестный в канаве был мертв.

— ...шинель вмерзла, не отдерешь... Ломик нужен, — закончил Ибадов.

Даже появление противника не заставило бы колонну двинуться с места, пока не установлена личность мертвеца. Кто он? Какой части? За документами -умершего вместе с Ибадовым отправились Готов и Плюхин.

Окоченевшие люди ждали, сидя в кузовах. Сколько будет еще длиться канитель с мертвецом? Ефрейтор Костыренко убежал и тут же вернулся вместе с лейтенантом Готовым.

— Товарищ старший лейтенант, жив он! — сообщил командир взвода управления. — Начали обрубывать лед... зашевелился. Где наш санинструктор?..

Вмешательство санинструктора Луковникова несколько не ускорило дело. Немец — без всяких чувств, при последнем издыхании. Луковников не обнаружил ранений на его теле. По-видимому, замерз.

Но переговорить с ним есть возможность? Я готов был отправить санинструктора обратно, когда снова явился. Готов. Немца освободили наполовину от ледяных пут, но ни одной бумажки при нем не нашли.

Что же, сам он уничтожил свое удостоверение личности или его унесли другие? Если так, то кто именно? Может быть, документы валяются поблизости в кювете? [529]

— ...шарили вокруг, и никаких следов, — заявил лейтенант, — давайте заберем... Черт его знает, вдруг прикинулся... свидетель ведь... оставлять нельзя...

Устроить «свидетеля» оказалось не так-то просто. Мест в кузовах не было.

— Что с фашистом возиться... отправить и все... — предложил кто-то возле второго орудия, когда я в поисках мест осматривал кузова.

Снова голос лейтенанта Готова.

— Товарищ старший лейтенант, это... чех. Плюхин нашел в кювете автомат, шапку... кокарда квадратная. Я не распознал шинель в темноте... а похожа... без петлиц, как у немцев, — Готов повернулся и, мигнув фонариком, задержал луч. Разведчики опустили на землю завернутое в плащ-палатку тело.

Чех? Как он очутился здесь, один, в деревне, где прошли немецкие танки?

Был снова призван житель. Уяснив, что и повторный вызов не угрожает его жизни, крестьянин оглядел безучастно лежащего в свете фонарика человека и начал припоминать:

— ...вчера отступали... много... на машинах... наши солдаты шли. В полдень в лесу и за речкой стали стрелять... Что-то загорелось на дороге. Село захватили фашисты с танками. Перед вечером уехали...

Танки ушли, а после кто был в деревне? Пехота? Машины с орудиями? Какие?

— ...когда стемнело, слышал, шли... может, наши, может, фашисты... не скажу... не ручаюсь...

— В каком направлении? Много?

— В сторону Донца... сколько?.. Не знаю. Боязно, в лесу стреляли... То там, то там... небо освещают...

В стороне вспыхнула ракета. Мой собеседник вздрогнул, опустил на корточках.

Он знает одежду у немцев? А людей в шинелях коричневого цвета видел? Вот такого покроя, как эта?

— Нет, не припомню... Такие в Терновую вроде не приходили... — ответил житель и отошел.

Повторное обследование подтвердило уже имеющиеся данные. Это — чех. В кармане обнаружен жетон с номерным знаком. Санинструктор заявил, что пока чех жив, но не известно, сколько еще протянет. Он в бессознательном состоянии, и пытаться говорить с ним бесполезно.

Известие о том, что человек, подобранный в кювете, — воин полковника Свободы, быстро распространилось по колонне. [530]

Нашлось для чеха и место, и теплый тулуп с солдатского плеча. Его догрузили в кузов тягача 2-го орудия. Принесли флягу. Санинструктор пытался оживить беднягу трофейным ромом, но не сумел разжать стиснутых челюстей.

Лейтенант Готов, фонариком подсвечивавший Луковникову, спрыгнул на землю и объявил во всеуслышание:

— Раз уж он не отдал богу душу тут... в этой ледяной канаве... значит, ждал нас... людей, которые спасут... я лучше знаю чехов, чем Луковников. Выживет, готов держать пари. Товарищ старший лейтенант, мы можем ехать. Разрешите подать команду «По местам»?

4-я батарея миловала крайние жаты и после двинулась в объезд деревни вниз к речке Уда.

Излишне соблюдать осторожность, когда до рассвета осталось не более двух часов. Автомобиль спускался с бугра. Боковые целлулоидные стекла «хорьха» сняты. Это необходимая мера — включать свет рискованно. Мы — слева водитель, справа я — ведем наблюдение. Морозный ветер обжигает лицо, забирается под мех полушубка. Слезятся глаза. Но все это пустяки. Я знаю, где нахожусь, и обретенное вновь ощущение почвы под ногами позволяло в какой-то мере ориентироваться, когда вокруг темнота и мрак. 4-й батарее остался единственный шанс выйти к переправе, и я не хотел потерять его.

Гудят двигатели. Я следил за картой. Избранная для объезда Тернового — села протяженностью в добрых пять километров — луговая дорога схвачена непрочным мартовским льдом. Застрянешь — и не

выбраться. Досадно, но делать нечего — топографические карты не содержат сведений по состоянию путей сообщения, вызванном погодными условиями.

Мой автомобиль шел поперек. ЗИСовские колеса — тяжелее. Тягачи ползут по ступицы в воде, с шумом и треском ломая лед.

Слева, там, где лежит деревня, взвилась ракета. На мгновение стал виден луг — плоская равнина, по краю образовался, заполненный водой и льдами, канал — я полукилометровый отрезок впереди, отделяющий колонну «т зарослей, у подножия холмов.

Головной автомобиль с ходу проскочил барьер, возникший вследствие колебания уровня талых вод. Но для ЗИСов с орудиями нагромождение льда явилось серьезным препятствием. Орудию из 3-й батареи удалось преодолеть барьер только с помощью людей, собранных со всех машин. [531]

Растительность, напоминая в свете ракет кустарник, в действительности представляла собой участок леса на склонах бугров по северному берегу реки Уды. Едва заметная дорога петляла среди деревьев. Автомобиль прокладывает колею в рыхлом снегу на просеке, где с прошлого года не ходили, кажется, не только повозки, но и люди.

В лесу — темень. Скользящий наст ломался. Ноги грузнут в снегу. За мной бежит Костыренко, следом еще двое перед радиатором «хорьха» в роли поводырей.

Слева взлетела ракета. Черные косые тени прыгают по снегу, ложатся поперек карты. Костыренко подсвечивает лист фонариком. Уже нет никаких примет дороги.

Положившись на карту, я повернул в поле, и колонна двинулась по снежной целине. Стоп! Железнодорожное полотно. Снова — «Два... три... взяли!» Тягачи один за другим перевалили через насыпь. И вот под колесами грейдер — он не выходил из моей головы ни на мгновение с момента прибытия в Терновое. И не только моей.

Людям в колонне запрещено вступать между собой в разговоры. Запрет необходим для поддержания воинского порядка в условиях обстановки, требовавшей особой осторожности. Но чувства, волновавшие солдатские души, выше рассудка. Как только автомобиль, переехал кювет, все, кто сидел за моей спиной, облегченно, вздохнули.

До Чугуевского моста осталось километров семнадцать. И еще одно дефиле — опасная узость в виде населенного пункта.

Близился рассвет. Первые признаки улучшения видимости я заметил на грейдере. Шуршание колес, тревожившее водителя, вызвано состоянием колеи. Обледенелое полотно было испещрено траками. Многие гусеницы прокатились здесь после захода солнца, может быть, вечером или ночью, потому что дорожное крошево, густо припудрено порошей. Где же танки, отутюжившие зимний ухабистый грейдер?

Представление об этом можно было получить, если обратиться к карте. Я читал все, что нанесено в квадратах, лежавших на пути 4-й батареи, и в воображении рисовался местный ландшафт, высоты и склоны, овраги и ручейки, дорога и населенный пункт.

Танки... либо они ушли к чугуевскому мосту, либо ожидают, остановившись в деревне, поддержку, может быть, ту самую колонну, в составе которой 4-я батарея двигалась в течение семнадцати минут.

— ...там село, — проговорил Костыренко и запнулся, — ... по нашей дороге вроде танки проехали. [532]

За снежным гребнем возвышались крыши хат деревни Покровка. Что же предпринять? Обращаться к жителям? Только время потеряю... И скажет житель лишь то, что мне уже известно... Совсем светло! Обойти Покровку? Справа железная дорога. На другой стороне села заснеженные бугры с крутыми склонами. В лощинах рыхлый снег, под низом вода. Тягачи увязнут, как за Безлюдовкой... Прямо!

В тот ранний час жители Покровки спали. На улице все заиндевело — заборы, деревья, соломенные крыши, даже стены хат. И нигде — ни одного человека!

С треском ломался лед в придорожных лужах. На повороте мой автомобиль заскользил. А когда водитель выровнял руль, я увидел танки. Целая колонна. Стоят впритык один к другому, забрызганные до самых башен желтоватой замерзшей грязью.

Три танкиста в коричневых тулупах глядели, вытаращив глаза. Автомобиль брызнул льдом и пронесся мимо. Черные кресты на башнях мелькали в двух шагах раз за разом, сливаясь в одной полосе с обожженными длинными оружейными стволами.

Улица поднималась в гору. Оглянувшись, я пришел в ужас. Вместо тягача позади катилось непроницаемое серое облако. Темный бесформенный предмет отскочил, кувыркаясь, к танку. В клубах пара явился и пропал белый борт, полуопрокинутое на колесо орудие. В наушниках послышался голос:

— «Валет-сорок четыре»! У них тревога. Сейчас откроют огонь... Если можно, увеличьте скорость! Я замыкаю. Разрешите дать очередь? Я «Валет-сорок три», прием!

Закончив передачу ответа, я снова выглянул в дверцу. ЗИСы на подъеме теряли скорость. Из хат бегут экипажи. Немец карабкался по броне к люку. Над двумя или тремя танками задымили выхлопные трубы. Сверкнуло пламя. Раз, другой. Болванка ударила в мерзлый грунт обочины и улетела в сторону.

За первыми выстрелами последовали другие. Но я уже не видел — ни вспышек, ни танков. Мой автомобиль мчался под уклон. За ним без всякой дистанции — тягач, другой носился выброшенный из колеи вместе с орудием по всей ширине улицы.

— «Валет-сорок четыре»! Ушли, вроде, все. Я на гребне. Два танка выдвинулись... Вдруг подымутся на гребень и начнут щелкать. Жалко, на станинах никто не усидел... Я «Валет-сорок три», прием! [533]

Промелькнуло окно крайней хаты. Дальше дорога открыта. Только справа на карте обозначена лощина. Может быть, я успею проскочить и укроюсь, но остальные!!! 600 шагов заснеженного поля...

Взглянув на меня, старший сержант Божок переложил руль. Автомобиль перескочил кювет, струя колючей крупы ударила в лицо. В снежном вихре позади не разглядеть ни тягачей, ни орудий.

По бугру полз танк. Взметнулся факел выстрела. Танк послал одну болванку, другую, третью, потом ударил осколочными. Снаряды легли за лощиной, рассеяв конусом осколки.

Автомобиль Глотова — я считал его пропавшим — в снежном вихре вынырнул вдруг и, сделав немислимый разворот, затормозил перед оружейным стволом. 4-я батарея достигла склона, не наблюдаемого в танковый перископ.

— «Валет-сорок четыре»... у тягача струится пар... ЗИС второго орудия просел на левый борт... у меня горючего на десять километров. Я «Валет-сорок три», прием!

Эту радиogramму я принял, когда уже был на другой стороне ручья Студенок. Под колесами стелется дорога. Два-три заброшенных домика с зияющими провалами окон торчат за обочиной. Покровский холм остался позади. Остался позади и провал — незамерзающая в морозы предательская колдобина на склоне, едва не затянувшая первый тягач вместе с орудием в глубины земли.

* * *

В утренней дымке показались строения Чугуева. Справа — длинный крутой овраг. Ниже, вдоль дороги, в самом конце спуска — хаты, над трубами выются дымки. Было восемь часов.

Из зарослей, которые покрывали пространство за обочиной, выбежал солдат, вскинул руку, требуя сбавить ход. К нему присоединился еще один. Пришел лейтенант. Колонна остановилась. Наконец-то я

мог позволить людям сойти с мест, снять декорации: камуфлированные палатки и всякий трофейный хлам, выставленный для отвода немецких глаз.

Лейтенант из наблюдательного пункта, расположенного в зарослях, рассказал о положении в районе Чугуева. Двухорудийная батарея пушечного артиллерийского полка, к которой он принадлежал, выдвинута на противотанковые позиции и прикрывала дорогу со стороны Покровки.

Пока продолжался обмен сведениями, лейтенант Глотов, [534] младший лейтенант Серебряков, замполит 3-й батареи политрук Дмитриев успели произвести осмотр своих машин. Неисправность одного из тягачей устранить не удалось, но двигатель еще мог работать.

— ...здесь был представитель штаба артиллерии Воронежского фронта, только уехал... — сообщил лейтенант, — Осматривал наши позиции, приказал направлять к нему всех, кто едет со стороны Харькова...

Лейтенант усадил ко мне в автомобиль проводника, и колонна тронулась. Из-за угла хаты угрожающе глядел ствол 152-миллиметровой пушки-гаубицы. Другое орудие развернуто на противоположной стороне улицы. Рядом — штабеля ящиков со снарядами. У массивных станин притопывали озябшие дежурные номера орудийных расчетов.

Развитие событий, однако, опередило движение моей колонны. Со двора дома, куда указал проводник, вырулил небольшой автомобиль под тентом — «виллис». На командирском сиденье я узнал Прокофьева, моего прежнего командира и сослуживца по 2-й и 5-й батареям 595-го ИПТАП РГК. На радостях мы обнялись. Я доложил о состоянии 4-й батареи, о том, что произошло вчера и сегодня по пути к Чугуеву.

— ...говорите, у вас, кроме этих, есть еще два орудия? — спросил Прокофьев.

Да, те, что повреждены на площади Дзержинского... С ведома командира полка я отправил их сюда в Чугуев.

— Вы уверены... орудия прибыли?

Думаю, да... Дорога до вчерашнего дня была открыта.

— Местонахождение их установлено?

Это нетрудно сделать. Стоит послать человека в условленное место. Наш обычай свят.

— О, не так уж плохо. Пять орудий... Теперь у нас есть основания причислить пятьсот девяносто пятый ИПТАП РГК к списку частей, которые вырвались из окружения, — повеселевший Прокофьев сообщил, что для прикрытия моста через Северский Донец развернуты два артиллерийских полка.

В моей колонне около десяти раненых... Как поступить с ними?

— ...тыловые учреждения на восточном берегу, — продолжал майор Прокофьев. — Я задержу вас недолго... Пойдете на Купянск, передадите по пути раненых. Можете сослаться на меня. Да... принесли первую весть из Харькова, — Прокофьев улыбнулся. На его плечах — новые командирские погоны, только введенные в обиход. Прокофьев [535] был третьим лицом, кого я видел в обнове. — Новые символы службы? Да... нам вернули погоны. Верховный Главнокомандующий определил срок: в течение двух месяцев заменить войскам на фронте знаки различия.

Майор Прокофьев оглядел зорким взглядом мою батарею и принял деловой вид. Он, старший сотрудник оперативного отдела штаба артиллерии Воронежского фронта, сопровождает командующего артиллерией и по его поручению занят в данный момент выяснением участи, которая постигла 595-й ИПТАП РГК.

— ...с четырнадцатого марта командующий артиллерией фронта не получал никаких сведений... считал, полк погиб в окруженном Харькове и очень сожалеет об этом. Ваша батарея пришла... где остальные? — спросил Прокофьев.

Майор Таран решил расчленил полк. 4-я батарея шла своим путем. Что случилось с другими, я не могу сказать.

— Вот что... вы лично доложите командующему. Я представлю вас. Но имейте в виду, генерал-лейтенант артиллерии Баренцев недоволен... Майор Таран израсходовал ресурсы полка до уровня, по мнению штаба артиллерии, совершенно недопустимого для командира ИПТАПовской части. Когда командующий потребовал сменить боевые порядки, Таран ответил, что в баках пусто... Вы знаете об этом?

Да, разумеется. Горючее было израсходовано. Полк маневрировал, непрерывно менял позиции...

— Этого требовали интересы боя, — ответил Прокофьев, — и обычные правила применения противотанковых частей резерва Главного Командования.

Да, правила... я не собирался возражать. Но штаб артиллерии, выдвигая обвинения против командира полка, не должен заблуждаться... 595-й ИПТАП РГК курсировал туда и сюда не по желанию майора Тарана... Полк выполнял задачи, которые ставились командующим противотанковой группой обороны Харькова.

— И что же? — возразил Прокофьев. — Полк входил в состав группы...

В течение месяца мы испытывали перебои в обеспечении горючим, боеприпасами... Майор Таран, насколько я знаю, доносил... Но обстановка всякий раз заставляла командующего группой, и может быть вполне резонно, пренебрегать тем, что называется, насущными нуждами... В 4-ю батарею, к примеру, горючее было подано в ночь с 14-го на 15-е марта... воентехник Кандалаки нашел случайно десяток бочек в окруженном городе... [536]

— ...мелочи... ответственность за состояние полка лежит на совести командира... Незыблемые законы войны требуют равномерного расхода боевых ресурсов... При нарушении пропорции командир полка обязан принимать решительные меры к восстановлению баланса... — объективность старшего командира не позволяла Прокофьеву принять во внимание аргументы, которые мне представлялись вполне убедительными, — ...баки и все прочее в компетенции командира полка... если он не в состоянии поддерживать боеспособность, то должен обращаться к старшим начальникам, всегда, во всяком случае и когда угодно... но только не в тот момент, когда подана команда «По местам!»...

«Моменты» следовали один за другим. Много дней подряд. В приказах, которые получал, к примеру, я, неизменно фигурировали выражения: «срочно», «во что бы то ни стало», «до последнего снаряда»...

— Манера штаба полка формулировать свои распоряжения и реальность... не всегда одно и то же... в Харькове критическая ситуация сложилась пятнадцатого марта, когда немцы прорвались со стороны Белгорода... генерал-лейтенант артиллерии Баренцев решил снять 595-й ИПТАП, известный всем своей доблестью, с Богодуховского шоссе и выдвинуть на северную окраину... С Холодной Горы пять километров вы катили орудия на руках... полк запоздал на целый час... скомпрометировал артиллерию в глазах 17-й бригады НКВД... Возмутительно! Не имея обещанной артиллерийской поддержки, части НКВД, преследуемые танками, начали отходить, факт, предопределивший на тот день судьбу Харькова...

Майора Тарана ждет наказание? Он, Прокофьев, знает об этом?

— Командующий зол... готов был передать дело в трибунал, но старик отходчив... ехали в Чугуев... вспоминал полк, смягчился: дескать, Таран, молодой командир, не имеет должного опыта, а в той обстановке теряли голову и люди покрепче его...

Что все-таки ждет майора Тарана?

— ...дело, думаю, кончится дисциплинарным взысканием... если, конечно, этот Таран не затеряется в лабиринте харьковских улиц и неведомых загородных троп... и если не будет раньше наказан немцами... они, знаете ли, неуступчивы... — Прокофьев взглянул на часы, командуя прилегло отдохнуть... подыметесь минут через тридцать, — майор развернул свою карту. — Сколько вы сейчас готовы выставить орудий на позиции? [537]

В моей колонне огонь могло вести только одно орудие... 3-й батареи... Но расчет не имеет командира.

— А ваши орудия, которые здесь, в Чугуеве?

Одно непригодно, в другом повреждены прицельные приспособления... Но, если нужно, я пошлю за старшим лейтенантом Никитиным и прикажу укомплектовать людьми орудие третьей батареи.

— Нет, не стоит, — ответил Прокофьев. — Подойдет ИПТАПовский полк. Есть еще два дивизиона «катюш»... С десяти часов начинается пристрелка... Так вы говорите, в Покровке два десятка танков?

Да, тридцать восемь минут назад они были там... Один увязался... послал с бугра вдогонку десяток снарядов. Какая обстановка на берегу реки?

— Чугуев эвакуируется. Передний край... по Северскому Донцу... К двадцати двум часам отход должен быть закончен.

Мост цел?

— ...да, взрыв назначен на завтра... если не разбомбят «юнкерсы», — Прокофьев вынул портсигар. Закурили. — Возле третьего тягача, кажется, знакомый. Уж не Дмитриев ли? Как он попал к вам?

Замполит 3-й батареи со своим орудием напугал ночью моего замыкающего... Да и сам едва не погиб. Тащится на расстоянии — ни туда, ни сюда. Лейтенант Глотов вообразил, будто немец следит... Так-то Дмитриев и был включен в состав четвертой батареи.

— Посылайте за вашими орудиями. Я должен убедиться, что они в Чугуеве. Пусть Дмитриев подойдет сюда... отправляйтесь, я подожду.

Когда я вернулся к «виллису», Прокофьев разговаривал с политруком Дмитриевым.

— ...так, значит, вы расстались с полком вчера, в девятнадцать часов возле пивзавода, — спрашивал Прокофьев. — До свидания... — он пожал руку Дмитриеву и обратился ко мне: — Садитесь, поедем. То-то обрадуется Седая Голова {106}.

«Виллис» начал разворачиваться. На тротуаре я заметил старшину медицинской службы Луковникова. Санинструктор имел вид человека, явно намеренного сделать срочное сообщение. Прокофьев узнал Луковникова и потребовал остановить автомобиль. [538]

— ...чех пришел в себя, — сообщил старшина, — а после, когда отведал малую толику рома, заговорил... припомнил свою фамилию. — На старом лице санинструктора появилась улыбка: — ...я записал, — и он протянул мне клочок бумаги с надписью — Барат.

* * *

На этом я хочу закончить рассказ о встрече с 1-м отдельным чехословацким батальоном. В масштабе событий того дня бой за Соколова не выходил из ряда обыденного, но в историческом плане появление на советско-германском фронте чехословацкой воинской части знаменовало собой начало нового этапа в отношениях двух славянских стран. Дух чехословацких воинов питала любовь к родине, поработанной нацистами, и сделалась зародышем истинно воинской дружбы, в последующих боях обретшей силу нерасторжимого братства, узы которого связывают и поныне армии стран Варшавского Договора.

Именно эти чувства удерживали ночью на окраине деревни Терновая лейтенанта Глотова и санинструктора Луковникова — двух военнослужащих, которым обязан чехословацкий воин Барат своим спасением, и заставляли медлить в то время, когда для 4-й батареи была дорога каждая минута и когда никто не знал, что ждет его за следующим поворотом. Впрочем, те, кто поддерживал чехословаков у Соколове, не могли бы поступить иначе.

Подвиг воинов полковника Свободы вписал славную страницу в героическую летопись Великой Отечественной войны. Соколове... Это не только населенный пункт, ко и символ ратного подвига чехословацких воинов. Этот подвиг — в памяти и сердце народов-братьев,

В многотомном советском издании «История второй мировой войны 1939–1945» говорится о тех днях:

«...В составе 25-й гвардейской стрелковой дивизии доблестно сражался 1-й отдельный чехословацкий батальон под командованием полковника Л. Свободы. Особенно ожесточенные бои 8 марта развернулись за поселок Соколов», который обороняла 1-я рота. Против нее противник бросил до 60 танков и мотопехоту. В ходе наступления врагу удалось обойти Соколове, но его защитники продолжали вести бой в окружении. Вечером командир батальона в боевом донесении докладывал командиру 25-й гвардейской стрелковой дивизии: «Бой продолжался в окружении, в церкви и в окопах возле нее. В результате боя враг занял Соколове. Реку Мжу не перешел. Подбито и сожжено 19 танков, 4–6 транспортеров [539] с автоматчиками. Враг потерял убитыми около 300 человек.

В тяжелом неравном бою с гитлеровцами многие защитники Соколове пали смертью храбрых или были ранены. Б числе погибших был и командир роты надпоручик О. Ярош, которому 17 апреля 1943 г. посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Это был первый иностранец, удостоенный столь высокого звания. 84 солдата и офицера чехословацкого батальона за образцовое выполнение воинского долга награждены орденами и медалями СССР. В боях под Соколове кровью скреплена дружба народов Чехословакии с народами Советского Союза»{107}.

Вернусь, однако, к Барату. Он плохо помнил то, что происходило после отступления с рубежа речки Миши. Занемог Барат еще раньше. По пути к Северскому Донцу 13-го или 14-го марта чехословацкие подразделения недалеко от села Мохнач обнаружили немецкую танковую колонну, поспешно начали отходить в лес. Барата, раненых и женщину фельдшера, на попечении которых они находились, усадили в повозку. Вскоре лошадь пала. Как попал Барат в деревню Терновую, куда девались раненые, он не припоминал,

На Барата произвели сильное впечатление обстоятельства его возвращения к жизни. Пришлись ему по нраву лица и воинский порядок, принятый у противотанкистов. После выздоровления Барат изъявил желание нести службу в 4-й батарее и был назначен 7-м номером 2-го орудия. Среднего роста и не отличаясь чрезмерной крепостью телесной, чехословацкий воин проявлял смелость, сноровку и выносливость — качества, которые высоко ценила новая для него среда.

В Купянске подразделения 595-го ИПТАП РГК имели всего несколько дней для приведения себя в порядок. 23-го марта 595-й ИПТАП РГК, частично пополненный, выступил на фронт.

Маневренный период войны закончился, и стороны на обоих берегах Северского Донца перешли к позиционной обороне. 595-й ИПТАП РГК использовался для поддержки частей 48-й гв. СД, малочисленной, ослабленной в предшествующих боях, части которой оборонялись на двадцатикилометровом участке от хутора Троицкий на севере до городка Печенеги на юге.

4-я батарея действовала повзводно. 1-й огневой взвод с [540] открытых позиций на западной окраине села Мартовая прикрывал около двух километров переднего края в промежутке между опорными пунктами, не занятыми пехотой по восточному берегу. 2-й огневой взвод занимал закрытые позиции в селе Артемовка и обеспечивал поддержку 1-го огневого взвода.

В начале апреля немцы начали отводить с переднего края танковые соединения, на смену им пришла 113-я пехотная дивизия {108}. Угроза форсирования реки ослабла. Производилась перегруппировка наших частей и подразделений.

4-я батарея была отведена на закрытые огневые позиции южнее села Артемовка для поддержки пехоты в секторе Печенеги. Огневики и люди взвода управления обслуживали ежедневные стрельбы.

В полосе обороны 113-й стрелковой дивизии немцы не имели дальнобойной артиллерии. Две батареи, 5-я и 4-я, беспрепятственно вели огонь с закрытых позиций, оставаясь недосягаемыми для немецкой дивизионной артиллерии. С мартовских дней в воздухе не показывались и «юнкерсы».

И вдруг — три девятки пикирующих бомбардировщиков. Телефонист передал на огневые позиции сигнал воздушной тревоги. Самолеты пересекли Северский Донец, пролетели над НП, в районе Артемовки разделились на две партии. Восемнадцать «юнкерсов» сохранили прежний курс, девять — повернули на юг.

Минут за двадцать до появления самолетов старший лейтенант Никитин спросил разрешения помыть людей. Для этой цели на позициях использовался блиндаж, под крышей согрели в бочках воду, политрук Кокорин решил побриться.

Весь персонал НП наблюдал за маневром бомбардировщиков. Они развернулись над Артемовкой, прошли дальше и начали пикировать.

Этот налет дорого стоил 4-й батарее. Она потеряла два орудия и тринадцать человек. Был тяжело ранен Александр Григорьевич Кокорин.

При отражении удара «юнкерсов» вместе с другими отличился рядовой Барат. Был представлен к награде. 15 апреля, за два дня до моего отъезда в госпиталь, его служба в 4-й батарее закончилась. Рядовой Барат со знаком артиллериста-противотанкиста на рукаве отбыл в распоряжение чехословацкого командования, оставив у всех нас добрую память. [541]

Тайна фронтовой тактики Пехота и иптаповцы

Воин-артиллерист, прежде чем стать орудийным номером — наводчиком, правильным, установщиком и т. д. — должен усвоить закон дисциплины: беспрекословно подчиняться требованиям командира орудия.

Позвольте, скажет читатель, а пехотинец, кавалерист или танкист? Разве они — военнослужащие других родов войск — не повиновались командиру отделения? Нормы уставов Вооруженных Сил обязательны для всех, кто принял воинскую присягу, и распространяются на всех без исключения военнослужащих.

Да, разумеется, нравственные нормы поведения едины, но оружие у каждого из нас — свое, по роду войск. Я, к примеру, в прошлую войну нес службу, исключая первые полгода, в частях противотанковой артиллерии РКК. Чем они выделялись в артиллерии и среди других родов войск?

Основное предназначение частей истребительно-противотанковой артиллерии резерва Главного Командования — борьба с танками. На каких условиях? Состоявшие у нас на вооружении орудия — 85-мм зенитные пушки образца 1939 г., 76-мм дивизионные пушки образца 1936, [542] 1939, 1942 гг., позже 57-мм противотанковые образца 1943 года и 100-мм пушками образца 1944 года — в тактическом отношении уступали танку.

Перед тем, как открыть огонь, артиллеристу необходимо: выбрать огневую позицию, т. е. площадь для развертывания орудия и размещения обслуживающего персонала; занять позицию; подготовить материальную часть орудия к бою и боеприпасы; произвести выверку прицельных линий и нулевых установок; удалить с ОПГ средства тяги и т. д.

Нельзя раздвинуть станины — с этого начинается приведение орудия «к бою» — скажем, в углублении либо на рытвинах, заряжать его из укрытия или лежа. Орудийные номера выполняют обязанности в полный рост. И затем, смена открытой огневой позиции на виду у противника — мера во многих случаях безнадежная: противотанковое орудие демаскирует себя первым выстрелом и становится мишенью для танков, боевых средств пехоты и артиллерии противника.

Экипаж танка в отличие от орудийного расчета защищен броней. Боевые качества танка заключаются в подвижности. Он имеет возможность стрелять в движении, с места или короткой остановки. В случае промаха никто не препятствовал танку укрыться в складках местности либо отойти за пределы досягаемости действительного огня орудия и подавить его с больших дистанций.

На участь противотанкиста не оказывали никакого влияния ни численность орудий на направлении движения танков, ни степень поддержки со стороны своей артиллерии. Он не становился от этого менее уязвимым. Оба фактора, рассматриваемые применительно к танкам, решительно повышали безопасность отдельного танкового экипажа.

Имелись ли шансы свести к минимуму преимущества танка в единоборстве с противотанковым орудием? Да, но только одним путем — повысить боеспособность орудийного расчета. За тактическую отсталость принципа «орудие против танка» противотанкисты платили собственной жизнью.

Разумеется, борьбу с танками вела не только противотанковая артиллерия РКК. Стреляют — в тех, однако, случаях, если не впадали в отступление — все: противотанковые средства пехоты, минометчики, артиллерийские подразделения стрелковых полков и батальонов, дивизионная артиллерия, танки, пушечная и гаубичная артиллерия РКК, включая орудия большой и особой мощности, арэсовские установки, зенитная артиллерия всех калибров. [543]

Но дело в том, что противотанковые части РКК вводились, как правило, в бой, когда перечисленные выше силы исчерпали свои боевые возможности и сопротивление прекратилось. Короче говоря, противник ринулся в прорыв, и остановить развитие событий уже нельзя. ИПТАПы спешно перебрасываются в район кризиса и вступают в бой с ходу, ИПТАПовские батареи занимали позиции под огнем всех видов оружия, и занимали только затем, чтобы замедлить темп продвижения противника, ослабить удар. Противотанкисты прекрасно знали, что произойдет дальше.

В рамках своей основной задачи противотанковые части РКК решали целый ряд других — в частности, они привлекались к ведению огня с закрытых позиций в составе полковых и дивизионных «артиллерийских групп, самостоятельно обороняли отдельные участки переднего края наряду с пехотой и т. д.

Но не следует смешивать понятия. Штатные артиллерийские противотанковые подразделения стрелковых полков и батальонов, будучи постоянным элементом в боевых построениях пехоты, ведут огонь в тесном взаимодействии с нею, так же, как отдельные противотанковые дивизионы стрелковых дивизий — часть, неизменно состоящая в резерве командира дивизии. Обычно ОМПТД стоял

безучастно на огневых позициях, пока не дрогнула оборона. Если начиналось отступление, он продолжал выполнять задачу резерва.

Командиры стрелковых, кавалерийских, танковых дивизий относились к ИПТАПам РГК с поразительным безразличием, чтобы не сказать больше. ИПТАП чей-то, не свой, только придан либо поддерживает пехоту или кавалеристов, танкистов, он временный. В данный момент ИПТАП здесь, через час снялся я, невзирая на положение частей, с которыми действовал, умел туда, где кризис. ИПТАП в полном составе, чаще побатарейно, совали в любую дыру. Танкоопасное направление — его хлеб. Возражать не будет. Что? Открытая местность, нет условий для развертывания? Ну, тут уже ничего не поделаешь. Местность, какую бог послал. Понятно? «По местам!». Разговор закончен.

Форсировала пехота реку, не форсировала — высадилась на вражеский берег. В каждом батальоне и в полку есть противотанковые подразделения, специально созданные для действий в боевых порядках подразделений пехоты. Они в резерве командира полка. Танков противника нет и в помине, но плацдарм неизменно ограждали своими стволами ИПТАПовские батареи. Так называемые общевойсковые начальники забывали прямое предназначение ИПТАП, а забывали [544] о том, что габариты ИПТАПовских орудий вдвое больше, чем пехотных.

Для командующего артиллерией дивизии, корпуса, армии ИПТАП очень удобен. Гарантия, командующие избавляются от всяких нареканий и жалоб со стороны пехоты. Артиллерия прикрывает плацдарм комбинированным огнем: с закрытых и открытых позиций, орудия непосредственно в боевых порядках пехоты. ИПТАП универсален, он противотанковый и одновременно артиллерийский. Разве этого мало? ИПТАПовские орудия — дивизионного калибра, соответственно и квалификация командного состава.

Командир-иптаповец не поддерживает контактов непосредственно со своим прямым начальником — командующим артиллерией армии или фронта и не прибегал к телефону, чтобы убедить начальника в нереальности полученной задачи, как делали командиры стрелковых полков и дивизий. Командир ИПТАП получал боевой приказ в опечатанном конверте через делегата связи — личность, которая умела разве что выразить сочувствие по поводу того, скажем, что обстановка существенно изменилась, и имеет мало или не имеет ничего общего с тем, что было три, пять часов назад, в момент подписания боевого приказа. Район, указанный для развертывания, под угрозой или уже захвачен противником. В общем, иптаповец пусть поступает как угодно, но задача должна быть выполнена.

В наступлении батареи противотанковых частей РГК, как правило, двигались в первом эшелоне, сопровождали огнем и колесами — на тягачах по габаритам в два раза больше танка — передовые танковые роты. Если противник начинал контратаки и отразить их с ходу невозможно — вносились коррективы. ИПТАПовские батареи занимали позиции, обеспечивая перестроение — чаще всего это означало отход — наступающих подразделений, переносивших якобы удар в новом направлении.

Но всякая, даже самая блестящая наступательная операция неизбежно заканчивалась обороной. Роли менялись на глазах, как в кино. Наступавшая сторона, исчерпав свои ресурсы, переходила к обороне, стремилась удержать захваченные рубежи. Другая — наоборот, атаковала. Это особая стадия войны, по своему динамизму она всегда составляла закрытую страницу во всех штабных сводках.

Как действовали в этот переломный момент войска? Сторона, перехватившая инициативу, усиливала давление. Что же делать тем, кто вчера еще наступал? Идти вперед не хватает сил. Обороняться на случайных позициях? Ждать [545] подкреплений? Тактические резервы скованы в боях, оперативные — еще не подошли либо перенацелены на другие направления.

Положение обострялось до крайности. Начальники на местах вынуждены принимать решения, совершенно невысказанные во всякой иной обстановке и не согласующиеся ни с какими тактическими нормами. Система управления нарушена, представления о начальной общевойсковой задаче исчезли, части и подразделения проявляли склонность действовать обособленно. Это неизбежно вело к перенапряжению сил, понижалась устойчивость боевых порядков.

Сейчас никто не вспоминает о том, что пехота — и не только пехота — оборонялась в тылу ИПТАПовских батарей, оборонялась, пока орудия ведут огонь. Ее не могли убедить никакие доводы

выдвинуться вперед для прикрытия флангов огневых позиций. И как только противник начинал продвижение, пехота не ожидала, когда ИПТАПовские батареи приведут себя в походное положение. Карабин под мышку и по одному, по два рассыпью, короткими перебежками, дальше в тыл на следующий оборонительный рубеж.

Для иптаповца некорректно с точки зрения воинской этики и несправедливо замалчивать тот факт, что на долю пехоты очень часто выпадает неблагоприятная черновая работа. Но что делать?! Пехота в своих жизненных интересах обязана обеспечить прикрытия более могущественных боевых средств, расположенных в глубине ее боевых построений. Таково предназначение пехоты. Это незыблемый закон войны.

В обороне невымытый, небритый, голодный пехотинец терпит невообразимые лишения, более беззащитный перед стихией природы, чем первобытный человек, ибо траншея — углубление, выдолбленное наспех в промерзшем грунте — спасала его от пуль, но не от стужи в лютую зиму. А летом? В зной? Находиться в траншее тяжкий жребий, там несравненно хуже, чем наверху за бруствером. Пехотинец питался и спал, жил там. И как он жил? Не час и не два, недели, многие месяцы, жил и умирал.

Артиллерия прокладывает в наступлении путь пехоте. Саперы оборудуют ей проход и все сторонятся, освобождают поле деятельности для царицы полей. Почет пехоте, она впереди, но... начинается отход. Пехоту все забывали. Бредет она за обочинами по целине в снегу и в грязи, ей не остается ничего другого. Все отвернулись. Дороги заняты артиллерией, танками, штабными колоннами.

Поэтому, наверное, все сочувствуют пехоте, жалеют ее. [546]

Сорвалась атака? Артиллерия не сумела обнаружить и не подавила огневые позиции минометов и прочие средства в первой, второй, третьей траншеях. Пехота оставила оборонительный рубеж самовольно? По вине артиллерии, она позволила противнику сблизиться, и поэтому он преодолел зону, простреливаемую оружием пехоты.

И напротив, какая бы неудача ни постигла артиллерию — отвечает артиллерист, независимо от поведения подразделений, которые он поддерживал. И никто другой! И артиллерист поступает соответствующим образом. Даже когда исчезла последняя надежда удержать огневые позиции, он стоит лицом к противнику и прежде чем подать команду «Отбой», производит десяток-другой выстрелов, словом, отвечает на удар, из соображений в некотором роде личных, хотя бы для того, чтобы прикрыть вызов тягачей, снять орудия с позиций.

4-го сентября 1941-го года 595-й ИПТАП РК был спят с открытых огневых позиций на южной окраине Киева (Жуляны — Чоколовка — Лысая Гора) и направлен в район Конотопа для поддержки 5-й ВДБр и 1069-го СП, подразделения которых заняли оборону по южному берегу р. Сейм на участке Мельня — х. Лизогубовский — Озаричи {109}.

Этими силами командующий войсками 40-й армии намеревался удержать оборонительный рубеж по реке Сейм и воспрепятствовать быстрому продвижению на юг соединений 24-го ТК из состава 2-й танковой группы, которая наносила удар в тыл войскам Юго-Западного фронта, оборонявшим район Киева.

После массированных ударов пикирующих бомбардировщиков и целой серии ожесточенных атак, предпринятых 7-го и 8-го сентября {110}, части 10-й МД 24-го ТК форсировали реку Сейм. Пехота — подразделения 5-й ВДБр и 1069-го СП — под давлением танков отошла вначале на рубеж огневых позиций, затем дальше в тыл {111}.

В течение 8.09 огнем орудий пяти батарей 595-й ИПТАП РК уничтожил танков — 19, автомобилей мотопехоты — 47, минометов — 8, 105-мм орудий — 4. Расход — 4780 выстрелов. [547]

Потери: 37 лиц командного состава: 112 рядовых, 15 орудий, 17 тягачей, 38 автомобилей {112}.

Батареи 595-го ИПТАП РК приостановили продвижение танков и мотопехоты противника в секторе стрельбы. Но наступление 10-й МД продолжалось. Оно продолжалось бы и в том случае, если бы 595-й ИПТАП имел орудий в три раза больше своей численности, потому что 10-я МД составляла лишь авангард 24-го ТК. Части ее наступали в тесном взаимодействии с артиллерией при интенсивной поддержке пикирующих бомбардировщиков.

К вечеру 8.09 противник приостановил атаки на участке х. Лизогубовский — х. Таранский и двинулся дальше по дороге на Конотоп. Район огневых позиций батарей 595-й ИПТАП и вся местность у слияния рек Езучь и Сейм оказались блокированы {113}. Пути отхода отрезаны. Связь с начальником артиллерии 40-й армии прервалась еще раньше. Дальнейшее удержание позиций теряло смысл. Командир 595-го ИПТАП РК капитан Сусский С. Я. принял решение отвести батареи. Немецкая артиллерия и минометы не прекращали обстрел. С ОП удалось снять пять орудий — все, что осталось от полка {114}.

К тому времени противник продвинулся на двадцать километров и занял Конотоп. 595-й ИПТАП отошел в Дубовязово {115} и дальше на Белополье. Там он был немедленно направлен для поддержки танкового отряда {116}, который вводился с этого рубежа в бой.

Однако полковник Баренцев С. С., начальник артиллерии 40-й армии, находил потери, понесенные 595-м ИПТАПом, чрезмерными. Огневые позиции, по мнению начальника артиллерии, следовало удерживать возможно дольше, а затем отойти и встретить противника на новом рубеже. Начальник артиллерии приказал вернуть оставшийся личный состав батарей в район х. Лизогубовский, т. е. в тыловые районы 10-й МД и, во что бы то ни стало, вывести орудия {117}.

Руководство операцией принял капитан Сусский. По прибытии в район Мельня — Озаричи разведывательная группа увидела орудия на позициях, тела погибших противотанкистов. Немцы охраняли весь район ОП. Попытка сбить [548] посты и выйти на ОП, предпринятая после полуночи, успеха не имела. Потеряв двух человек (сержанта Воронцова — командира 2-го орудия 5-й батареи и орудийного номера рядового Батанцова), подразделения отошли к болотам {118}.

Капитан Сусский намеревался повторить атаку постов, но в ходе рекогносцировки установил, что немцы значительно усилили охрану. Движение к утру в окрестностях х. Лизогубовский и в лесу активизировалось. Немцы бродили толпами возле ИПТАПовских орудий, осматривали подбитые перед железнодорожным мостом свои танки и автомашины. Дальнейшее пребывание в районе оставленных ОП становилось нецелесообразным.

Части 10-й МД, заняв Конотоп, продвигались на юг и не обращали особого внимания на то, что происходит в их тылу. Подразделения 595-го ИПТАП РК выступили в обратный путь. Невдалеке от Конотопа они обнаружили 85-мм зенитное орудие {119} (калибр, состоящий на вооружении 595-го ИПТАП) некоего майора Касатонова (так сказано в боевом донесении). Замаскировали под телегу, катили на руках три-пять километров. Немцы обстреляли расчет, и он оставил орудие.

Операция по эвакуации орудий закончилась неудачей. Начальник артиллерии 40-й армии не желал принять во внимание то обстоятельство, что к вечеру 8.09 пехота ушла и оставила без прикрытия район огневых позиций 595-го ИПТАП {120}. Очевидно, этого и не следовало делать. Почему?

На поле боя взаимоотношения строились на основе равенства между пехотой и артиллерией. Тот, кто проявил больше энергии в интересах выполнения боевой задачи, автоматически становился старшим. 595-й ИПТАП устоял под ударами танков, но капитан Сусский не взвесил ту ответственность, которая возлагалась обстановкой на артиллериста, не принял решительных мер и не принудил пехоту продолжать оборону, чтобы обеспечить прикрытия путей для отвода своих батарей.

* * *

В начальный период войны, как, впрочем, и в последующие годы, главным средством борьбы с танками являлась артиллерия. Но артиллерийское орудие уязвимо. Господство [549] в воздухе принадлежало авиации противника, артиллерия несла большие потери. К осени 1941-го года, когда положение стабилизировалось, стала реальной угрозой того, что боевые порядки наших войск в

тактической зоне останутся беззащитными перед танками противника. Необходимо изменить положение, но как?

Наряду с мерами по предотвращению потерь материальной части в бою, были внесены существенные коррективы в систему управления артиллерией, в первую очередь РГК, а также в ее отношения с поддерживаемыми войсками. Как и прежде, артиллерия концентрировала свои усилия на решении общевойсковой задачи. Но ответственность за использование орудий ложилась всецело на артиллерийских командиров. Никакие причины не оправдывают оставление противнику материальной части. Командиры частей не имели права снимать с огневых позиций и отводить подразделения, либо задерживать их там без ведома старших артиллерийских инстанций.

В итоге принятых мер многие недочеты в боевом применении артиллерии удалось исправить. Но потери, понесенные в период отступления, восполнить не удалось. К тому времени, когда начала создаваться оборона на рубеже р. Тим, 595-й ИПТАП РГК имел четыре 85-мм зенитных орудия, два 76 и одно 45-мм, — всего семь исправных орудий. В артиллерийских частях 227-й СД, с которой затем действовал полк, и в частях 3-го ВДК дела обстояли несколько лучше.

Малочисленность артиллерии — опасный симптом. В случае активизации противника наша пехота не могла рассчитывать на артиллерийскую поддержку, даже номинальной плотности.

* * *

В конце октября боевые действия восточнее Курска по существу приостановились. Противник отстал. Наши части имели возможность привести себя в порядок. Правофланговая группировка войск 40-й армии — 3-й ВДК, 227-я и 293-я стрелковые дивизии — приступила к занятию обороны на рубеже Тим — Засемье — Соколя Плота — Свинец — Мантурово. 595-й ИПТАП был отведен в Бобровы Дворы для ремонта материальной части и транспортных средств.

Вновь встал вопрос о потерянных орудиях. Начальник артиллерии 40-й армии — штаб его дислоцировался в Старом Осколе — направил в полк специальную комиссию для расследования обстоятельств боя на р. Сейм. Спустя день-два [550] делегат связи доставил капитану Сусскому пакет с приказанием отправиться в район западнее г. Тим{121} за орудиями, оставленными на дорогах отступления.

В архивных документах сохранились лишь косвенные упоминания этого дела. Почему? Герой Советского Союза генерал-майор артиллерии Купин объясняет это тем, что к тому времени была установлена телефонная связь между штабом полка и начальником артиллерии. Но ведь в оперативных сводках штаба фиксировались мероприятия, в которых участвовали подразделения полка в Бобровых Дворах?

Капитан Сусский создал две группы {122}. Первую возглавил старший лейтенант Купин — заместитель командира полка по строевой части, вторую — лейтенант Прокофьев, командир 2-й батареи. В состав последней был включен и я, спустя три-четыре дня после прибытия в 595-й ИПТАП РГК{123}.

Моторизованные части противника, застрявшие в октябрьской грязи, начали медленно продвигаться по дорогам. Стороны разделяла ничейная территория, глубина ее достигала на отдельных направлениях 40 километров. В полосе обороны 227-й СД соприкосновение с противником не поддерживалось. Мелкие подразделения нашей пехоты отдыхали в населенных пунктах, занимались боевой подготовкой. Артиллерия занимала боевые порядки: ОП и НП. Производилась пристрелка целей на территории, еще не занятой противником {124}.

Экспедиция готовилась со всей тщательностью. Штаб полка разработал специальный план. Все участники экспедиции привлекались к зачетным стрельбам из пистолетов и ППД{125}.

Лица, прошедшие отбор, после стрельб получали новое зимнее обмундирование: шапки, стеганые костюмы, полушубки и т. п., которое начало поступать по зимним нормам снабжения. [551]

* * *

В первую ночь группа лейтенанта Прокофьева нашла пристанище в овраге среди колючих зарослей, припорошенных первым снегом, в двух-трех километрах от села Выгорное. Перед сумерками в село вошла немецкая колонна — 7 танков, 3 орудия, полтора десятка автомобилей мотопехоты, мотоциклы — и дальше не двинулись.

Взлетали осветительные ракеты. Наши шансы провести ночь в тепле уменьшились до нуля. Намерение проникнуть в деревню удалось осуществить с большим трудом. Один из двух младших командиров, принимавший со мной участие в вылазке, был потерян. Мы, я и мой спутник старший сержант Попов И. С. — командир отделения разведки 2-й батареи, считали, что он погиб во время перестрелки.

Дозоры вели наблюдение, остальной состав группы находился в зарослях, тщетно стараясь согреться. О костре никто не помышлял, курить запрещалось. Холод пробирался сквозь мех полушубков, коченели в новой обуви ноги.

К утру температура понизилась до 20 градусов. Остаться в овраге, насквозь продуваемом северным ветром, было уже немыслимо. Группа двинулась дальше по маршруту, который пролегал южнее грейдерной дороги на Тим. Скованная морозами, пахотная земля тверда, как камень. В борозде и во всякой выемке заиндевелая, в белой каемке льдина — след лужи после осенних дождей. Внезапно грянувшая зима вернула противнику потерянную в осеннюю распутицу подвижность.

Навстречу, в сторону города Тим, по двум — грейдерной и полевой — дорогам катились автомобили мотопехоты, танки, орудия. А что это? Длинная вереница брошенных машин, орудий, повозок. Наши. В каком они состоянии?! Лощина тянулась к северу. Восточный склон укрыт снегом больше, чем западный. Люди молча шли гуськом. На склоне, в случае появления корректировщика, легче укрыться в белой маскировочной одежде, чем внизу, среди неубранного поля.

Лейтенант Прокофьев всматривался в карту, он, похоже, еще не решил, где перейти бугор. В полутора километрах лощину пересекала дорога на Тим. Карта есть и у меня в планшете под маскхалатом, но для того, чтобы ее достать, нужно ослабить поясную веревку, расстегнуть пуговицы куртки, и потом проделать все это в обратном порядке. Холодно. В снегу идти тяжело, скользят ноги. [552]

В поле по-зимнему пустынно, позади на заснеженном склоне остается след. Лейтенант Темпов И. И. опасается корректировщика. Нашу экспедицию ожидает больше лишений, чем представлялось в Бобровых Дворах.

Наблюдая за движением немецких колонн, я заметил, что они не останавливались. Немцы не выказывают интереса к нашей технике, оставленной по пути недавнего отступления. Мои сослуживцы объясняли это безразличие тем, что в районе Тростянец — Боромля сами немцы бросили сотни своих «опелей» и «бюссингов», увязших в грязи.

На следующие сутки группа лейтенанта Прокофьева продолжала двигаться в юго-западном направлении, осматривала по дороге все, что представляло какую-то ценность. С третьих на четвертые сутки прибыл делегат связи с приказанием старшего лейтенанта Купина. Мы углубились в тыл противника. Необходимо возвратиться назад к орудиям, которые были обнаружены в районе Выгорное.

Обратный путь занял еще сутки. Около двадцати часов — ночь и половину дня — мы без передышки долбили топорами окаменелую землю под колесами 76-мм образца 1927 года и 45-мм орудий, они находились в двухстах шагах одно от другого, на грейдере. С бугра просматривались оба склона.

Работа закончена. Оба орудия тащились по обледенелой пашне и глухим проселкам, укрываясь в оврагах под присмотром лиц, назначенных лейтенантом Прокофьевым. Тягой служили две лошади и корова, реквизируемые у местных жителей. Весь остальной состав группы двигался впереди и обеспечивал прикрытие.

Но самым ценным трофеем была полуторка — ГАЗ-2А. Кабина и кузов — наполовину разрушены. Колеса намертво схвачены льдом, который сковывал глубокую колею. В баке и в бочке, найденной в кузове, — горючее. Лейтенант Прокофьев после осмотра потребовал у сержанта Борисенко — командира отделения тяги 2-й батареи — немедленно исправить дырявый радиатор и завести двигатель. Вода для охлаждения нашлась на дне в колее, когда вырубил лед.

Ценность этой неожиданной находки объяснялась тем, что обе клячки не кованные, плохо кормленные, совершенно выбились из сил и не могли двигаться дальше. Корову пришлось бросить еще в светлое время.

По очереди мы крутили без передышки заводную ручку. Двигатель долгое время не подавал признаков жизни, потом столько же — чихал и наконец завелся. 76-мм пушку — на деревянных колесах — зацепили за крюк, 45-мм была погружена [553] в кузов. Одна из станин, которую не удалось вернуть в походное положение, выступала за бортом.

Лейтенант Прокофьев занял место в кабине. Лейтенант Темпов, я, старшие сержанты Попов И. С. и Цымбал И. И., сержанты Сергеев и Борисенко, рядовой Костыренко И. Н. разместились в кузове.

Назову еще одну деталь. За день до этого в состав группы был включен еще один человек — житель д. Выгорное, пятнадцати-шестнадцати лет, пожелавший уйти с нашими войсками. Несколько раз он отправлялся за продовольствием и выполнял некоторые другие важные задачи. Лейтенант Прокофьев решил, правда, не без колебаний, удовлетворить просьбу молодого человека, по-мальчишески смелого, но не очень крепкого физически. Он также находился в кузове. За рулем — шофер, рядовой Ефремов.

Только после того, когда ГАЗ-2А тронулся с места, я подумал о положении. Немецкие тылы. Где же рубеж, которого достиг противник за истекшие дни? На дорожных перекрестках появились указатели — прежде их не было — со стрелками и наименованием частей. В направлении Тима двигались подразделения частей 9-й ТД. Немцы, спасаясь от стужи, располагались в деревнях. Движение на дорогах, однако, прекращалось еще до наступления темноты. Редкие одиночные машины издали обнаруживали себя светом фар и не представляли для нас опасности.

Перегруженная полуторка поминутно буксовала, мы ее подталкивали, 76-мм орудие болталось без передка, 45-мм орудие ерзало на ухабах, над оборванным бортом свисал сошник. Пройдет ли этот поезд расстояние, отделявшее нас от Верхосемья? Делегат связи сообщил, будто бы в этой деревне боевое охранение 1036-го СП.

Лейтенант Прокофьев, имея карту, направлял автомобиль в сторону д. Выгорное, намереваясь, как полагали мы в кузове, сделать поворот, не доезжая до деревни. Лежавшая южнее полевая дорога вела на Верхосемье. Но он не повернул. Почему?

Сколько я не спрашивал потом, вспоминая всякий раз Тим и нашу экспедицию, Прокофьев отмалчивался, пожимал плечами. Полуторка катилась с бугра вниз по наезженной колее. Темно. В снегу что-то выделялось, маячит на белом фоне вроде брошенная машина, и вдруг трассирующая очередь, взвилась ракета.

Лейтенант Прокофьев крикнул шоферу — я слышал — «поворот!». Полуторка перескочила кювет. По борту щелкали, [554] рассыпая трассы, пули. Очередью были ранены рядовой Костыренко и житель с. Выгорное.

Этим происшествием закончилась наша экспедиция. В Бобровы Дворы было доставлено три орудия разных калибров, один автомобиль, две катушки немецкого цветного кабеля, труба 122-мм миномета. Приказание начальника артиллерии выполнено.

* * *

Зачем автор упоминает эти эпизоды? С самого начала войны в частях противотанковой артиллерии РКК начали складываться особые отношения к уставным обязанностям со стороны должностных лиц. При занятии открытых огневых позиций командир батареи находился с первым орудием, при оставлении — с последним. На прямой наводке после первых выстрелов его место — во взводе, либо у

орудия, которое стреляет хуже других. Принцип личной ответственности командира за применение оружия вверенными ему людьми распространялся на все категории должностных лиц противотанковой артиллерии РКК.

На первых порах службы в 595-м ИПТАП РКК, если я попадал в положение старшего, не задумываясь, принимал на себя обязанности командира взвода, батареи либо орудия. И только позже, после того, когда стал командиром батареи, понял: не следует подменять командира, нельзя. В лице старшего, представляющего на огневой позиции высшую служебную инстанцию, орудийные номера видели проявление воли со стороны командования. Своим присутствием он — старший — утверждал незыблемость требований воинской присяги и собственную готовность разделять участь орудийных номеров.

Каково состояние духа в эти минуты? Ответу. Довольно часто меня преследовало ощущение, будто невидимый кто-то неотступно следит за ходом моих мыслей. Знакомый, близкий? Не скажу, вряд ли. А вот пехота, «нарезающая» скопом вниз по склону, не помнит более присяги. Неужели возможно унизиться до такой степени, потерять всякий стыд? Нет, лучше встретить смерть в окопе, чем раненому под ногами обезумевшей толпы. Я не верю, мои орудийные номера никогда не уподобятся этим жалким, ничтожным трусам.

Не однажды я был свидетелем подобных сцен. Неутихающий грохот разрывов. Дрожит земля, повсюду дым, пламя, завывают сирены пикирующих бомбардировщиков. В поле [555] зрения танки, они ползут в обход огневых позиций, дальше и дальше.

Оборона разваливается на глазах. Связь не действует, все возможности управления исчерпаны. Благонамеренные, солидные люди преображаются, бегут в безотчетном страхе и не понимают ни требований, ни увещеваний, ни угроз.

А в пределах досягаемости столько целей! Снять маскировку, по местам... Огонь! Посланный в танк снаряд достиг цели. Случалось, проходил мимо либо ложился в цепи наступающей пехоты. «Огонь!» «Огонь!» ИПТАПовские орудия недолго остаются незамеченными. Противник обнаружил позицию, над головой летят одна за другой болванки, рвутся все ближе мины. Орудийные номера смущены.

Сниматься? Нет, всякий осудит, если я буду тащить мои орудия вместе с бегущей пехотой... «Огонь!»... еще минуту... еще... не упустить бы возможность к снятию... но еще успею... тягачи проскочат из укрытия... пятьсот, семьсот метров... «Огонь!»

Обстрел позиций усиливался. Раненые... погибшие. Нужно уходить. Но что подумают орудийные номера? Люди... им... известно куда нацелено движение танков и автоматчиков, где сбросят бомбы «юнкерсы», они знают намерения противника и свое положение. Обостренное чутье раскрывает им тайные помыслы командира, они чувствуют пульс боя и умеют сопоставить то, что говорилось вчера, позавчера, сегодня и безошибочно отличают осмотрительность командира от малодушия. Способен ли он сейчас в неразберихе, царящей вокруг, сохранить верность своей натуре?

Пехота рассеялась позади мелкими группами... Но может быть не все обезумели, зашевелится совесть, и пехотинцы, привлеченные орудийными выстрелами, остановятся. Нет, они бегут, оставляя позади погибших и раненых. Куда?

Местность открыта. Дым минометных разрывов стелется серыми пятнами. Танки уже перехватили бегущих и гонят обратно. У орудий люди оглядываются, страх одолевает их, замедляется темп огня. Командиры орудий приходят на подмогу то одному, то другому. Пора уходить. «Отбой!». Я никогда не сомневался... если орудийные расчеты столько времени держались... уйти... дело рискованное, но главный труд уже свершен. [556]

* * *

Части противотанковой артиллерии РКК несли основную тяжесть в борьбе с танками на поле боя и, как показал опыт начального и последующих этапов войны, служили самым эффективным инструментом, с помощью которого армейские и фронтовые командные инстанции парировали удары

подвижных сил противника. С таким же успехом ИПТАПы применялись для усиления группировки собственных войск в наступлении и обороне.

Боевые заслуги частей противотанковой артиллерии РК на полях сражений побудили Верховное Командование Вооруженными Силами учредить для личного состава этих частей отличительную нашивку. Были повышены оклады денежного содержания. Служба в противотанковых частях РК оплачивалась в двойном, а позже в тройном размере.

Правда, противотанкисты нуждались в деньгах меньше, чем их товарищи фронтовики — пехотинцы и танкисты. Но обе детали сохраняются в памяти всякого иптаповца, как доказательство здоровых взглядов Верховного Командования, которых оно придерживалось в области воинской морали на протяжении всего периода войны.

В состав артиллерии каждой армии первого эшелона вначале входили два-три отдельных ИПТАПовских полка РК, позже были сформированы отдельные истребительно-противотанковые артиллерийские бригады. Артиллерия фронта располагала тремя-четырьмя бригадами такой же структуры, как армейские. В последний период войны к решению ИПТАПовских задач привлекались легкие артиллерийские полки и бригада из состава артиллерийских дивизий РК.

Противотанковые части РК пользовались широкой известностью в войсках фронтов и армий. ИПТАПовские командиры знали друг друга, поскольку обстановка всякий раз сталкивала их на танкоопасном направлении. Так называлась местность, пригодная для нанесения массированных ударов танковых соединений.

Пехота и танки на танкоопасных направлениях привлекались для прикрытия ИПТАПовских позиций на флангах и в тылу.

Личный состав ИПТАПовских частей и подразделений отличался сплоченностью и духом истинно воинского товарищества, тем именно духом, который выражал во все времена национальную особенность наших воинов. [557]

Под огнем ли, в медсанбате, на фронтовой дороге противотанкист обращался к незнакомому воину с черной нашивкой на рукаве, как к товарищу, и неизменно находил отклик. Мне нет нужды призывать в свидетели кого бы то ни было. Среди иптаповцев возникла мысль о моем возвращении на поле боя. Они — противотанкисты — сохранили для меня место в своем строю и в сердцах, не занятое никем все время, сколько я находился в госпиталях.

Еще и сегодня некоторые специалисты по моей службе — гражданские и военные — распространяют версию, будто я вернулся на фронт самовольно, незванный, принудив согласиться постфактум кого-то доброй души, который якобы не хотел обострять отношений. Явное попустительство, уверяют специалисты, то есть феномен, исключительная в своем роде случайность, объяснение коей следовало бы искать в гиперболизации солдатского чувства. Явление... вполне возможное... среди этих людей... Гоголь, например, тоже ведь повинен... в гиперболизации образов. Все, что в поступках его героев дорого им, этим людям, Гоголь, знаете ли, изобразил в преувеличенном виде. Не стоит внимания... сказка для детей. Что? Им — взрослым — еще дороги сказки? Ну это уж слишком... Суеверие, чуждое нашей коммунистической морали, нужно бороться... рассеять. В массе людской, известно, никаких богатырей, кроме спортсменов, нет... но... спортсмены... они «наши»... т. е. ничьи... и они не люди, а ребята, т. е. ненастоящие, фальшивые. Но богатыря в толпе выделял возвышенный дух больше, нежели железные мышцы.

А вот отрицательные персонажи, по своей природе низменны и поэтому чуждые... как показал великий знаток человеческих душ... не до такой степени отвратительны. Конечно, малодушны, корыстолюбивы, но слова-то они произносили льстивые. Всякому приятно. И вообще, пришло время усвоить, уверяют специалисты, между благородством и низостью в наш век почти... не существует различий... Можно сказать, это одно и то же... и что такое величие в историческом плане? Современные методы исследований доказали с неопровержимой достоверностью, что все устремления великих людей прошедшей эпохи — полководцев, императоров, философов — вызывались корыстными побуждениями: жадной наживы, упоением властью за счет эксплуатации и гнета

трудящихся, и ничем более! И вообще, все люди равны, все делаются героями... стоит только подмигнуть им, приказать, приклеить на заводских воротах приказ директора... Различный тип психики?.. Физическое развитие? Пустяки. [558]

Ничего этого нет... все равны... Сознание долга... совесть... узы товарищества... дисциплина? Предвзвешенности монархических времен... человеком управляет только выгода. Ему выгодно — он борется за свободу народа, не светит выгода — спрятался в толпе. Если не считать Спартака и некоторых других борцов за свободу, говорят специалисты, ничего в истории человечества замечательного не было, нет и сейчас, а значит, не может быть и в будущем... Одна лишь видимость... плоды гиперболизации...

А тут? Участник войны... невидаль какая! Стоит ли церемониться?.. На нашем веку война уже не повторится, так что... Банальная история... он приехал обратно на фронт?.. Ясно, по недосмотру кадровых товарищей... попустительство, и никаких мотивов тут, кроме обыденных, житейских... не было и быть не должно. Прикиньте в уме... ну что делать ему в тылу? Вот и вернулся...

Нет, товарищи, не так, смею заверить. Я не имел ни малейшего понятия, когда вышел из госпиталя, что делать, куда направить шаги? Все пути были открыты и все вели в никуда. Я избрал кратчайший. И горько сожалею. Никому не дано проникнуть взглядом в завтрашний день. И не ведающий, я обманулся.

Противотанкисты находили возвращение того, кто исключен из всех фронтовых списков, как естественную закономерность взаимоотношений на открытых огневых позициях. Я пришел на зов и занял в строю сослуживцев пустовавший интервал, перечеркнув всякую мысль о будущем. Вот некоторые из этих писем:

(OCR : Нечитаемые письма, стр. 559–571.)

Не знаю, кому пришла первому идея моего возвращения, захватившая многих в 248-м гв. ИПТАП{126} и в других частях 11-й гв. ОИПТАБр РГК — моих сослуживцев, подчиненных и начальников, лиц повторять одно и то же. Но, наверное, знаю — почему. [572]

Они — герои моей судьбы

Осенью 1943 г., спасая товарища на одном из днепровских плацдармов, я был ранен. Это случилось около полуночи. Вокруг рвались непрерывно снаряды, противник не прекращал интенсивный обстрел небольшого участка прибрежных круч, занятого накануне общими усилиями подразделений пехоты разных частей, куда высадились батареи 1850-го ИПТАП{127}, командиром которого я состоял. Позади текла в осеннем многоводье широкая река. Я потерял много крови и был найден только к утру.

Последнее, что я запомнил в отсветах бризантных разрывов, — колючие стебли и лицо капитана Болелого, он лежал распростертый на краю воронки. Я поднял его, двинулся к телефонной линии, проложенной час назад между моим командным пунктом и командным пунктом командира 32-й ОИПТАБр РГК полковника Купина И. В. Он прибыл на плацдарм в сумерках. Прогрохотала серия бризантных разрывов. На меня обрушился удар страшной силы. Кажется, я устоял, пытался идти, но что-то неудержимо влекло к земле, я проваливался куда-то. И все.

Первый проблеск сознания был вызван ощущением света. Я лежал в луже крови среди трупов, сложенных под низким дырявым потолком. В бревенчатой стене сквозь щель пробивался луч восходящего солнца.

Второй раз ко мне вернулось сознание в душной небольшой комнате. И тот же луч яркого света. Перед глазами — банка с красной прозрачной жидкостью. Я лежал под стенкой, в бедре — огромная, во всю длину открытая рана, воткнута игла со шприцем. Женщина в белом халате, склонившись, сидит неподвижно. Во мне бушевало пламя, невыносимо мучила жажда. Воды! Сестра испуганно подняла лицо. Острая боль пронзила мое тело, свет померк. Непроглядная тьма.

Я скользил куда-то, мучимый желанием остановить скольжение, задержаться, сделать еще что-то совершенно необходимое, и не мог, не знал, что именно. Опора, только обретенная в пространстве,

опрокидывалась, куда-то исчезала. Я падал стремительно в разверзшуюся бездну сквозь черно-коричневую липкую темноту, увлекаемый неодолимой силой.

Нельзя, я не сумею передать ощущение боли, которая терзала меня непрерывно в течение многих дней, нет, дней [573] не было и ничего уже не было, только боль. Время не имело никаких границ. Мышцы мои будто отторгнуты от костей, временами тело становилось чужим. Живую ткань рассекал с треском скальпель, хлестала кровь. Моя кровь! Боль накатывалась снова. Невыносимо страшная боль. Я стонал, кричал, пока дух мой не иссяк весь совершенно, без остатка. Но боль возвращалась, обволакивала, обнимала в смертной хватке со всех сторон, и уже ни жары, ни холода, ни могильной темноты. О ужас! Я обращался в ничто.

Сколько раз удар, подобно молнии, низвергал меня в nirвану? Сколько длилось состояние небытия? Боль подступала вновь, жгла, колола, с яростью рвала мышцы, каждую клетку в моих костях и в мозгу, неотступная, всепроникающая боль. Невыносимо болело все во мне и вокруг, боль причиняют постель и стены, свет и тьма, ею насыщен был воздух. И, кроме боли, не существовало ничего ни в мыслях, ни в ощущении.

Дух, неотступно терзаемый болью, сплюснутый под ее тяжестью, покидал тело, но человек — носитель его — не умирал, агония длилась, растянутая в бесконечность. Потерянное, ненужное, невыносимое существование удерживало его на краю света и тьмы только затем, чтобы в страшный миг просветления вернуть ему спрессованные болью обрывки чувств десятилетий, а может быть, веков.

Его сознание витало в чуждом непостижимом пространстве. Нет нигде ни начала, ни конца, никаких устоев, зияла только жуткая, непримиримо враждебная пустота — преддверие в потусторонний мир. Людей я не видел. В беспросветной мгле являлось на миг нечто лишнее, ненужное, неприятно контрастное. Маленькие, как в перевернутом бинокле, существа — карлики — суетились вокруг моей постели, кажется, спорили и сердились, ничтожные в своем бессилии. Они не могут унять боль! Но кто-то же в этом ужасающем мире, если не люди... так вещи должны откликнуться на зов еще не умершего человека. Он не желал выносить бесконечную пытку. Довольно!

Разве ради себя сражался воин? За чью вину эти муки? И белые халаты теперь пекутся о нем, спасают жизнь. Наглые лицемеры. Кому нужно существование, потерявшее всякий смысл? Неужели присяга не ограждает воина от произвола этих... людей? Его не страшит смерть... укрыться мглой и все! Зачем отодвигать неизбежный конец. Игра в прятки.

Умиравший взывал в предсмертных судорогах. И все вокруг безмолвствовало. Никто не слышал слов, лишенный [574] сил, он говорил беззвучно. Люди не в состоянии приостановить агонию. О, лучше бы ему не родиться!

Повторное введение крови привело к общей гангрене. А потом меня изводили запахи, табачный дым за дверью, даже на улице, — вызывал долгую, неумную рвоту. Пищи никакой я не принимал. Мне совали в разведенные ножом челюсти ложку какой-то гадости. И только пил.

Известно ли, где войска добывают воду на поле боя? В ближайшем колодце, либо в луже после дождя. Но если в районе позиции или поблизости протекала река, ждать никто не станет. Черпают котелками или ладонью под ногами журчащую воду.

Я не пил ничего другого, только воду из Днепра. Никакие ухищрения медицинского персонала не помогали. Едва прикоснувшись губами, умирающий отклонялся и не желал пить ни из колодца, ни из другого источника, ни подслащенную, ни чистую воду. И мыслимо ли? Медсанбат, захлестнутый непрерывным потоком раненых — персонал держался на ногах лишь с помощью крепчайшего чая, вместо махорки курил чай — направлял повозку за полтора десятка километров только для того, чтобы подвезти канистру воды, утолить жажду пышущего жаром общего заражения крови агонизирующего больного.

Не ручаюсь, смог бы ли я провести черту между тем, что узнал со слов других, и тем, что вернула воскресшая память из периода моего существования в небытии. Человек теряет всякую ориентацию и

не отдает себе ни малейшего отчета о том, что с ним происходит. Способность к последовательному мышлению восстанавливается медленно, гораздо медленней, чем прибывает в сосуды пролитая кровь.

Третий раз я пришел в себя от того, что моя постель валилась куда-то в неудержимом падении. Чья-то рука закрыла мои глаза, в просвете пальцев я увидел на мгновение небо. У изголовья надрывно гудел двигатель. Дрожала постель и проваливалась вниз вместе с потолком и стенами, дрожала обшивка, дрожала ладонь, закрывшая мне глаза.

Где-то совсем близко послышался гул, заглушив все звуки, и стал удаляться. Мои носилки подскочили и тут же опустились на пол.

Что это значит? Я хотел поглядеть — боль сковала тело, не пошевелиться. Гул нарастал, усиливался с угрожающей быстротой. Мне, кажется, знаком этот звенящий вой. Близко мелькнул крест на фюзеляже «мессершмитта». Самолет, в котором я нахожусь, преследуют истребители, их два, потому что гул исходит с двух сторон. «Мессершмитты» проносились [575] совсем рядом, крыло в крыло, повергая раз за разом в трепет ладонь, закрывшую мне глаза. Что-то произойдет сейчас... сию минуту... должно произойти... неминуемо... Я ждал с любопытством и радостью, но истребители прошли за иллюминатором третий, четвертый раз на одной высоте, не ниже и не выше, и удалились без единого выстрела.

Только слышались двухтактные выхлопы в одном тоне. Через какое-то время мой самолет пошел на снижение и начал подпрыгивать, приземляясь. Плакавшая навзрыд сестра отняла, наконец, свою ладонь. Дохнуло свежим воздухом. Мимо прошел, согнувшись, пилот в очках на шлеме. Люк открылся.

Моросил дождь. В серой мгле приближалась санитарная машина. На землю прыгали члены экипажа, сестра, сержант Павлов — мой ординарец — и шумно обнимались с людьми, которые на аэродроме наблюдали загадочное поведение «мессершмиттов».

Найду ли я свидетелей этого происшествия в воздухе? Вот что пишет, упоминая этот полет, сестра из медсанбата 340-й СД Мария Полинская, та, что провела у моей постели на хуторе Ковалин более двух недель, не смыкая глаз, с начала и до конца гангрены.

(OCR : Нечитаемое письмо, стр. 575–578.)

Почему «мессершмитты» не расстреляли беспомощный тихоход У-2, на борту которого я находился? Санитарных знаков У-2 не имел. Руку пилота удержал белый халат сестры? Или «мессершмитты» раньше израсходовали боеприпасы и, встретив У-2, облетали его, колебля своими винтами фанерную обшивку, чтобы нагнать страх на экипаж?

Не стану гадать, но этот случай вернул меня в мир реальных вещей и вновь связал оборванную нить моей судьбы.

Санитарная полуторка тащилась по ухабистой улице, буксовала, поворачивала. Наконец, закрипели тормоза, и машина остановилась у ворот деревенского дома. Мои носилки проследовали через калитку, сопровождаемые какими-то людьми, и я оказался в комнате, просторной и чистой.

Моя койка стоит у окна. Дождь не переставал. В стекло тихо стучат капли и струятся слезами. Комнату наполнял запах чебреца и яблок. За окном огромный ясень качал под ветром голыми ветвями. Сестра поминутно поправляет подушки. Две-три женщины с печальными лицами молча сидят напротив. Под стеной понурил голову Павлов. Что случилось? Я обратился к ординарцу. Пусть подойдет ближе. Павлов не двинулся, будто не слышал. Я повторил просьбу во весь голос и с ужасом почувствовал, что язык не поворачивался, губы точно не мои. Голова кружилась, [579] к горлу подкатывала тошнота. Сестра подтянула к подбородку одеяло. Меня знобило.

Утром на следующий день я снова увидел в окне ясень и струйки, сбегавшие вниз по стеклу. Нельзя ни двинуться, ни повернуть голову. Попытка проследить за собакой во дворе вызвала приступ боли.

Дышать больно, глядеть больно, говорить больно. Но я уже знаю: боль убывала, если не двигаться, не делать глубоких вдохов.

Больше всего меня радует то, что исчезла невыносимая ломота, ощущение, что мое тело разрывается изнутри на части. Я не напрягал усилий, чтобы удержать на подушке голову, свисавшую непрерывно то туда, то сюда.

В мыслях невообразимый хаос. Я не мог никак сосредоточить внимание, восстановить последовательность событий, обрывки которых теснятся бессвязно и отягощают память. Меня занимало лишь то, что усиливает либо ослабляет боль. По-видимому, я вырвался из объятий смерти, потому что всякая вещь, все, что попадалось на глаза, обретает свои привычные очертания, имеет форму, не двоится, не троеится, не расплывается вдруг без всякой причины в мучительном многообразии. Исчезли кружала и жуткая, бездонная дыра. За окном вот он, яшень, я слышу собачий лай, подушка под головой. Как хорошо на белом свете!

Меня уже не раздражало непонятное молчание Павлова, не тревожит загадочность положения. Мягкая постель, молчаливо торжественные лица женщин, сидящих напротив, и тишина рождали безотчетное чувство надежды и покоя.

Вознесенный радостью неожиданного избавления в другую крайность, я был всецело захвачен иллюзией вновь обретенной жизни. Но что-то угнетало мой дух, я мучительно напрягал память в тщетном стремлении разгадать, найти объяснение происходящему. И не находил.

Зачем я здесь, в этой комнате? Павлов — мой ординарец... понятно, а остальные? Где мои орудия, телефонисты, ровики? И кто эти женщины? Откуда? Я никогда не видел их прежде и не припоминаю ни одного лица. Нет... Нет... это сестры — одна медсанбатовская, другая — здешняя, из госпиталя, третья — Надежда Щепанская, хозяйка дома. Медсанбатовская сестра много раз собиралась уезжать, но что-то задерживало ее... не уехала и сегодня. В комнате часто появлялась Марта Вильгельмовна — немка, лечащий врач, и Анастасия Ивановна, начальник отделения, — пожилая торопливая женщина со шпалой на петлицах военврача третьего ранга.

Тело мое с ног до головы туго увито бинтами. Под слоем [580] жесткой ткани ноющая болезненная ломота и зуд... Большую часть времени я провожу во сне. Какое блаженство! Открыв глаза, гляжу в окно. Ветер гонит в небе тучи, на дворе осень, а мне тепло. Но набежавшая радость тут же улетучивалась... томительная холодная боль. Что это значит? Я терялся в догадках, словно бродил по лабиринту в поисках выхода.

Я знаю, что нахожусь в Пирятине, но меня совсем не тянет на улицу... Пирятин... в этом городке я был уже в 1941 году и позже, два года спустя. Так... это — третий раз. Знаю, я ранен, слышал об этом и готов согласиться. Но где ряды коек, где другие раненые? Я, командир 4-й батареи 595-го ИПТАП РГК, навещал в медсанбате 113-й СД, в овраге за Артемовкой, политрука Кокорина, рядовых и сержантов моей батареи на Дону в санбатах 107-й, 160-й СД, в Давыдовке и Дракино. В Ракитное, где была полковая санчасть, я доставлял батальонного комиссара Брагилевского И. Э., раненного на хуторе Холодном. Как же это было? В результате удара, нанесенного со стороны Зинькова довольно крупной группировкой танков и мотопехоты противника, части 309-й СД, наступавшие в направлении Гадяча, поспешно отошли. Поддерживающие пехоту два полка 32-й ОИПТАБр РГК — 1850-й и 1854-й ИПТАП оказались окруженными на своих огневых позициях. В напряженных боях прошло двое суток. А в ночь на третьи... я встретил командира полка подполковника Литвиненко В. И. на моем наблюдательном пункте в хуторе Холодном. 1750-й ИПТАП был разделен на две части: у командира полка — штаб, две батареи и тылы, у меня — остальные три батареи. Около двух часов пополудни — я спал, сидя на сиденье в моей машине — меня разбудил замполит полка, старший батальонный комиссар Брагилевский. Он нашел место во дворе под стеной сарая. Наши ординарцы Павлов, Пирогов, Малахов устроили три постели — для командира полка, Брагилевского и меня. Я прилег и скоро уснул. Потом начался обстрел. Три «тигра» с близких дистанций вели огонь.

Трофейное медвежье одеяло само поднялось в воздух, я проснулся. У изголовья стены уже не было. Пламя, пыль, дым. В доме кричат женщины в несколько голосов. Свет моего фонарика осветил место ночлега. Командир полка лежал лицом вниз, контуженный, замполит громко стонал, обхватив колено.

Из раны струилась кровь. «Тигры», освещенные вспышками своих орудий, входили в хутор. Ближняя батарея открыла огонь. [581]

Замполит остался во дворе на попечении ординарца сержанта Пирогова. После отражения атаки стал вопрос: что с Брагилевским делать? Эвакуировать? Как? Полковые тылы еще в день прорыва немцев, спасаясь от танков, бежали из с. Будылки в район огневых позиций, но санчасть исчезла неизвестно куда. Если ей удалось выскользнуть из села, то скорее всего она уехала на с. Бобрик либо в Лебедин. Это уже за чертой, позади немецких танков.

Брагилевский сильно страдал, требовалась срочно перевязка. Раненый настоятельно просил командира полка поручить мне эвакуацию. Но как проникнуть сквозь боевые порядки немецких танков? Старший батальонный комиссар Иосиф Эммануилович Брагилевский был очень осторожным и предусмотрительным человеком, добросовестно относился к своим обязанностям. Тем не менее вначале у меня не сложились с ним доверительные отношения. Замполит находил у заместителя по строевой части какие-то недостатки, и в период обороны на Курской дуге критиковал меня в присутствии командира полка, как будто тот был партийное собрание. Правда, после начала наступления мнение замполита стало противоположным. Но если бы этого и не произошло, я никогда не оставлю в беде Брагилевского. На поле боя забываются пустяки.

Ни я, ни командир полка не знали, как далеко продвинулся в сторону Лебедина противник. У раненого замполита достаточно оснований настаивать на своей просьбе. Но подполковник Литвиненко, очевидно, не хотел остаться без заместителя по строевой части и, как только закончился очередной обстрел, приказал старшему лейтенанту Лещенко, временно исполняющему обязанности начальника штаба полка, доставить раненого в ближайший санбат за линией фронта.

Все дороги и тропы на подступах в район огневых позиций 1850-го и 1854-го ИПТАП блокировала мотопехота, господствующие высоты седлали «тигры» группами по три, четыре в каждой.

В ходе атак, которые предпринимались днем и ночью довольно, впрочем, вяло, «тигры» не подходили к огневым позициям ближе, чем на дальность прямого выстрела, но всякое движение в наших боевых порядках немедленно подавляли. За день до ранения Брагилевского погиб начальник штаба 1850-го ИПТАП капитан Бабак, после этого — помощник начальника штаба бригады старший лейтенант Колкунцев. В тот же день был тяжело ранен замполит 1854-го ИПТАП старший политрук Орехов А. М., за ним — заместитель [582] командира полка по строевой части капитан Исаев, фельдшер того же полка Лена Шеретнева. Только три батареи 1850-го ИПТАП потеряли погибшими 23 рядовых и сержанта.

Во второй половине дня мотопехота внезапно вышла в район наших позиций. Следовавшие в трофейном бронетранспортере на командный пункт командира 32-й ОИПТАБр РК начальник артиллерийского снабжения бригады военинженер Ивлев, завдел секретной части штаба бригады техник-интендант Мацко, старший инструктор политотдела старший политрук Лихачев, штабной фельдшер Мария Мищенко и еще несколько начальствующих лиц, не подозревая, попали в руки мотопехоты. Из всех, кто находился в бронетранспортере, вернулись только два — старший сержант Моисеенко и ефрейтор Федоров, водитель.

Командир штабной батареи капитан Запольский А. С. собрал всех, кого нашел на командном пункте бригады и поблизости. Полковник Купин приказал любой ценой вернуть бронетранспортер и совершенно секретные документы, которые вез завдел. Последнюю, самую отчаянную атаку капитан Занольский предпринял на рассвете. Мотопехота отошла с гречневого поля, но не рассталась со своей добычей.

Старший лейтенант Лещенко не знал, в каком направлении везти раненого. Если бы не «тигры»! Их длинноствольные орудия стреляли метко. Автомобиль старшего лейтенанта Лещенко, поколесив вдоль лощины, прилегавшей к хутору, спустя час вернулся на КП.

Пугливый штабной санинструктор ефрейтор Сирота и повторно не сумел извлечь крупный осколок, торчавший выше коленной чашки в сгустках крови. Брагилевский обратился снова к подполковнику Литвиненко и ко мне. Командир полка, лично руководивший эвакуацией замполита, махнул рукой:

«Поезжайте... скоро прилетят «юнкерсы». Он не сомневался в том, что «тигры» расстреляют автомобиль, как только он поднимется на бугор. Не был уверен в этом и я. Но в положении Брагилевского бояться «тигров» уже не приходится. У нас были трофейные автомобили «хорьхи», «мерседессы» — камуфлированные, с двумя ведущими мостами — у командира полка, начальника штаба и у меня. Проскочить на моем «хорьхе»? Но как разместить раненого? В «хорьхе» только сидячие узкие места.

В восьмом часу утра я выехал из хутора на ГАЗ-2А старшего лейтенанта Лещенко. Потом отстранил шофера, рядового Ширяева. Ему под сорок, в полку со дня формирования, [583] старый шофер, но на виду «тигровских» пушек он терялся, не мог управлять машиной. Где я нашел санчасть? В Ракитном нет... и не в Лебедине... а в Каменной Яруге, там я передал раненого. Возвращался по утреннему следу, те же четыре «тигра» стреляли с двух сторон. Я вернулся на хутор. Что же было после... этого... ах, да... вода, много воды... какая-то река... вроде Воронеж... нет. Справа возвышалась дамба, когда моя 4-я батарея форсировала реку Воронеж, откос и болото, сплошь устланное трупами... под колесами орудий кости ломались с хрустом... орудийных номеров тошнило... Дон? 4-я батарея форсировала Дон по льду... Северский Донец, Девица, Оскол, Сейм?... Вода бурлила, и берег был недалеко... Нет... перед глазами только вода... катятся волны... Куда? Я не мог вспомнить... река Псел, Сула? Нет... песчаный берег, деревья позади... было болото... нет, дорога, развороченная после налета «юнкерсов»... это Яготин... Яготин, а после?

Павлов озабоченно молчал, врачи и сестры вначале ограничивались жестами... говорить больному нельзя... не спрашивай. Теперь они избегали моих вопросов. Но они удовлетворены и, кажется, рады. Это успокаивало, я засыпал каждый раз в сознании, что положение улучшалось. Так почему же они отмалчиваются, не отвечают на вопросы?

Перевязки происходили ежедневно, Я видел искромсанное тело — следы осколков и скальпеля на голених и бедрах. Раны кровоточили. Отслаивались присохшие бинты, корка, иногда частица живой ткани. Прикосновение пинцета я переносил молча. То, что делалось на перевязках, имело свои границы — начало и конец.

И врачи уже не казались жалкими в своем ничтожестве невеждами. Выражение вины и замешательство на лице уступили место спокойствию. Обработывались раны осторожно и тщательно, чтобы не причинить неоправданную боль, все восхищались выдержкой «больного». Но... слишком предупредительны... и к чему это чрезмерное внимание, пугливо-наигранная фамильярность и раз за разом «товарищ капитан»?

Меня стали навещать противотанкисты, раненные на плацдарме, проходившие курс лечения: старший лейтенант Блохин — командир 5-й батареи, лейтенант Мельников — командир взвода управления 2-й батареи, младший лейтенант Неволочка — командир 2-го огневого взвода 1-й батареи 1850-го ИПТАП. На костылях являлся разведчик ефрейтор Сапожников. Вместе с Блохиным — младший лейтенант Бабенко из 37-й ИПТАБр, два знакомых танкиста [584] из 99-й танковой бригады. Посещения не одобряют ни врач и сестры, ни хозяйка. Почему? Опасаются инфекционных заболеваний. Посещения длятся всего две-три минуты.

Мне, наконец, надоело бормотание, которым отделялся Павлов. Одно и то же. Где мое оружие... одежда, планшетка? Я потребовал вразумительных ответов. Вытянувшись в струнку, Павлов растерянно мигал глазами. На выручку поспешила медсестра. Хозяйка под каким-то предлогом выставила Павлова из комнаты.

Но тут случилось происшествие. Суточная норма моей пищи состояла из нескольких ложек жидкости. Отвратительный вкус ее всякий раз напоминал что-то очень неприятное, меня начинало мутить. Недоумение вызывала и процедура принятия пищи. Кто-то из присутствующих удерживал, приподняв на подушке мою голову, сестра, а чаще Марта Вильгельмовна, опрокидывали тем временем в рот ложку. И вдруг я понял — да ведь это донорская кровь, то, что я не переношу. Она вызывает приступы рвоты.

Марта Вильгельмовна вынуждена была показать сосуд, из которого наполнялась ложка. Догадка подтвердилась. Рвота затихла, начались судороги. Наконец, я уснул.

Вечерело. Ветер шумел в ветвях ясеня, за окном нес белые пушинки. Падает первый снег. Мое сердце с детских лет наполняла радость при виде этой картины. Во дворе послышались выкрики. Вошла хозяйка, сказала, что пришли товарищи проведать. Лечащий врач запретил посещения. Старший лейтенант Влохин — я узнал его голос — настаивал, чтобы открыли дверь.

Павлова в комнате не было, и я обратился к сестре с просьбой позвать врача. Голоса во дворе затихли. Вошла Марта Вильгельмовна. Вслед за ней — старший лейтенант Блохин, обмундирован в снаряжении, застегнута кобура с пистолетом. Он выписался, уезжает. Пришел проститься. Мое состояние тревожит Блохина. Что передать сослуживцам? Может быть, с помощью Блохина удастся выбраться из заколдованного круга? Я ответил ему, что чувствую себя лучше, но... что произошло? Я не могу получить ответ у этих людей, сколько ни пытался. «Как?! — вскричал в изумлении Блохин. — ...они не сказали? Вы... вы...» — и шагнул к моей койке. Хозяйка бросилась навстречу и, не дав закончить фразу, вытолкала Блохина из комнаты. У двери он оглянулся, смахнул слезы. Меня потрясла сцена. Иван Романович Блохин плакал! Возможно ли? Командир 5-й батареи 1850-го ИПТАП, храбрый воин, всем известный в трех полках бригады непоколебимой твердостью духа... [585] плакал... почему? И тут я понял, Блохину известно то, чего не знал я! Так значит это заговор! Госпиталь обманывает... вместо лекарств меня пичкали человеческой кровью! И эти женщины... Но я сам узнаю правду.

Кажется, я привстал над подушкой, бинты... полсотни метров — стиснули ослабленные болью мышцы. Потолок, окно, лица людские поплыли перед глазами. Потом запах спирта, пинцеты, долгая болезненная перевязка. Вместо донорской крови теперь сестра цедила в ложку темную жидкость, не менее отвратительную на вкус. Хозяйка Надежда Михайловна стала готовить какой-то бульон — пища, которую я принимал тем же способом, что и лекарство. Стараниями заботливого врача подавалась рюмка портвейна. Я не выносил тошнотворный запах вина.

Еще не один день после отъезда старшего лейтенанта Блохина прошел в неведении и обиде. Досаждала бессонница, томительное ожидание чего-то, безотчетная тревога.

Как-то ночью я проснулся в радужной надежде, из комнаты рядом — ее занимала Марта Вильгельмовна — в приоткрытую дверь пробивался луч света, в окно стучали снежинки, завывал осенний ветер.

Ни с того, ни с сего пришла на мысль Давыдовка — железнодорожная станция южнее Линовицы. Подполковник Литвиненко заболел и был отправлен в госпиталь, я получил приказание вступить в командование 1850-м ИПТАП.

Противник оставил рубеж р. Псел и отходил, прикрываясь сильными арьергардами. Все узловые пункты авиация подвергала массированным ударам на пути продвижения наших войск. После форсирования реки Удай группировка, в состав которой входил 1850-й ИПТАП, двинулась на север в сторону Линовицы, а затем была повернута в южном направлении. На восточной окраине Яготина после ожесточенного налета «юнкерсов», когда подсчитывались потери, явился делегат связи и передал мне в опечатанном пакете частное боевое распоряжение — совершенно секретный документ — 1850-й ИПТАП выводился из подчинения 99-й танковой бригады 10-го танкового корпуса. Мой непосредственный начальник полковник Купин И. В. — командир 32-й ОИПТАБр РК, сославшись на приказ командующего войсками Воронежского фронта, предписывал 1850-му ИПТАПу немедленно выступить и продвигаться к Днепру. В районе Переяслава-Хмельницкого найти представителя командующего артиллерией Воронежского фронта и получить дальнейшие указания. Сообщалось, что передовые части пехоты и артиллерии начинают форсирование реки Днепр [586] немедленно на подручных средствах, по мере подхода к берегу. В конце приложена инструкция по их изготовлению.

Внезапное озарение взбудоражило мою душу. Откуда-то из глубины памяти на поверхность всплывали забытые впечатления и вязались сами собой в одну непрерывную цепь. Вот она, нить Ариадны, которую я искал дни и ночи так долго и безуспешно. Передо мной проходили, чередуясь, события во всех подробностях. Ожесточенные бомбежки полковой колонны на всем пути от Яготина до Переяслава-Хмельницкого, переправа через реку Трубеж, танковая засада близ Пристромы.

Во дворе дома на северной окраине Переяслава-Хмельницкого при уточнении задачи представитель командующего артиллерией сообщил, что все наступающие части привлекаются для оказания помощи 7-му воздушно-десантному корпусу, который десантировался в оперативном тылу противника. Немедленно приступить к форсированию реки. На западном берегу 1850-й ИПТАП должен поддерживать подразделения 309-й СД. Присутствующий при этом майор из штаба этой дивизии сказал, что сводный батальон пехоты форсировал реку в районе деревень Балык и Щученка и вошел в соприкосновение с противником. О силах последнего, помимо того, что оборона противника носит очаговый характер, ни артиллерист, ни пехотинец сведениями не располагали. Исходный рубеж форсирования для 1850-го ИПТАП назначался так называемый Банков остров, образованный южнее села Подсенное руслом реки и ее восточным ответвлением.

Произведенный в сумерках замер глубины, когда я приехал, приводил в уныние. Вода стояла на уровне одного метра, вдвое больше, нежели могли преодолеть тягачи. По словам двух крестьян, доставленных из ближайшего села, вода поднялась день-два назад после дождей. Сообщение с островом, после того как немцы конфисковали лодки, прекратилось. Взвод управления штаба полка, действовавший в качестве разъезда пути, продолжал поиски бродов.

Каково положение в обширном районе на север от Переяслава-Хмельницкого? Последняя стычка с противником произошла вчера во второй половине дня. После этого подразделения 1850-го ИПТАП не произвели ни одного выстрела. Полк тел в походной колонне. По данным авиационной разведки, на которые ссылался представитель командующего артиллерией, противник закончил на участке Переяслава-Хмельницкого отвод своих войск за Днепр. Но [587] это несколько не исключает возможность того, что часть его сил оставалась на восточном берегу.

В лесу, позади, где я оставил колонну, грянул орудийный выстрел, один, потом еще один... Люди бросились к оружию, шоферы заводили двигатели. Прибежал оставленный в колонне лейтенант Карпов, начальник связи полка, за ним — старший политрук Острейко из политотдела бригады, исполнявший вместо Брагилевского обязанности заместителя командира полка по политчасти. Острейко сообщил, что стреляли наши танки; подошли, не остановились по требованию дежурного орудия. 2-я и 5-я батареи приведены в готовность к открытию огня.

В следующую минуту выяснилось, две «тридцатьчетверки» — взвод разведки одной из частей 24-го ТК возвращался из с. Старое — обнаружили в темноте колонну. Танкисты утверждали, что первый выстрел произвело дежурное орудие. Острейко решительно отрицал, указывая на ствол головного танка, еще не остывший.

Стрелять по колонне только потому, что она появилась там, где не было час назад никого, даже на ничейной территории — предосудительно. Но меня занимало не столько недружественное поведение танкистов, сколько то, что выхлопные трубы «тридцатьчетверки» расположены выше, чем у тягачей.

Танки крайне неохотно двинулись к заводу, танкисты упрямылись, их торопили свои дела. Трудно толковать с экипажем, когда люки закрыты. «Тридцатьчетверку» за скобы не удержишь. Но и упустить такой шанс было бы совершенно непростительно. Люк открылся, но ненадолго. Загудели двигатели, капитан задней «тридцатьчетверки» приказал головной двигаться, та повернула к берегу. Капитан с бранью повел за мной оба танка к заводу. «Тридцатьчетверки» перетасили через рукав орудия обеих батарей вместе с тягачами и все штабные машины, прибывшие со мной.

Командир взвода управления штаба полка лейтенант Лада (вместе с отделениями разведки еще перед сумерками проникший на Банков остров) сообщил, что противник не обнаружен. До Днепра около двух километров. Никаких признаков пребывания нашей пехоты, ни прямых, ни косвенных Лада не нашел. В темноте это, пожалуй, и неудивительно, но вот что странно, танкисты опровергли сведения майора 309-й СД. По их словам, за рекой нашей пехоты нет и не было. Силы противника состоят из подразделений, которые [588] удерживают на западном берегу реки отдельные пункты.

С этими данными я прошел остров из конца в конец. И вот у моих ног плещутся днепровские волны. Тишина. Позади едва слышен гул двигателей. Батареи занимали позиции.

На западном берегу взлетают немецкие ракеты, то ближе, то дальше. И вдруг стук зенитных автоматов. Над водной гладью красочно рассеялась трассирующая очередь. В двух сотнях шагов под кряжистыми дубами взвод управления занял командный пункт 1850-го ИПТАП. Развернута стереотруба, установлены телефонные аппараты для связи с батареями. Деревья служили укрытием от наблюдения и наземных разрывов.

До уреза воды не более трехсот шагов. Я сидел в автомобиле с подсвеченной картой. На ней — пометки, сделанные вчера командиром бригады и представителем командующего — сегодня. Только теперь начали вырисовываться истинные масштабы операции по форсированию реки Днепр. В темноте рокочат волны, и слышится что-то знакомое в чередовании звуков, то приглушенных, будто они исходят из глубины, со дна, то переливчато-звонких, как трубный глас.

Днепр! Много рек, омывающих наши земли, несут к нему свои воды, несут покорно и неторопливо, так же, как тысячу, сто тысяч лет назад. У крутых берегов звенели казачьи сабли, грохотала пальба. Днепр — колыбель славянства, могучая река, воспетая в песнях и былинах, стержень нашего единства и независимости.

Я не первый раз слышал шум днепровских волн. Ровно два года назад 231-й корпусный артиллерийский полк, в котором я проходил службу, вел пристрелку рубежей на западном берегу реки. В то время соединения 5-й армии Юго-Западного фронта отходили. Существовала опасность того, что противник опередит наши части.

Времена изменились, теперь я готовился к форсированию Днепра — водной преграды шириной без малого километр. Конечно, у меня был некоторый опыт. Среди бела дня моя 4-я батарея 595-го ИПТАП РГК форсировала реку Воронеж, под ураганным огнем в двух километрах от переднего края. С ней же и другими подразделениями мне трижды пришлось преодолевать Дон, покрытый зыбью бурунов, и зимою скованный льдом Тихий Дон, затем Северский Донец, Оскол, Девицу, Удай, Ворсклу, Потудань. И в большинстве случаев с помощью переправочных средств. Сейчас [589] ничего нет, в моей планшетке — частное боевое распоряжение и пятидесятитысячная карта. Вот черта — исходный рубеж форсирования, очерченный овалом район открытых огневых позиций там, за рекой, и цифры: начало форсирования, срок готовности к открытию огня. И больше ничего... Точно в указанные сроки... «обеспечить... переправу личного состава, вооружения, боеприпасов со всем необходимым для занятия боевых порядков и ведения огня...»

Форсирование реки в истинном масштабе — это целый ряд мероприятий: сосредоточение батарей в исходном районе на острове; развертывание и маскировка; организация наблюдательных пунктов; сооружение плотов; оборудование погрузочных аппарелей; ведение разведки; сбор сведений о противнике на участках высадки и в районе назначенных огневых позиций.

Время ограничено. Командир осуществлял все подготовительные мероприятия и управление подразделениями посредством частных приказаний, адресованных штабу полка, политотделу, заместителю. В совещаниях нет необходимости. Эти должностные лица участвуют на разных этапах подготовки и форсирования, как индивидуальные исполнители. Но прежде, еще до той стадии, когда боевой приказ воплотится в действии подразделений, командиру необходимо создать в собственном воображении законченный макет переправы: на кого возлагается поддержание воинского порядка в районе сосредоточения; служба разведки и наблюдения; поиски и заготовка строительных материалов; доставка их на строительную площадку; обработка и строительство; оборудование берега; последовательность погрузки подразделений; связь и т. д. Командир должен вникнуть во все детали деятельности подразделений, он согласует, устраняет помехи, требует новых и новых усилий и торопит, торопит, иначе не уложиться в сроки, указанные в частном боевом распоряжении.

Пехота, так же как и специалисты-саперы, весьма часто представляет упрощенно важные и даже решающие аспекты подобных мероприятий. Связал плот из деревьев — один, два, три — по числу орудий. Готово! Что еще? Осталось только подать команду на погрузку... и... давай. Но вот, предположим, какие-то дяди нашли и заготовили материалы, даже соорудили плот и доставили на участок форсирования... Артиллерист спрашивает себя, каким образом переместить орудие с суши на воду? Как? Вес орудия полторы тонны, на двух колесах, шины узкие, автомобильные, вязнут в илистом песке, подмывает течение, колеса погружаются [590] вглубь... а паром ведь на плаву... нужно

приутопить ниже поверхности воды, подвести под колеса, либо поднять орудие на высоту одного метра, как поднимают патронные цинки перед тем, как опустить в повозку. Темень, вода ледяная. И орудийный номер... живой человек, звучная громогласная команда не избавляет от страха и робости... он вполне сознает, да, воинская дисциплина, долг требуют, орудийному номеру известно, он согласен оставить укрытие и окунуться в ледяную воду... но только не первым... он всего лишь рядовой, один из семи в расчете, и привык работать вместе с остальными, в одиночку у орудия ничего не сделаешь, он бессилён. А когда орудийные номера заняли свои места? Стелятся трассирующие очереди, грохочут разрывы, плот качается на воде, ныряет то один угол, то другой, окатывает волна раз за разом платформу... Ну-ка... попробуй... накати!..

Но... «раки зимуют» не у погрузочной аппарели, не на середине течения и не у того берега. И потом груз, масса металла, лафет, ствол. Орудие — это комплект, к нему полагаются боеприпасы, минимум четыре ящика, приборы, затем шанцевый инструмент, затем ЗИП, затем люди, затем... И все это скользит, сорвется вот-вот за борт. Все это нужно разместить, приторочить, заботиться и следить за всем. Орудие предназначено к ведению огня немедленно, после высадки на противоположном берегу.

У артиллерийских командиров того времени не было принято задавать вопросы, даже в тех случаях, когда старший начальник выражался не совсем четко. И я чтил бы общее правило, но представитель командующего при уточнении боевой задачи не учел два принципиально важных соображения. Он рассматривал пространство на север от Переяслава-Хмельницкого — ничейную территорию — как занятую своими войсками и поэтому исключал всякую возможность встречи с противником, равно как и помехи с его стороны, и полагал, что мне удастся в течение десяти часов построить плоты, переправиться и занять позиции за Днестром. Я просил отодвинуть срок готовности. Представитель, сидевший с развернутой картой за рулем «виллиса», не стал вдаваться в детали — это, как мне показалось, выше его полномочий — и молча нажал кнопку сигнала. Явился военинженер по виду из приписных. Его интересовало все: вес и габариты 76-мм дивизионной пушки, количество, боеприпасы и т. п. Получив эти сведения, сапер занялся расчетами и заявил, что времени на строительство достаточно, материал на берегу (подтверждала топографическая карта) [591] есть в изобилии, бревенчатый плот два семьдесят пять на два семьдесят — инженер набросал на листе чертеж — имеет необходимый запас плавучести, чтобы поднять груз в полторы тонны.

Представитель командующего осмотрел чертеж, он верил инженерным расчетам. Входить в полемику бесполезно. Я вернулся в колонну. И вот сегодня к утру нужно собрать данные о положении за рекой, в районе будущих огневых позиций. Часть людей взвода управления ведет наблюдение и продолжает оборудование КП, другая отправилась на поиски лодок. Личный состав обеих батарей с табельным имуществом — топоры, пилы, кирки-мотыги, ломы — приступил к строительству плотов. Валили деревья, после обработки связываются тросами стволы наподобие прямоугольной платформы. Квадрат, который порекомендовал сапер для 76-мм орудия, не годился, центр тяжести его смещен по продольной оси.

Около полуночи первый плот был готов. Как доставить два десятка ошкуренных бревен, связанных в пакет, весом до полутора тонн? Тащили волоком по песку в обход пней, с помощью рычагов и лямок. На берегу снова работа — капитальный ремонт. Крепления ослабли, бревна сместились, пошли на перекосяк.

Наконец, плот, заскользив на кругляках вниз, плюхнулся, отплыл с большим креном и... скрылся под водой. Со вторым произошло то же самое. Плоты не держались на поверхности и тонули под собственной тяжестью. Подвести по низу двухсотлитровые пустые бочки, как требовала инструкция, не удалось. Не было крепежных материалов, буксирные стальные тросы не обеспечивали жесткой фиксации поплавков — бочек — ни больших, ни малых, — канистр.

Следующий плот с увеличенным запасом плавучести был изготовлен из сухостоя. Клинья и распорки, натканные во все щели, уменьшили зазоры, но как только сооружение сдвинулось с места, узлы стали расплзаться, ослабли.

На рассвете плот отчалил, перенес одну, другую волну, и вдруг закружился, захваченный течением. Оба страховочных каната оборвались, и он поплыл у всех на виду, унося двух орудийных номеров, которые старались с помощью шестов направить плот. Люди стояли, глядя, как эти двое барахтались в

студеной воде, направляясь вплавь к берегу. Вместе с плотом уплыли и мои надежды — большая часть тросов была израсходована.

В кронах деревьев рваными клочьями повис предутренный [592] туман. Серебристо-белый налет капель обволок кусты, развороченную катками траву по следу, которым тащили последний плот. На берегу сыро и холодно. Катятся с шумом волны. Смыли следы. Оборванные концы пеньковых канатов распушились и плещутся в прозрачной воде, как рыбы. И... очередь. Эрликаны! Вода вспенилась, сырой песок брызнул в глаза. Люди бросились врассыпную, ища укрытий. Зенитчики увеличили прицел, и снаряды защелкали позади в деревьях. Умолкли эрликаны, 105-мм батарея начала пристрелку берега. Противник обнаружил занятую в темноте строительную площадку.

Началось движение назад, в глубь леса, нужно перенести ошкуренные бревна, убрать ветки, замаскировать следы ночных опытов. Противотанкист привык орудовать топором, пилой, лопатой и знал, как свалить любую сосну и кантовать вдвоем, втроем, куда нужно. Сколько он отрыл ровиков, щелей, ниш разного профиля, построил на голом месте блиндажей, которые согревали его снежными зимами, служили укрытием от пуль и осколков. Построил с запасом прочности в фантастически короткий срок. Столько, сколько орудие сменило огневых позиций. Не сосчитать, никто из орудийных номеров этого не скажет.

Пехота и танкисты имеют свои саперные подразделения. В обороне они ставят проволочные заграждения, минные поля, занимаются оборудованием командных пунктов, а иногда и позиций для боевых подразделений. В наступлении саперы ведут инженерную разведку, обеспечивают продвижение вторых и третьих эшелонов.

В противотанковой артиллерии нет саперных подразделений, не предусматривается штатами. Высшее командование совершенно убеждено, что ИПТАП пользуется инженерными услугами саперных частей РК и тех, кого он поддерживал. А в действительности? Сводный батальон 309-й СД переправлялся на лодках. Для пехоты годятся надувные — так же, как и рыбацьи. Может нести минометы, даже 45-мм пушки — батальонную артиллерию. Лодки не поднимают 76-мм пушку, нужны специальные переправочные средства. Подойдут ли они, когда? В частном боевом распоряжении об этом упоминается в нескольких словах, как о возможности. ИПТАП должен переправляться на подручных средствах, т. е. как знает, но строительство плотов сопряжено с трудностями. Нет необходимого инженерного имущества, материалов, таких, которые не применяются в повседневной службе потаповцев. Все, что было в орудийных ЗИПах, а также в комплекте бронетранспортеров [593] и транспортных машин, пошло в дело. С кабестанов на бронетранспортерах смотана половина длины тросов самовытаскивания. Изъяты все заправочные емкости — бочки, канистры. Горючее ушло в землю. С потерей дефицитного топлива можно смириться, есть возможность пополнить, а вот тросы — нет. Самовытаскивание практикуется довольно часто.

Я не мог расходовать ресурс тягачей на цели, которые, очевидно, не оправдывают затрат. Команды, отправленные после неудачи с последним плотом, доставили конфискованные в близлежащих селах веревки, ржавую проволоку, обрывки цепей — хлам, пригодный разве только на ошейники скоту. Вообще конфискация — занятие глубоко чуждое воину-фронтовику. Прибегать к этому крайне неприятно, в особенности здесь, в краю, где население встречало нас с искренней радостью и готово делиться всем, что имеет. Но ведь канат надвое не разделишь, старушке необходим канат, чтобы достать из колодца ведро с водой. Но фронтовые начальники не вдаются в подробности, когда речь идет о выполнении боевой задачи. Нужны крепёжные материалы.

Обе команды выступили в обратный путь. До заводи на автомобилях, затем вплавь и дальше пешим порядком. Утром подошли две гаубичные батареи на конях, заняли закрытые огневые позиции. Позже начали подходить батареи 1854-го ИПТАП{128}, третьего полка 32-й ОИПТАБр, пехота, тыловые подразделения, обозы на повозках, боепитание. Артиллеристы, занявшие на берегу наблюдательный пункт, сообщили, что в северо-восточной части острова найден брод, по нему налажено движение колесных машин и гужевого транспорта.

В районе моего КП толкутся люди. Парный дозор не в состоянии закрыть доступ. Одни приходят, другие уходят — начальствующий состав, рядовые — группами и в одиночку. Одни собирают сведения о противнике, других толкает любопытство.

Обстрел берега усилился. В середине дня крупная партия пикирующих бомбардировщиков подвергла Банков остров ожесточенной бомбежке и обстрелу из бортового оружия. Возникли три очага пожара. Горел тягач 5-й батареи и еще что-то в районе гаубичных позиций, черный густой столб дыма, кажется, за пределами острова.

Явился начальник штаба капитан Резник — старший из [594] командиров 1854-го ИПТАП. Две его батареи преодолели заводь по броду и в настоящий момент приступают к заготовке строительных материалов. Капитан Резник установил связь со штабом бригады, чего не удалось ни разу за истекшие сутки моим радистам. В радиограмме, адресованной всем подразделениям и частям 32-й ОИПТАБр РГК, которые вышли к Днепру, полковник Купин приказал принять все меры, чтобы форсирование началось в установленные сроки.

Невзирая на «юнkersы», огневые налеты, в которых после полудня участвовала батарея 155-мм дальнобойных орудий, и обстрелы эрликонов, строительство новой партии плотов приостанавливалось только тогда, когда личный состав уходил в укрытия. Перед закатом солнца работы пришли к концу. Над островом опускались сумерки, противник усилил обстрел. Его батареи вели методический огонь, бросая снаряды по всей береговой черте.

Но времени уже не оставалось. Доставленный на берег новый плот развалился на части в результате прямого попадания снаряда. Спущенный на воду второй плот пошел ко дну, едва удалившись от берега. По всей вероятности из-за серьезных повреждений поплавков, вызванных близкими разрывами снарядов. Пострадали два из трех находившихся на плоту орудийных номера. Один получил тяжелое ранение, другой отделался легким. Был ранен старший политрук Острейко — исполнявший обязанности замполита.

Поглощенные рекою плоты не обескуражили строителей — противотанкистов. Становилось очевидным, что бочки нужно крепить не к днищу, а с бортов. Таким образом, вопрос переправы мне представлялся выясненным. Очередной, пятый по счету плот уже держится на поверхности, управляемый с помощью шестов. На глубине должен плыть, пока волны вынесут его ближе к противоположному берегу. Куда? Я не знал. Для того чтобы выяснить этот вопрос, взвод управления готовился спустить на воду лодку, которую подняли в заводи со дна.

В это время послышались в тылу выкрики. Люди из оцепления задержали лейтенанта саперного подразделения, оно подошло на остров для обеспечения переправы артиллерийских частей, предназначенных для действий на западном берегу Днепра. На рекогносцировке берега сапер-лейтенант заявил, что вначале нужно перекинуть трос на западный берег. Его понтоны — металлические секции из комплекта наплавного моста — имеют достаточную грузоподъемность, но для спуска их на воду потребуется не менее [595] пяти-шести часов, столько же, а возможно и больше — на оборудование погрузочных аппарелей, поскольку в инженерной практике это единственный способ перемещать грузы с берега на борт наплавных транспортных средств.

Откуда явился сапер со своими правилами и зачем? Трос — это его дело, вместо мостиков пусть он использует изготовленные плоты и никаких пяти-шести часов! К переправе приступить немедленно.

Этот разговор происходил у самой воды. Установилась тишина, эрликоны не произвели ни одной очереди, не стреляла артиллерия. Я не успел закончить изложение саперу обстановки, обрушился шквал огня. Сапер со всех ног бросился к воронке от фугасного снаряда, она наполовину заполнена водой. Свистят осколки, меня два-три раза окатила волна. Багровые трассы эрликонов мелькали в темноте, и мощное речное эхо сотрясало воздух.

Я стал звать сапера, он не отвечал. Что с ним?.. Огневой налет закончился, перестали татакать эрликоны. Плескалась вода, сапер бултыхался на дне воронки, не преодолеть крутую зыбкую стенку. Присмирел, когда возобновилось об-; суждение обстановки, и не ссылаясь на инженерные нормы.

Снова препятствие — саперные машины не могли подойти к берегу. Противотанкистам пришлось переносить заготовленные бревна обратно в глубь леса. Тяжелые металлические секции перемещались

по бревнам. Саперы толкали с одного борта, противотанкисты — с другого. Как на роликах. Всякий поворот в узком проходе между деревьями заставлял наново укладывать, а потом ровнять бревна.

Будь в распоряжении 1850-го ИПТАП больше времени, я предпочел бы говорить с саперным лейтенантом в других выражениях и не раскаивался бы в том, что помог ему выбраться из воронки. Его подчиненные — пожилые, степенные люди — и сам он в старании нисколько не уступали противотанкистам, а то, что близкие разрывы удерживали саперов у земли дольше, им в укор не стоит ставить. За весь семисотметровый путь для саперов всего два-три раза повторно подавалась команда «По местам!»

Участок берега, избранный мною вчера, был менее пригодным для громоздких понтонов, чем тот, на котором остановился лейтенант сапер. Часть орудийных расчетов вместе с саперами начала возведение насыпи для того, чтобы увеличить крутизну спуска, ускоряющей скольжение понтона. Сюда же перетащили и оба плота, лейтенант-сапер решил связать их и подвести к понтону как трап. В конструкции недоставало только двух бочек. Вскоре и они были найдены. [596]

Понтон заскользил, громяхая на бревнах, вниз и, ударившись широким плоским носом, лег на воду. Саперы и противотанкисты вернулись по своим местам.

Бывают ли чудеса на свете? Всякий воин, когда в его присутствии орудийный расчет, пять человек — четыре рядовых и командир орудия — катит полуторатонное орудие в сыпучем песке, бегом, утвердительно отвечает на этот вопрос. Задерживаться нельзя, паром на воде более уязвим, нежели на суше. Сверкают разрывы над рекой. С высоты спускались на крошечных парашютах светильники — элементы осветительных снарядов.

Что возбуждало дух орудийных номеров, множило их силы? Страх смерти? Или повиновение долгу, в лице лейтенанта Богданова, авторитет которого принимали безоговорочно все воины 2-й батареи?

Противник подавлял помехами рабочие частоты радиостанции РБМ. Поэтому штабные радисты не могли получить определенных сведений от лейтенанта Лады, который отплыл с наступлением темноты. Судя по тому, что удалось принять, он — за рекой. Где именно? Как далеко унесло течение его лодку?

Готовый к отплытию паром качался на канатах. Я не мог ожидать, пока наладится связь.

Поздно вечером началась переправа. Старшим на первом пароме был назначен старший лейтенант Лещенко. Он выполнял обязанности штурмана — прокладывал курс, и в качестве капитана отвечал за поддержание порядка всеми, кто находился на борту парома.

Вода бурлит в темноте. Паром шел с большой осадкой, как-то наискось. Саперы, кряхтя, работали на веслах. Все молчат. Никто не знал, куда вынесет течение паром — ни я, ни штурман, ни лейтенант-сапер.

На сорок седьмой минуте возник конфликт. Сапер на руле систематически не выполнял команды. Старший лейтенант Лещенко считал, что паром держался значительно севернее заданного направления, и по-моему так. Он шел будто против течения. Капитан, он же штурман, решительно заявил о своих правах и пресек неповиновение на ходу.

Причиной явились эрликоны, стелившие трассы по течению южнее Балыка. Саперам казалось, что расстояние до эрликонов сокращается слишком быстро, и это их пугало.

Паром изменил курс в соответствии с показаниями магнитной стрелки на компасе старшего лейтенанта Лещенко. Скорость заметно увеличилась. Волна раз за разом перекатывалась через борт и с шумом падала на головы боязливых. [597]

Страх и на воде гонит этих людей в поисках укрытий.

Старший лейтенант Лещенко отдал предварительное приказание приготовиться, когда паром в третий раз ткнулся днищем на отмели. Сапер доложил глубину — полтора метра.

Я прыгнул за борт и в час после полуночи ступил на западный берег Днепра. Черная громада кручи нависала над узкой полосой суши, позади в отсветах разрывов вздымались фонтаны сверкающих брызг. В двадцати шагах от уреза воды — крутой, почти отвесный склон, местами покрытый какой-то растительностью.

Со мной высадились старший лейтенант Лещенко, лейтенант Карпов и люди взвода управления. Старшие иптаповские командиры знают, как поступать после высадки на чужом берегу в том случае, когда отправленное раньше разведывательное подразделение не вышло навстречу. По всей вероятности, берег оставлен противником либо контролируется нашей пехотой. Значит, обе деревушки — Балык и Щученка — недалеко, за кручей?

Эрликоны не оставляли на сей счет сомнений, вот вспышки выстрелов и эхо — та-та-та-та... Я находился в районе назначенных 1850-му ИПТАПу огневых позиций. Но каково положение вокруг? Где лейтенант Лада? В чьих руках населенные пункты Балык и Щученка?

Должен подойти следующий паром с орудиями. Сколько времени займет выгрузка?.. К рассвету орудия должны занять ОП, подготовиться к открытию огня.

Часть людей ушла с задачей выяснить обстановку на круче и в охранение. Кто остался, имел возможность заняться личными делами. Одни выливают из сапог воду, другие предпочитали отжать вначале одежду, кто уберег скатки, разворачивали их. Холодно. Все принялись отрывать щели. Это важно для самообороны КП 1850-го ИПТАП.

Ознакомление с местностью я начал с берега. Прошел вниз по течению, в сторону позиций эрликонов до речушки Чучен, которая разделяла оба населенных пункта и впадала под кручей в Днепр. Споткнулся, воронки — большие и малые — по всей вероятности, после дневного обстрела, а может быть, после бомбежки. Никого не встретил. Когда вернулся к месту высадки, на командный пункт 1850-го ИПТАП, нашел лейтенанта Ладу. Пехота, сообщил он, около батальона, с двумя сорокапятимиллиметровыми орудиями занимает оборону по окраине Щученки, окапывается. Данными о группировке сил противника пехота не располагала. [598]

Вчера он предпринял атаку, но дальше упомянутой речки Чучен не двинулся. Бугры на юге, где расположены позиции эрликонов, прикрывают танки. С того же направления вели огонь по боевым порядкам пехоты батареи противника. Реку обстреливала артиллерия с позиций, лежащих на запад от Щученки. Лейтенант Лада не сообщил размеров удерживаемого пехотой плацдарма по той причине, что она сама этого не знала. Я не решался, пока не прибыли орудия, оставить КП и отправиться для обсуждения общих задач с пехотой и решил осмотреть дорогу в район огневых позиций.

Вернулись разведчики, отправленные после высадки на поиски лейтенанта Лады. Вместе с ними парашютисты — группа из десяти человек. В северо-западном направлении, утверждали они, во многих населенных пунктах противника не было. Парашютисты, окольными путями шедшие к Днепру, за вчерашний день не встретили препятствий, с которыми сталкивались прежде. Дорога на Балык открыта.

Парашютистов удручает неудача, постигшая пять дней назад части 7-го ВДК, и то, что специальные разведывательные учреждения не обеспечили надлежащим образом операцию. В обширных районах, где планировалось с ходу форсирование Днепра — мощного оборонительного рубежа противника — у нас не существовало ни войсковой, ни агентурной разведки. Ничем другим не могли объяснить парашютисты, что для десантирования главных сил 7-го ВДК был избран район с. Пий, где немцы начали сосредоточение частей танковой дивизии, предназначенной для прикрытия реки Днепр на участке Кагарлык — Обухов.

Я не слушал больше парашютистов, осветительный снаряд вырвал из темноты паром, отчаянно боровшийся с течением. На бугре, будто над головой, зататакали очереди эрликонов. Со всех сторон снаряды обложили потерявший ход понтон. Ливень трасс то сужался в узком сверкающем пучке, то

рассыпался веером во всю ширь реки. В освещенную зону вошли еще два понтона, один за другим. Первый вдруг задрал корму и перевернулся. Зенитчики перешли на стрельбу непрерывными очередями. Светильники погасли.

Спустя четверть часа послышались голоса. Два парома вышли на отмель. Доставлены орудия — первый огневой взвод 5-й батареи. Разгрузка производилась на воде. Одно орудие опрокинулось. Его тащили всем миром, пока не удалось поставить на колеса.

Командир 5-й батареи старший лейтенант Блохин доложил о потерях: потоплено одно орудие. Имеется всего пять [599] ящиков снарядов на два орудия. Остальные Блохин приказал выбросить за борт, когда эрликоны нанесли понтону повреждения и он начал терять плавучесть. Блохин подобрал двух человек из оружейного расчета.

5-я батарея приступила к занятию боевых порядков. В перекачивании орудий участвовал весь личный состав командного пункта вместе с парашютистами.

Вслед за лейтенантом Ладой я карабкался вверх по узкой обрывистой тропке. Разведчик впереди оборачивался, время от времени включал карманный фонарик, рискуя привлечь внимание эрликонов. Двигаться в темноте иначе и не сорваться с кручи невозможно. То и дело преграждали путь глубокие промоины, не обозначенные почему-то на карте.

После долгих блужданий мои проводники набрали на пехотинцев 309-й СД. Их более сотни. Переправились на лодках два-три дня назад на участке гораздо севернее того, который был назначен 1850-му ИПТАПу. Старший лейтенант — командир роты — знал о противнике очень немного. Пехота обрадовалась, на противотанкистов она возлагает большие надежды.

Командир роты к утру намеревался в отдельных пунктах занять оборону перед селом Балык. Пехота нуждалась в подкреплении, ожидался еще один батальон, который должен выдвинуться для прикрытия Щученки.

На поиски командного пункта командира батальона ушло не менее часа. По сведениям пехоты силы противника состоят из отдельных подразделений танков, они контролируют местность на запад и на юг от обоих населенных пунктов. Группировка артиллерии — десять-пятнадцать батарей, развернуты в основном на позициях в глубине боевых порядков танков, а также два дивизиона эрликонов. «Юнкерсы» не нанесли ни одного удара по пехоте. Противник приостановил вышеупоминавшуюся атаку на Балык потому, что танки не решились преодолеть овраги южнее деревушки. С утра, по мнению командира батальона, атаки возобновятся. На обратном пути меня ослепил в самом начале спуска выстрел танкового орудия, произведенный с расстояния не более чем 300–400 метров. Болванка ударила в дерево и унеслась вдоль склона. Серия осветительных снарядов над рекой избавила от опасений потерять ориентировку, которые начали одолевать меня. Тригонометрический пункт стоял на прежнем месте, теперь уже слева от тропы. До командного пункта осталось не более полукилометра. [600]

Загудел двигатель и через минуту заглох. Танк занимал позицию за промоиной и появился там, по всей вероятности, недавно, потому что разведчик включал фонарь не чаще чем прежде, когда я поднимался на кручу. В течение коротких мгновений я имел возможность обозревать с высоты излучину реки и участок восточного берега. Помимо двух понтонов, спущенных на воду при мне, на плаву находился еще один, шедший навстречу тем, которые возвращались обратно.

Артиллерия противника не прекращает обстрел. Методический огонь сменялся шквалами беглого. Разрывы грохочут наверху, под кручей и по течению. Один за другим висли в небе осветительные снаряды.

На берегу слышался издали шум, выкрики. Разгружалась пехота. Командный пункт 1850-го ИПТАП свертывался для перемещения на новое положение. Старший лейтенант Лещенко доложил: десять минут назад ранен командир 5-й батареи старший лейтенант Блохин, отправлен с попутным паромом на восточный берег.

В течение ночи прибыли еще шесть орудий 1850-го ИПТАП со всем, что необходимо для ведения огня, исключая средства тяги. Тягачи остались за рекой на острове.

Переправа отняла у противотанкистов много сил, но еще больше — выдвижение на огневые позиции. Единственная тропа, обнаруженная на склоне, в пределах участка, закрытого для эрликонов, годилась лишь для пешеходов. Расчеты тащили орудия на руках шаг за шагом, вырубая заросли.

Когда обе батареи закончили занятие боевых порядков, командный пункт полка приступил к управлению подразделениями. Я зашел на КП батальона. Затем осмотрел, насколько позволяла темнота, окрестности обеих деревушек, северные склоны бугра за Балыком — около километра в глубину и немногим более двух по фронту — пространство, называемое плацдармом.

Выделенный командиром батальона для сопровождения пехотинцев куда-то пропал. Его обязанности принял лейтенант Лада. Как и оба разведчика, находившиеся со мной, командир взвода управления знал местность несколько не лучше меня. Мы шли, полагаясь на трассы эрликонов и осветительные ракеты, они взлетали в предутренней темноте на западе и еще в одном пункте, реже — севернее Щученки на берегу, по моему мнению, у самой воды.

На КП — теперь он в двухстах шагах от тригопункта — меня встречал старший лейтенант Лещенко с сообщением, что высадился один батальон 340-й СД и два орудия [601] 1854-го ИПТАП. Радиосвязь со штабом бригады не установлена. Связисты и разведчики — весь персонал командного пункта — занимались оборудованием ровиков.

Стало светать. В зарослях держался сырой холодный туман. Старший лейтенант Лещенко предложил мне отдохнуть. В окопе для установки стереотрубы у изголовья охапки срубленных при расчистке сектора веток, чья-то не высохшая с ночи плащ-накидка в глине. Я прилег, но ненадолго, начался огневой налет.

Для связи с пехотой отправлен на наблюдательный пункт батальона лейтенант Чумак — командир первого огневого взвода 2-й батареи. Обстрел плацдарма усиливался. Усталые люди вяло долбили лежалый глинистый грунт, углубляют ровики.

Дым бризантных разрывов висит неподвижно в воздухе, стелется над землей. Скупое светит осеннее солнце. Прошла партия пикирующих бомбардировщиков, миновала Банков остров, скрылась с глаз.

Пауза — относительное затишье — пришла к концу. Снова гремели разрывы, воют на излете мины. На запад от Балыка — в поле стог {129}, среди копен отмечено передвижение отдельных пехотинцев. Из-за бугра полз танк, поводя длинным стволом, потом другой, третий. Танки двигались двумя группами, по четыре в каждой.

Так началась первая в тот день атака плацдарма. За ней последовала вторая, третья, четвертая. Минометы и артиллерия вели интенсивный огонь по боевым порядкам нашей пехоты. Танки держатся поодаль. Когда они подошли на расстояние, в два раза превосходящее дальность прямого выстрела, выделенное специально орудие из 5-й батареи произвело по настоянию пехоты десятков выстрелов. По тому, как вели себя танки, стало ясно: противник не знал о присутствии на плацдарме ИПТАПовских орудий.

Позиция орудия подверглась ожесточенному обстрелу минометов. Отошедшие на гребень танки изрыли болванками кустарник вокруг ОП и все, что произрастало на поверхности земли. Маскировки не осталось и в помине. Орудие — во всех батареях щиты были сняты уже давно — стояло, будто покинутое расчетом, приткнув к брустверу ствол, пока не опустились сумерки.

К исходу дня противник отеснил нашу пехоту со склонов южнее Балыка и блокировал плацдарм по всему периметру. У подножия бугра, где стояли эрликоны, он выдвинулся [602] к берегу на позицию, позволяющую обстреливать отмели из пулеметов.

С наступлением темноты сообщение с восточным берегом оживилось. Подошли три понтона. По словам старшего лейтенанта Лещенко, курсировало не менее четырех понтонов.

В небе один за другим рвались осветительные снаряды. Беда, если течение снесет понтон в освещенную зону. Как молния, пронзала темноту трасса эрликона, за ней вторая, третья, четвертая. Свет погас, но очереди скрещивались над понтоном и не смещаются, пока жертва не пойдет ко дну.

Много хлопот причинял пулемет на берегу. Пехотинцы вознамерились подавить его, притащили откуда-то миномет, заняли позицию в полусотне шагов от КП 1850-го ИПТАП. Старший лейтенант Лещенко не полагался на искусство минометчиков и стал прогонять их. Но в данных топографических условиях здесь возможна единственная точка, откуда обеспечивается решение задачи. Мины нужно положить в узкой, не более 10–20-метровой полосе. Не видно разрывов. Противник произвел один огневой налет, другой. Пристрелка миномета грозила растянуться до бесконечности. Мины на подлете к обрыву проваливались и глухо рвались, невидимые, где-то внизу. Малейшее изменение в направлении стрельбы вызывало перемещение разрывов на сотню метров, как в горах. Цель в мертвом пространстве.

Старший лейтенант Лещенко, посланный в качестве руководителя стрельбы, сумел только вывести разрывы на линию наблюдения. Добиться большего результата никогда не стрелявший из миномета противотанкист не мог.

Пулемет не умолкал. Теперь разгрузка начиналась еще да того, как понтоны выходили на мелководье. Управление переправой на восточном берегу, судя по тому, что понтоны прибывали все чаще, принял на себя кто-то из старших начальников. Подкрепления и грузы предназначались главным образом пехоте — полковые орудия, минометы, две-три кухни. 1850-й ИПТАП получил только два БК {130} снарядов. В течение ночи не переправилось ни одно орудие.

На следующий день противник активизировал свои действия. Утром пикирующие бомбардировщики нанесли удар по склонам круч, там, у подножия, и выше, в расщелинах, скапливались люди и грузы, которые не успели доставить на позиции. Артиллерия вела частый огонь, стреляющих батарей стало больше. Разрывы мин и снарядов грохотали беспрерывно. [603]

Противник, по-видимому, намеревался сбросить в реку наши подразделения и ликвидировать плацдарм. К достижению этой цели привлечены и средства пропаганды. Ночью мощные громкоговорители, установленные в районе позиций эрликонов, сопровождали стрельбу последних призывами сдаваться в плен, перемежая их воинственной музыкой и угрозами «русс, буль, буль».

Численность подразделений из частей 309-й СД в секторе 1850-го ИПТАП значительно возросла. Весь день наша пехота не отходила и стойко оборонялась в своих, наспех оборудованных, окопах.

Помимо дивизионной артиллерии пехоту поддерживали прямой наводкой наши батареи — 1854-й ИПТАП в северной части плацдарма, 1850-й — в южной и западной и батареи частей артиллерии РКГ из-за Днепра, к вечеру начавшие пристрелку с закрытых позиций.

На третий день противник привлек авиацию для нанесения ударов по боевым порядкам наших частей в пределах плацдарма. С большой интенсивностью вела огонь артиллерия, увеличилось количество танков. Атаки предпринимаются с нескольких направлений. Если прежде участие в боях артиллерии ограничивалось огневыми налетами, то теперь производится артиллерийская подготовка по этапам. Вначале — подавление огневых средств на поле боя, затем усилия переносятся на сопровождение атакующих подразделений, танков и пехоты.

В 16 часов танки — двенадцать, позже количество увеличилось на пять — двинулись в направлении Балыка, высота 197,3. Начало ничем не примечательное. После налета пикирующих бомбардировщиков артиллерия и минометы сосредоточили огонь по окопам нашей пехоты на участке: стог — два отдельных дома. Тем временем танки вышли к гребню. На склоне они снова разделились на две группы и после недолгой заминки неторопливо двинулись вперед. Из-за реки несколько батарей, кажется дивизионных артиллерийских полков, открыли заградительный огонь.

Неожиданно пехота начала отходить к промоинам, оставила окопы, те самые, что упорно обороняла в последние дни. Танки — они держались на расстоянии километра — прибавили скорость. Два 45-мм

орудия пехоты, начавшие стрельбу, были подавлены. Из-за бугра выкатились бронетранспортеры и стали высаживать пехоту. Обе батареи 1850-го ИПТАП — 2-я и 5-я, — прикрывавшие здесь с полуночи сектора, развернулись в юго-западном направлении и открыли огонь. Я наблюдал за происходящим со своего КП. [604]

Один танк получил прямое попадание, другой. На позициях 2-й батареи взметнулось облако бризантного разрыва. Часть танков остановилась и стреляла с места. Обрушились минометы, темп огня 2-й батареи стал слабеть, позиции заволок дым.

Танки возобновили движение. Когда я прибыл во 2-ю батарею, огонь вело только одно орудие. С грохотом рвались низкие бризантные разрывы. Орудие умолкло. Танки, не прекращая стрельбу, приближались. Расстояние не более 400 шагов.

Немедленно к орудию! Ближайшие — первое и второе — к стрельбе непригодны. Возле 3-го орудия люди вповалку, одни убиты, другие ранены. Между станинами куча стреляных гильз. Командир батареи лейтенант Богданов швырнул из ниши ящик со снарядами, мой ординарец — сержант Павлов — отбрасывал гильзы из-под люльки. Я занял место наводчика, лейтенант Богданов — заряжающего, ефрейтор Сапожников — помощника.

Иметь командира — неременное условие дееспособности орудийного расчета, когда до цели 200 шагов, не обязательно. На заключительном этапе поединка орудия с танком задача упрощается. Артиллерийские командиры приобщают орудийных номеров к своей науке действием. Управление сводится к демонстрации, практическому показу приемов в обслуживании орудия и соблюдению дисциплины.

Воин участвует в бою по убеждениям нравственным, но не потому, что обучен обращению с оружием. Что делать — ему диктует команда, как делать — совесть, иными словами, способность повиноваться. И если нравственные ресурсы орудийного расчета исчерпаны, командир сам обязан произвести выстрел. Это — ультимо-рацио.

Не однажды я выполнял обязанности наводчика. Ничего особенного. Посредством двух маховиков перемещается перекрестие панорамы в двух плоскостях и с ним заодно — орудийный ствол до совмещения осевых линий с точкой прицеливания. Водянисто-голубые линзы панорамы как бы скрадывают расстояние, то, что на глаз далеко, в объективе рядом, перематывается гусеничная лента, блестят четко обрисованы траки. Танк неудержимо надвигался, не остановить его, не задержать. У орудия — жара, ствол раскален, дышать нечем, над головой воют болванки, дым, пыль, в глазах резь и неотступно — тень смерти. Тень, потому что сама она бесплотна, безлика, невидима и вездесуща. И во время ведения огня с открытых позиций всякий воин чувствует ее леденящее присутствие. Разговоры о том, будто [605] орудийный номер не знает колебаний, будто уверен в поведении другого, не имеют под собой совершенно никакой почвы. Противотанкист никогда бы не мог признаться сам перед собой, кому уготована гибель — орудию или танку.

Многие люди сами не знают, куда увлекут их, явившись в потрясенной душе, темные силы природы. Когда наводчик совладел с собой, его волнуют другие номера. Устоят ли? Среди разрывов мин и снарядов одинокие, под напором страха низменного... если живы... если не оставили своих мест... Он — наводчик, нажал спуск... а дальше? Кто вложит следующий снаряд... и тут же очередной? Кто передвинет станины? Конечно, это — компетенция командира орудия, он управляет людьми. Но как знать? Выстрел ИПТАПовского орудия — итог согласованных в точности движений, как шаг в строю — многих воинов. После первого выстрела им всем грозит гибелью всякое мгновение. Медлить и ошибаться нельзя, недопустимо.

Ни в тот раз, ни в предыдущие меня не заботили никакие другие соображения, кроме последнего. Орудийный ствол послушно двинулся, в объективе проплыла покосившаяся изгородь, синий шлейф выхлопного дыма, и перекрестие легло у основания башни. Танк выстрелил, тут же брызнули в лицо комья земли. Кто-то вскрикнул. Я сдвинул перекрестие ниже, рычаг спуска легко провалился вниз, орудие привскочило, и красная трасса снаряда вонзилась в бортовой лист танка. За казенником по другую сторону чье-то искаженное лицо, глаза вытаращены. Досланный снаряд лязгнул, освободился клин и закрыл со звоном затвор... «Бронебойный... третий...» — выкрикнул лейтенант Богданов фразу,

как полагается заряжающему. Перекрестие переместилось влево, и камуфлированный корпус танка, изрыгнув пламя, заслонил объектив. Снова надо мной взметнулась горячая пыль, трасса вспыхнула красной точкой уже после того, когда снаряд образовал в броне отверстие.

В следующую минуту под ударами моих снарядов остановились другие два танка из числа тех, что достигли подступов к позициям 2-й батареи. Лейтенант Богданов вогнал очередной снаряд в казенник. И когда прогрохотал выстрел, он выпрямился в рост и указал в сторону правой группы танков. Она откатывалась за гребень обратно. 5-я батарея продолжала вести огонь вслед отходившим танкам.

Перед промоинами легла одна, за ней другая очередь тяжелых разрывов. Наконец-то с восточного берега какая-то батарея перенесла на участок атаки огонь. Новая очередь [606] со скрежетом и свистом, сверля на излете воздух, разорвалась среди подбитых танков. Дым заволок позиции.

Перед орудийным стволом явился лейтенант Чумак. На ПП ему сообщили о положении 2-й батареи, и он — делегат связи — прибыл ко мне. Старший из командиров пехотинцев уведомляет 1850-й ИПТАП о том, что на 16.45 назначено начало контратаки. Лейтенант Чумак перечислил средства, которые привлекались к ее обеспечению, и стал излагать замысел. Контратаку поддерживали два артиллерийских дивизиона огнем с закрытых позиций и третий — реактивных снарядов. Ссылаясь на командующего артиллерией 309-й СД, пехота требует, чтобы обе батареи 1850-го ИПТАП сопровождали ее колесами на глубину ближайшей задачи.

Удивительно, как ослепляет иногда людей фронтовая ограниченность. Пехота, по всей вероятности, думает, что немцы прекратили преследовать ее по своей прихоти, и танки на склоне пылают из-за небрежного обращения экипажей со спичками. Пехота ушла с последнего рубежа, который обеспечивал прикрытие берега. Разумеется, теперь нужно вернуть потерянное либо оставить плацдарм.

Сколько в 1850-м ИПТАП осталось орудий, людей? Связь с 5-й батареей прекратилась, сведений о ней я не имел. Ушедший туда посыльный вернется не раньше, чем через полчаса. А 2-я батарея? В сложившейся ситуации командир полка не должен вмешиваться в функции командиров батарей. Они принимают решение. Если лейтенанту Богданову удастся привести оставшееся орудие в походное положение... то что делать дальше? Отойти? Некуда. Остаться на позиции? Как только противник откатит в исходное положение, ОП незамедлительно подвергнутся обстрелу минометов и артиллерии.

Лейтенант Богданов подал команду «По местам». Маскировку не начинать, исправные орудия подготовить к ведению огня; заняться эвакуацией раненых.

Контратака пехоты начнется через пятнадцать минут, предшествующий ей огневой налет — через семь. Кто знает, в какое состояние придут к тому времени обе батареи 1850-го ИПТАП — 2-я и 5-я.

Лейтенант Чумак уполномочен передать старшему из пехотинцев, что 1850-й ИПТАП сделает все возможное для поддержки контратаки, но не более этого. Если потери 5-й батареи такие, как 2-й, то к ведению огня пригодны только три орудия, и рассчитывать на сопровождение, как хотела бы пехота, ей не следует. [607]

Сверено время. Лейтенант Чумак переставил стрелки своих часов, повернулся и торопливо пошел прочь. На тропе, которая вела к спуску, разорвалось четыре, пять мин. Откуда-то издалека донеслось эхо орудийных выстрелов. Не наши ли батареи начали огневой налет? Я взглянул на часы. Прошло всего пятьдесят секунд. В тот же миг дрогнула под ногами земля, пламя коснулось снизу плеч лейтенанта Чумака, и он пропал, будто растворился в клубах черно-коричневого дыма.

Куда девался лейтенант Чумак? В моей памяти — провал. И что произошло после обстрела тяжелых орудий? Я не мог вспомнить... Лейтенант Чумак... его не стало... не стало... он... исчез... но куда?.. И что было дальше... что? И я здесь... зачем? Серая сутемь расстроила память.

В отчаянии я вспоминал промелькнувшее событие в обратном порядке. Лейтенант Чумак прожил пятьдесят секунд... меньше минуты... столько было отмерено ему... а перед этим что? Мысли путались, в душе смятение. Фрагмент, запечатленный в сознании, вырван из общей картины... бессмыслица. Моя голова раскалывается. Слушать вой ветра и оставаться без движения невыносимо. В комнату вбежала

полусонная Марта Вильгельмовна, следом — хозяйка со свечой в руках. Вызвали Павлова, потом явилась сестра. Перевязка заняла весь остаток ночи.

И больше я не знал покоя, рылся в памяти днем и ночью, вспоминал. Тщетно. Узел, на котором оборвалась нить, затягивался все туже и туже. В те мгновения, когда разгадка казалась близкой, перед глазами возникали блеклые склоны прибрежных круч, овраги... А в забытьи мерещилась крепостная стена — одна и та же — мощная, возведенная на серых гранитных камнях, с башнями и бойницами, я карабкался по скользким выступам, но зубчатый ярус над головой, ощетилившийся копьями, поднимался все выше и выше в небо, затянутое черными, ползущими отовсюду, тучами.

* * *

Временами меня охватывает ужас. Неужели все это происходило со мной? Будто кого-то другого без всяких признаков жизни, окровавленного, под огнем эрликонов несла через Днепр лодка. Бесконечно долго он извивался в пламени Антонова огня и слышал треск собственных рассекаемых мышц.

В груди, я чувствую, шевелятся крупновские осколки, обтянутые комком затверделых мышц, и шрамы под одеждой [608] обжигают кожу. Но здесь довольно об этом! Я вернусь к Днепро-вскому плацдарму еще раз и расскажу о мотивах, которые побудили меня оставить укрытие и в разгар огневого налета идти на поиск капитана Болелого, о том, что испытал после, в медсанбате, в Пирятинском эвакогоспитале и на стационарном лечении в госпиталях Москвы, день за днем. И о безмерном горе, что удручало воина, когда перед ним разверзлась пропасть, и нет никакого пути назад.

Однако и до того срока автору меньше всего хотелось бы оставлять читателя в заблуждении относительно его взглядов.

Война уходит в область преданий, но многие события сохраняются навсегда в памяти людской. И сегодня воздаются почести бывшим фронтовикам — рядовым всех родов войск, начальствующему составу: командирам, политработникам, сотрудникам служб боевого и материального обеспечения, интендантам, техническому, врачебному персоналу — почести, равные всем, кто принимал участие либо же был свидетелем грозных событий, потрясших до основания страны, континенты, весь мир. Над головами воинов реяли знамена, обгаренные кровью, были призваны на поле боя тени великих предков. Воины переднего края, мужественные люди, не уклонялись от службы и не оставляли боевой строй, невзирая на неудачи и поражения. Они жертвовали жизнью во имя социалистического общества, во имя других людей.

Тускнеют события, и годы в своем извечном движении равняют всех под одну мерку. Было бы излишним напоминать в поредевшей когорте старых воинов отличия одного перед другим на встрече с людьми сегодняшнего дня, когда они — эти люди — убеждены, что работать в подразделениях боевого и материального обеспечения и сражаться — одно и то же. Бывшие фронтовики, как полагают послевоенные поколения, ничем не отличаются один от другого и говорят одно и то же. Орденовские нашивки? Доказательство сомнительное, боевые ордена выдавались и за успехи в мирной службе, по выслуге лет в послевоенный период.

Да, вспоминать подробности, спустя столько лет, может быть, и не стоит. Однако случалось в мыльной воде заодно выбросить и младенца. На полях сражений никакого равенства не существовало. Каждый выполнял свои строго определенные обязанности. В центре фронтового миропорядка находились командиры — категория должностных лиц, осуществлявшая управление войсками. Труд самых красноречивых и преданных политработников, артснабженцев и [609] саперов, инженеров и интендантов, связистов и медиков, рядового состава всех специальностей пропадал впустую во всех случаях, когда тот, кто поставлен во главе подразделения, части, соединения, не проявлял командирских задатков, умения вести за собой подчиненных, объединять начальников и рядовых, направлять усилия их на выполнение боевых задач. Успехи и неудачи на поле боя, как и вне фронтовой службы, всегда отождествлялись с личностью командира, только он наделен полномочием говорить от имени войск.

Командиры занимали особое положение по отношению ко всем другим начальствующим лицам и в соответствии с этим имели право ношения знаков командирского достоинства. В мирное время и в первые годы войны — золотистую окантовку петлиц и нарукавные нашивки, позже — командирские

погоны. Именно он — командир — внес решающий вклад в формирование личности воина-победителя.

Эмблемы, цвета петлиц, околышей головного убора отгораживали военнослужащих одного от других чертой, невидимой гражданскому человеку, затем, чтобы теснее сплотить их по роду оружия. Деление еще с большей отчетливостью продолжалось внутри каждого подразделения, части, соединения. На правом фланге — воины, которые ведут бой, на левом — подразделения боевого обеспечения: саперы, связисты, химики и учреждения войскового тыла — артснабженцы, персонал обозно-вещевой, продовольственно-фуражной, медицинской, финансовой служб — специалисты, занятые хранением, выдачей, ремонтом и восстановлением, доставкой боеприпасов, продовольствия и прочих ресурсов, необходимых в деятельности боевых подразделений.

Знаки — эмблемы, цвета петлиц, околышей — освещают перед гражданской публикой род занятий военнослужащего. Участвовал ли воин в бою? Где, на каком удалении от переднего края? Какую нес нагрузку? Степень опасности, которая ему угрожала?

Фронтовик-пехотинец, артиллерист, танкист гордился своим оружием. В полуразрушенной только отвоеванной деревушке, и на улицах тылового города его встречали с почетом и уважением как гостя, внимали его словам. Он истинный воин, защищал отечество, сражался, повинуюсь присяге во имя всех людей и каждого в отдельности.

Но не хвалебное слово, не ордена и не пища, не обмундирование — меховое, студеной зимней ночью — трогало душу воина-фронтовика. Признательность — вот дар, который он ставил выше всех наград и отличий, когда в глазах [610] людей — старых и малых — находил тепло и любовь, источник, питающий мужество воина.

Фронтовик ценил людское внимание, то, чего ему не доставало. Не знает воин, что ждет его завтра, через час или в следующую минуту. Он жаждал видеть и слышать, в этом проявляется естественная потребность души всякого, кто подвергал себя риску.

Что же, однако, случится, если обезличить воинов, знаки различия боевых подразделений одеть личному составу служб обеспечения и снабжения?

Первые были бы принижены, вторые — незаслуженно возвышены, ибо как те, так и другие хорошо знают, кто они. Камуфляж застилает глаза людям. Исчезнет дистанция, и никто не найдет более в обезличенной массе достойного воина, того, который нес жестокий труд подчинения на переднем крае, службу по-настоящему, все ее невзгоды и опасность.

Воины боевых подразделений сочли бы себя обманутыми в своих высоких побуждениях. Вполне естественно со стороны фронтовика в ответ на пренебрежение его солдатской участью. Зачем стараться, когда труд не находит признания? Растворившись в общей массе, воин утрачивает стимулы, которые должен ставить выше жизни.

Ношение знаков различия — погон, звезд, эмблем, — установленных для воинов строевых подразделений, лицами служб обеспечения и снабжения рассматривалось во все времена как посягательство, недопустимое нарушение моральных принципов службы и влекло те же наказания, что и самовольное ношение орденов.

Унификация служебного отличия, вероятно, вызвала бы живейший отклик у специалистов тыла. Ни для кого не секрет, многие из этих лиц стесняются своей профессии, принадлежности к войсковому тылу. В пехоте интендантские и технические работники предпочитают, чтобы гражданское население принимало их за командиров рот, артснабженцы — за артиллеристов.

Почему? Этот вопрос влечет за собой целый ряд других. Что прельщает молодого человека в профессии строителя, продовольственного, вещевого, финансового работника, одетого в одежду цвета хаки? Неужели лавры специалиста в хранении и выдаче пищевых продуктов, одежды, ремонтных материалов или в строительстве?

Если не лавры, так зачем тогда обременять себя казарменной жизнью? Молодой человек имеет все возможности честно осуществить свою мечту в модной одежде студента [611] гражданских вузов. Но если он крепок физически и чувствует силу духа, присущую воину, готовому собственным примером утверждать воинский порядок, то ему необходимо стучать в дверь другого, военного — без всяких натяжек — училища. Полугражданская профессия строителя, интенданта или врача пусть останется кому-нибудь, кто слабее телом, чтобы тот имел повод гордиться сверстником-воином.

Всех нас ведет за собой звезда призвания. Одному она ярко освещает путь от исходного положения до финиша, другому — только ближние горизонты. Но в подлунном мире... все не бесконечно. И в таком деле, как выбор военной профессии, существуют свои сообразные границы, этические и нравственные. Команда «по ранжиру... становись», каждому известна с детских лет, в расшифровке не нуждается. Сильный должен принять на себя тяжелую работу, слабый — легкую. Испокон веков так заведено в жизни.

Всегда ли соблюдаются пришедшие к нам из прошлых времен общепринятые нравственные правила? Возьмем, к примеру, связистов — телефонистов, радистов, инженеров, обязанности которых ограничены вполне определенными рамками. Они обслуживают командные и командирские наблюдательные пункты, а также штабы. Этим и исчерпывается участие должностных лиц и подразделений связи в боевой деятельности войск в целом.

Кто-то мог бы возразить, дескать, на вооружении в ротах и батальонах связи, так же как у саперов, интендантов и т. д., имеются карабины, автоматы. Отправляясь на линию, связист помимо инструментов несет оружие. Он может стрелять.

Да, пожалуй... может... но с тем, однако, условием, что враги явились на телефонную линию. Воин подразделений обеспечения не обязан выйти навстречу противнику, навязать ему силой оружия свою волю либо стоять лицом к лицу в обороне изо дня в день, как пехотинец.

Связист вправе, конечно, стрелять, а может и воздержаться, имеет все основания, сославшись на свои прямые обязанности, ибо его первоочередная задача — поддержание в исправности линии связи. Если же все-таки он вступал в бой вместе с дежурной сменой либо в одиночку, то уже не в своем амплу, а в роли пехоты, средствами и методами, которые применяются ею.

Основное вооружение связиста — телефонный аппарат, карабин — вспомогательное. Подобно всякому военному подразделению обеспечения и снабжения связист [612] становился бойцом и даже героем — есть, кажется, один или два примера — при случайном стечении обстоятельств. Пехотинец же неизменно обращен лицом к противнику и уже только по одной этой причине рядом с воинами тыловых служб обеспечения почитался во все времена героем.

Предназначение подразделений связи разных инстанций — обеспечить деятельность командиров и штабов, содержать в рабочем режиме основные звенья системы управления войсками.

Выражение «обеспечить» до некоторой степени отвлеченное и воспринимается в широких кругах гражданских и поенных людей весьма расплывчато. Наиболее распространенное уставное толкование означает «никаких рассуждений, делать, что приказано». В полевой обстановке, с участием действующих лиц это иногда выглядит так. Позади, за спиной тщедушного командира-пехотинца, тянет кабель гвардейской мерки начальник связи. Со стороны людям неловко, поменяться бы им знаками различия, а заодно и местами.

И снова возникает недоумение. Какая причина заставила воина, физически крепкого, избрать службу обеспечения, т. е. работу по указанию, вместо творческой деятельности? Несовершенство методов предварительной ориентации молодежи? Голос ущербной совести, толкающий иногда людей всякого возраста на легкие хлеба? Лишь бы мне легко, а остальные пусть, как знают, до этого мне дела нет. Но, предположим, причина установлена. Любознательность, увлечение почтовыми марками, голубями или азбукой Морзе нередко заводят молодых людей довольно далеко в деле выбора профессии.

И это называется призвание... Но с призванием тоже ведь случаются всякие казусы. Может быть тень, отбрасываемая фигурой командира, в зародыше заглушила склонности вполне самостоятельной

натуры, сковала мысль и, смирившись, человек плетется вслед кому-то, обученный второстепенной роли.

Чем вызываются подобные явления? Недоработкой отдельных лиц или общественными процессами, которые 70 лет спустя взволновали вдруг все слои нашего общества? Нельзя ли внести какие-то корректуры? Свобода выбора воинских профессий, как, впрочем, и свобода вообще, сама должна создавать для себя ограничительные барьеры. Вне барьеров это уже не свобода, а нечто другое. Это произвол.

Военному человеку наряду с честолюбием присуще иногда также тщеславие. Первое направлено в пользу общим [613] интересам, второе — им во вред. В дни Великой Отечественной войны фронтовик, если бы повстречал интенданта или артснабженца с петлицами в золотистой окантовке, пришел бы в изумление. Ему становится совестно, не по себе. Специалист тыла возвел себя в ранг командира!

Служебный статус должностных лиц — того и другого — не сопоставим. Командир управляет всеми силами и средствами войск, охватывает мысленно общую ситуацию, в которой они действовали. Специалист тыла занимался сугубо узкой работой — обеспечением и снабжением, следуя во всем строго и неукоснительно указанию командира, связанный его решением.

Недоумение фронтовика вполне закономерно. Зачем сотруднику технических или интендантских служб несовместимые с их деятельностью знаки отличия? Доставить повод к самовозвеличиванию? Подогревать амбиции специалистов тыла способом, который не совместим с понятием дисциплины и запрещается воинскими уставами? Или здесь налицо чье-то скрытое стремление внушить командирам: пехотинцу, артиллеристу, танкисту гибельную надежду, будто на поле боя его ношу разделяет еще кто-то — техники, врачи, снабженцы — так же охотно, как они разделяют на людной улице сегодня честь носить командирские отличительные знаки?

Фронтовику известно: цвета петлиц и околышей не украшение, выданное произвольно, — это символическое обозначение данных воинского интеллекта, свойственное одной части должностных лиц и не свойственное другой, знаки, предусмотренные законом, как обязательная принадлежность форменной одежде командира — должностного лица, осуществляющего принцип единоначалия в войсках.

Чем характерен этот интеллект? Перечень нравственных качеств командира отнюдь не начинается требовательностью. И образовательный ценз — наука принятия решений сообразно с обстановкой — не стоит на первом месте.

Командир, сверх образования и требовательности, зорких глаз и прочего, должен владеть свойством генерировать волю, возбуждать дух военнослужащих. Другие слова вряд ли выражают относительную роль лица, в обязанности которого воинские уставы вменяют функции собственным поведением сообщать движущую силу десяткам, сотням, тысячам воинов на поле боя.

На огневых позициях и наблюдательном пункте командир собственным примером демонстрировал непреложную сущность моральных норм, которые обязался под присягой [614] блюсти воин. Командир лаконичен. Зачем прибегать к многословию, вдаваться в объяснение понятий, доступных всякому первокласснику? Изо дня в день командир придерживался неизменно своих правил на глазах подчиненных — людей, предпочитавших лучше раз увидеть, чем десять — услышать.

Всякий, кого тяготит подчинение, должен сознаться: в натуре начальника проявлялись склонности, не внушающие доверия — непопорочность в отношении к службе, неряшество, слабоволие, то, что отталкивает приверженного к дисциплине подчиненного, подавляет его энтузиазм. Вполне обоснованные требования начальников этого разряда звучат как вымогательство. Зачем он, начальник, взывающий к сознанию, сам пренебрегает нормами поведения, обязательными для военнослужащего, нечистоплотен, слаб физически, не в состоянии противиться житейским искушениям и в своем пристрастии к пороку выдает правду за ложь и наоборот — ложь за правду. Перед лицом нормальных здравомыслящих людей называет черное белым и в погоне за личной выгодой приносит в жертву интересы службы, готов отказаться от честного слова и обещаний, данных прилюдно.

Тот, кто наделен нравом требовать, должен стоять выше человеческих слабостей. Службу не стимулируют ни материальная, и никакая другая заинтересованность. Воин отдает свои способности безвозмездно, от чистого сердца, во имя Родины.

Рядовой повинует командира, этот — последний — старшему начальнику. Командир обязан соблюдать общепринятые нормы поведения, осуществляя на деле принципы равенства военнослужащих перед законом дисциплины. Военная служба — не игра в солдатики. Это тяжелый труд, совершаемый командиром и подчиненными навстречу, с двух концов, на ниве совершенствования духовных и физических качеств личности, и, как всякий труд, служба поглощает силы воина, возмещая добросовестный труд сознанием удовлетворенности.

Администраторские решения, предпринятые по инициативе отдельной личности и коллегиально, не заменяют отсутствие у военного человека служебного опыта и деятельной воли — нравственной основы командирского авторитета. С назначением на должность изменяется служебное положение начальника, право воинского авторитета остается прежним. [615]

Кто он — командир? Уровень его физической подготовки, личная дисциплина, представление о службе? Внешний вид? Черты характера и лица? Образование? Умеет ли пользоваться оружием? Его привязанность? Отношение к престижу военного человека и своему собственному?

Иной читатель спросит, почему автор говорит преимущественно о профессиональной стороне службы? Создается впечатление превосходства военного человека над другими. Он обособлен и со стороны представляется фигурой умозрительной, слабо связанной с жизнью сегодняшнего дня.

Во-первых, за автором сохраняется право строить сюжет по своему усмотрению. Автор говорит о практическом аспекте воинской службы и, затем, личное мнение автора не всегда вписывается в рамки его обязанностей как должностного лица. Он ссылается на это совсем не для того, чтобы заполучить санкцию опровергать самого себя. Нет, нагрузка, которой подвергается автор, и ряд других причин создают определенные препятствия, несогласие стилистически не сглажено там, где оно выступает наружу.

Речь идет о службе предвоенного времени и о том, что автор испытал на поле боя. Тогда считалось, что из двух задач — производство материальных средств и защита идеи, во имя которой трудились люди, т. е. оборона страны, — вторая является более важной. Реальная угроза нападения на деле вынуждала готовиться к обороне. В боевой подготовке военного человека центр тяжести был перенесен на практическую почву. Боеспособность подразделения и части, т. е. способность вести бой, служила единственным критерием, характеризующим состояние войск.

Престиж военного человека тогда стоял гораздо выше. Никто не хвалил его и не пускал мыльные пузыри, не пытался выдавать желаемое за действительность. Не было в этом необходимости. Всякий воин сам демонстрировал свою готовность к выполнению долга внешним видом и поведением. Соблюдался статус военнослужащего, он нес службу по закону, умел подобающим образом держаться и поэтому пользовался всеобщим уважением. И форменную одежду воина никто не компрометировал — ни рабочие, ни строители.

Автор придерживается того мнения, что судьба войны, как и всех людей, по обе стороны фронта, в тылу страны и на оккупированной территории, всех — подпольщиков, партизан и не партизан — решалась на поле боя, там, где противник сосредоточил свою военную мощь. Решали ее солдаты и никто другой: пехотинцы, артиллеристы, танкисты, [616] летчики, моряки, т. е. воины, подготовленные регулярной службой в условиях строгой дисциплины к действиям в боевом строю подразделений. Они сражались в период неудач и отступлений и все последующие годы безотлучно в строю своих подразделений. Они — движущая сила фронтового механизма, управляемого централизованной волей командующего.

С первого и до последнего дня войны воин платил одной ценой. Платил за успехи и неудачи, свои собственные и не свои, за всех вместе и за себя лично и когда был обеспечен средствами для ведения боя, и когда не имел самого необходимого, платил молчаливо и безропотно, потому что сражался во имя общих интересов. Его не покидало сознание принадлежности к подразделению и части, к знамени,

под сень которого становятся мужчины — цвет и гордость великого народа, все лучшее, что родилось и взросло в семье единой, они — возвышенные силой и бесстрашием сердец над массой других, — доподлинно воины, служили народу оружием и кровью.

Они, обеспеченные многосторонней огневой поддержкой, добивались успехов не в первой и не во второй атаке. Наносить удары противнику и противостоять ему — умение сражаться, на равных началах — стоило дорого, но еще дороже — побеждать.

И снова читатель в недоумении, зачем автор полемизирует с авторитетами общепризнанными? Разве ему неизвестно, «...солдатами не рождаются». Он не видел фильмов «Горячий снег», о санитарных поездах, партизанах и лихих атаках саперов, показанных, к слову, не в своем инженерном амплуа, а в роли пехоты?

Да, видел, но в писательской фразеологии упомянутого романа нельзя найти при всем желании хотя бы сколько-нибудь убедительного доказательства того, что солдатами не рождаются, так же как в фильмах — примет, лейтмотива идеи, которая управляет поступками людей на экране.

Неряшливо одетые актеры впадают непрерывно в истерику, своим пренебрежением к воинским порядкам, подчеркнuto развязным поведением на экране несколько не напоминают воина, мужественного человека, свято соблюдающего требования дисциплины Советских Вооруженных Сил. Не хотелось бы обращаться к романам и фильмам. Воспоминания и публицистика — разные жанры. Но ведь это черты портрета, заимствованные из немецких листовок времен минувшей войны, изображавших советского воина в обликах полудикого азиата — грязного оборвыша, которому [617] чужда всякая мораль, он не признает ни норм воинской дисциплины, ни формы одежды, ни правил поведения, принятых в Вооруженных Силах.

Всякий человек с рождения несет с собой predeterminedенные природой задатки. Один, скажем, склонен к поэзии, другой — к торговле, третий нашел удовлетворение в борьбе со стихией. И что же? Природа выше общественных установлений. Дремлющее в мирной жизни предрасположение просыпается и наделяет кого-то репутацией воина. Другой же плетется ни шатко, ни валко в среднем ряду, третий принимал смерть, не усвоив, случалось, начальной буквы солдатского алфавита. И не вина погибшего, что природа отказала ему в качествах, которые, возможно, сделали бы его дни еще короче.

Лицам, поднаторевшим в писательстве, нетрудно росчерком пера наделять доблестью воинов всех подряд, людей бездеятельных и неспособных, всякого сорта статистов немощных, нужно подталкивать их во всяком бою либо бросать в пути как обузу.

По обычаю нашего народа не принято говорить после, когда убран урожай, «мы пахали». Двигать орано и присутствовать при этом — далеко не одно и то же. С незапамятных времен людям известно разделение труда в пахотное время. Убедиться в этом может всякий желающий.

На полях сражений минувшей войны, как уверяют иные писатели и режиссеры, никаких примет разделения не замечалось. Все герои, все воевали поголовно на фронте и в тылу, уничтожая врага, под крышами домов, где укрывалась живая сила, на железных дорогах, пускали под откос эшелоны с танками и прочим стратегическим грузом. Даже ставка верховного главнокомандующего врага была наводнена нашими специалистами, и они — оторопь берет — водили безжалостно за нос высших военных и государственных чинов, пока, наконец, не перепутали все карты и не принудили к капитуляции.

Фантазия необходима. Но во всем существуют свои границы. Если фантазер избирает своей темой чистейший вымысел и, позабыв обо всем, кроме, разумеется, личной выгоды, раздувает ее в откровенном стремлении принизить роль реального фактора, такой труд нельзя назвать фантазией. Зачем это? Сбить с толку молодого несведущего человека? Чтобы уверовал, будто он — вундеркинд и наделен, как и все окружающие, деловой хваткой «...пироги... печь, как пирожник...» и «...сапоги... тачать, как сапожник...» А придет час прозрения, кто утешит заблудшего? Жалко, [618] свои ведь. Но, может быть, понятие свойства у этих лиц свое, не паше общее? Или я ошибаюсь?

Немало дней автор провел в тылах противника и на ничейной территории, но побывать в своем тылу, за пределами тактической зоны довелось только «по направлению врача». ИПТАПы не отводились с поля боя. Потерял орудия? Нет людей в подразделениях? ИПТАП только менял ОП. С переднего края перемещался в рошу, искромсанную снарядами, либо в овраг, куда-нибудь на вторую или третью позиции главной полосы обороны, прикрывая узел дорог или иное танкоопасное направление. Пополнение поступало непосредственно на ОП, где занималось и строевой, и физической подготовкой, и огневой службой. А в конце периода являлся старший начальник либо его представитель и там же проводил тренировочные стрельбы по макетам танков, их изготовили сами батареи под ответственностью командира. ИПТАП — очень удобен.

Тем не менее автор ни за что не хотел обойти молчанием и не упомянуть людей военного тыла, поскольку разговор коснулся разделения труда.

Десятки миллионов мужчин и женщин работали в промышленности и на хлебной ниве, в тяжелейших, часто нечеловеческих условиях, работали без сна и отдыха, голодные и холодные, чтобы обеспечить потребности Вооруженных Сил в оружии, одежде, продовольствии. Жизнь этих людей ежечасно и всякий день наполнена нуждой и ожиданием страшной вести о гибели близких.

Воин — мужчина — свыкается с опасностью в круговороте фронтовой сутолоки. Часто ли, редко ли он накормлен, под огнем порою и не до еды, все мысли вон из головы, он забывал обо всем на свете. Стрельба, грохот, там противник, рядом товарищи, друзья, сплоченные службой и общей участью. Верно, увечья, раны и смерть рядом, но и с этим соседством воин в конце концов смирился. Смерти не избежать никому, и он спит, когда выдалась минута, беспробудно.

Он не подвержен пытке, которая неумолимо терзает всюду — под крышей жалкой лачуги и в тиши благоустроенного жилища — сердца матерей солдатских, жен, молодых и старых, лишает их сил, бодрости и покоя. Всегда напряжены и слух, и душа, спешат они, едва заслышав шаги за окном. Который день нет писем... вдруг почтальон... горе... неужели... извещение? А одиночество женщины у детской колыбели? И младенцы, едва явившись на свет белый, теряют отца, опору жизни, не сознающие, что никогда его не [619] суждено увидеть. Не они ли, несмышленные и жалкие, приносят самую тяжкую дань войне? Безмерно глубоко, непреходящее детское горе!

Фронтовым солдатам никогда не возместить даже героической службой страданий и тревог, пережитых теми, кто ждал и любил их. Солдаты всегда в неоплатном долгу, ибо война отняла у того жизнь целиком, у другого лишь отчасти, ослабив в той или иной мере жизнеспособность. Разве не объединены они — оставшиеся в живых и павшие — роковой участью? Те не вернулись, не оправдав ожиданий, другие бередят раны чьих-то сердец своим возвращением, напоминая о погибших.

Автор не склонен к критицизму и еще меньше хотел бы возражать лицам, которые пользуются вниманием публики. Обращаться к теме войны его заставляет соображение отнюдь не субъективное.

Кому-то позволено поступаться в делах, кому-то в убеждениях. Ему — нет! Не дано ему никакой другой опоры, никакого достояния, кроме того, что навязала война. Упершись, он должен отстаивать малую пядь пространства, уверенный в незыблемости ценностей, во имя которых воин жертвовал жизнью. Мгновение, когда он забудется, лишит его всякой почвы, он станет больным, отпугивающим предостережением для всех. Его не согревает шинель, дырявленная осколками, горек хлеб, поданный чьей-то рукой, и крыша, когда толкнутся там случайные люди, — чужая крыша. И нет у него ни кола, ни двора. Ничего нет.

Такая-то жизнь направляет его помыслы в одно русло. Он прикован неразрывно цепью к былому, к тому, что ушло и всеми предано забвению, но что постоянно возвращает его вспять, заставляя терзаться вынесенными тогда муками. Выхода нет, он обязан нести свой крест. Иначе... забыты слова присяги... обрываются узы общности... пролитая кровь, своя и чужая, и все, что он делал, теряет смысл. Кого же он представлял сегодня среди людей? Себя... или еще кого-то? Значит, природа наделяет воина возвышенным духом только на миг, нести бремя войны в мирные дни он не в состоянии. Должно быть, воин потерял больше, нежели позволяет законами земли. И выжил... зачем?

Все. Шпага сломана, крушение... гибнут иллюзии и явь, его служба обращается в частное предприятие, судьба — его личное дело и сам он — банкрот, если не дороги ему более имена начальников и подчиненных, если он совершил шаг, запрещенный в бою... решился бросить на произвол окружающих [620] святыню — воинское достоинство сослуживцев, живых и погибших, и свое собственное.

Только крайнее ослабление понуждает воина — стойкого человека — обращаться к людям, словами с чужого голоса. Вообразить его здравствующим нельзя. Если же все-таки он является, возникает вопрос, кто он? Изуверившийся циник, срывающий листья от собственного мученического венца? Придавленный невзгодами тупица, нашедший приют в стенах канареечной клетки? Упрямец, не способный создать заново свой, личный мир взамен рухнувшего? Интерес к людям, в среде, где прежде находил стимулы, потерян, и он готов на все, лишь бы оставили его в покое.

* * *

В третьей книге автор продолжит рассказ о боевых действиях 595-го ИПТАП РГК и частей, с которыми он действовал в конце 1941 и последующие месяцы 1942г. Наряду с этим автор намерен затронуть некоторые стороны послевоенной службы.

Читателей интересует этот предмет. Но если они думают, что общественное положение автора обеспечило ему возможность работать, то они заблуждаются. Немало людей, главным образом начальствующих, осуждают поведение его на поле боя. Он и то делал не так, и это, и продолжает поныне в том же духе. Он, видите ли, требует соблюдения воинской дисциплины от всех, с кем соприкасается в порядке несения службы.

Некоторые военные и гражданские начальники относятся к автору так, как будто он сражался не на той стороне, и рассматривают его работу как предприятие сугубо частное. И преуспели в этом деле несравненно больше, чем в исполнении прямых обязанностей. Поучают, указывают. Поучать легко, безопасно и в то же время выгодно. Безопасно потому, что ситуация не типичная и позволяет толковать человеческие нужды в зависимости от направления дующих ветров. Ему не положено и то, и это, и сам он в некотором роде пережиток. Не положенный. Какие еще там у него права? Пресса его работу не замечает и в обозримом будущем не собирается этого делать. Понятно, на обычную она не похожа, признать же ее иной — опасно, а вдруг вышесидящий на стуле... команды нет, значит можно обойтись без... «прошлого...» Вот когда автор закончит земной путь — долго в таких условиях он не протянет, — тогда уж мы воздадим ему сторицей. А сейчас зачем рисковать? Он рисковал, и что получилось? [621] Нет. Только то, что припадает ему по милости руководства и не больше.

Удобная позиция. Перед старшим бюрократам предстает бессребреником, в глазах остальных окружающих — и принципиальным начальником. «Наш-то... глядите какой... строг, но справедлив... не чета предшественникам, режет правду-матку, невзирая на лица... подумаешь... участник... Мы не хуже, если придется...» восхищенно взирают друг на друга подчиненные.

Очень ловко. Сытый, благодетельствованный неведомо за какие заслуги товарищ, манипулируя совестью, получает за счет бедствующего личный капитал, на виду у всех, старших и высших, и получает в течение десятков лет. Кто и по какому праву наделяет одного чингисханским полномочием в своекорыстных интересах интерпретировать нужды другого?

Милейший товарищ! Очевидно, вы не поняли идею воинской службы, если не чувствуете себя причастным к судьбе солдат прошлой войны. Мне не достает многого, но если даже я получу во сто крат больше минимума, то и тогда в моем положении ничего не изменится, я останусь тем, кем был, и никакие даяния не облегчат мое бремя.

Автор намерен осветить существующую ситуацию с указанием фамилий и прочих данных, характеризующих ее, как из соображений личного порядка, так и по долгу службы.

* * *

Наше общество предпринимает решительные шаги для искоренения извращений и ошибок предшественного периода. Коснулись ли они воинской службы?

Под лозунгом заботы о человеке утверждается безначалие, граничащее с произволом. Повсеместную тревогу вызывают взаимоотношения среди военнослужащих. Наблюдаются явления, глубоко чуждые военной организации, а те, кто обязан пресечь произвол, жалуются в прессе и по радио и сами изобличают себя в преступной бездеятельности. Кто жалуется и на кого?

Начальники прячут оружие под замок. По нечаянности оно взрывается, опрокидывается, произвольно стреляет по своим. Обнародованы потери, понесенные в ходе афганской акции. Следовало бы опубликовать за тот же период потери внутри страны вследствие слабых навыков военнослужащего в обращении с оружием и прочими боевыми средствами на так называемых мероприятиях. ЧП влекут человеческие жертвы в караульных помещениях, на полигонах, по пути [622] туда и обратно. Но позвольте, за жизнь военнослужащего положено по уставу отвечать командиру, он деньги за это получает. А расплачиваются рядовой состав и родители. И к слову, упомянутая акция на каком основании окрещена войной? Кто напал, на кого? Ограниченный контингент на душманов или наоборот эти последние атаковали контингент? И почему заключительная сцена эвакуации контингента там, на мосту, представлена на телеэкране как отступление?

Пора бы сказать и о том, что интернациональный долг — понятие надуманное, не имеет никакого юридического статуса и не имеет ничего общего с воинским долгом, что штатная структура контингента, его вооружение и тактика никак не соответствовали характеру навязанной ему задачи и что в течение всех 9 лет контингент не имел никаких объективных предпосылок заниматься ни чем иным, как только утверждать свое присутствие.

* * *

Для поддержания дисциплины уже привлечены родители. Вошли в обиход слеты солдатских матерей. На очереди бабушки. Того и гляди заявятся в казарму защитить внука от посягательств со стороны ему подобных.

Автор обращается к этим вопросам не ради любопытства. То, что происходит, касается сегодня его ничуть не меньше, чем в дни, о которых он повествует в этой книге.